

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Юридический институт

Е. В. Брянская

**АРГУМЕНТИРУЮЩАЯ СИЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ**

Монография

УДК 343.14
ББК 629.34
Б89

*Печатается по решению учебно-методической комиссии
Юридического института ИГУ*

**Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития
ФГБОУ ВПО «ИГУ» на 2012–2016 гг.**

Рецензенты:

Н. П. Дубовик, судья Верховного Суда РФ, канд. юрид. наук
Г. И. Загорский, доктор юрид. наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РСФСР
К. Б. Калиновский, советник Конституционного Суда РФ, канд. юрид. наук
Т. С. Османов, судья Верховного Суда Республики Дагестан, канд. юрид. наук

Б89 Брянская Е. В.

Аргументирующая сила доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции : монография / Е. В. Брянская. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – 193 с.

ISBN 978-5-9624-1310-5

Излагаются общетеоретические начала доказательств в уголовном процессе как с позиции теории уголовного процесса, так и с точки зрения исторических, философских, логических начал. Обосновывается аргументация в аспекте активности участников процесса в условиях состязательности, а также дается анализ исследования и значения отдельных видов доказательств.

Предназначается для студентов, магистров, аспирантов и всех юристов, интересующихся вопросами уголовно-процессуального права.

УДК 343.14
ББК 629.34

ISBN 978-5-9624-1310-5

© Брянская Е. В., 2015
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические начала доказательств в уголовном судопроизводстве России	7
1.1. Понятие и классификация доказательств в уголовном судопроизводстве	7
1.2. История доказательств в уголовном судопроизводстве России	20
1.3. Философия аргументирующей силы доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции	31
1.4. Аргументированное доказывание и его логика в свете концепции уголовного судопроизводства	41
1.5. Соблюдение международных стандартов состязательности как гарантия активного доказывания по уголовному делу	55
Глава 2. Активность сторон в суде первой инстанции	68
2.1. Аргументация как предпосылка активности сторон в ходе судебного разбирательства по уголовному делу	68
2.2. Активное участие прокурора в суде первой инстанции	81
2.3. Осуществление состязательных начал уголовного судопроизводства защитником в суде первой инстанции	93
Глава 3. Реализация аргументации в процессе доказывания по уголовному делу	108
3.1. Исследование доказательств в суде первой инстанции	108
3.2. Прения сторон как элемент аргументации по уголовному делу	119
3.3. Специфика оценки доказательств судьей	125
Глава 4. Юридическая сила отдельных источников доказательств в суде первой инстанции. Проблематика недопустимости доказательств	141
4.1. Юридическое значение личных доказательств в процессе оценки доказательств	141
4.2. Вещественные доказательства и их смысловое содержание	158
4.3. Недопустимые доказательства с позиции судебной практики	169
Заключение	176
Список литературы	182

ВВЕДЕНИЕ

В основе процесса доказывания по уголовному делу заложена теория познания. Любая мыслительная деятельность в первую очередь основывается на познании обстоятельств реальной действительности. Познание окружающего мира строится на системе выработанных правил, которые систематизированы, упорядочены и образуют собой так называемую теорию познания (гносеологию). Теория познания, или гносеология – раздел философии, в котором изучается природа познания и его возможности, отношение знания к реальности, выявляются условия достоверности и истинности познания. Термин «гносеология» происходит от греческих слов *gnosis* – знание и *logos* – понятие, т. е. «понятие о знании», «учение о знании»¹. К разновидностям форм отражения реальной действительности относят: познавательное отражение – формирование идеальных образов, знаний о предметах; эмоциональное отражение, имеющее форму специфического личного отношения (эмоции, переживания); отражение в форме сознательных предметных действий². В любом случае познание всегда предназначено для получения нового знания, которое всегда основано на отношении человека к действительности и направлено к получению познавательной, имеющей значение к факту деяния, информации.

В содержательном смысле процесс доказывания по уголовному делу имеет ретроспективный характер. То есть в настоящее время мы познаем те обстоятельства, которые имели место в прошлом, чтобы на уровне практики максимально достичь истины по уголовному делу. В этой связи современные авторы верно

¹ Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. М., 1991. С. 5.

² Диалектика познания / под ред. А. С. Кармина. Л., 1983. С. 23.

полагают, что в ретроспективном познании проявляется возможность человека осуществлять, так называемую инверсию, т. е. возврат времени. Ретроспективное познание заключается в возможности реконструкции, восстановлении полной структуры объекта прошлого и его описания при помощи сохранившейся информации на следах взаимодействия этого объекта с окружающей действительностью³. По нашему мнению, теория познания особенно актуальна на таком этапе процесса доказывания, как собирание доказательств.

Поскольку концепция уголовного судопроизводства основана на принципе состязательности, в этой связи приобретает особую значимость активность сторон при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. Думается, что на основе полученной информации в процессе познания, стороны с помощью активной мыслительной деятельности, пытаются повлиять на внутреннее убеждение судьи, посредством предоставления аргументов своей правоты. В этой связи все наибольшую актуальность приобретает теория аргументации, которая позволяет нам судить об определенной юридической силе доказательств – аргументирующей силе.

Согласно УПК РФ ни одно доказательство не имеет преимущественной силы перед другими доказательствами. Действующее уголовно-процессуальное законодательство употребляет применительно к доказательствам понятие «сила». Так, например, в соответствии с ч. 2 ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, а в ч. 1 ст. 75 УПК РФ указывается, что юридической силы не имеют недопустимые доказательства, которые поэтому не могут быть положены в основу обвинения, а равно использованы для доказывания любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), а также, к примеру, ст. 455 УПК РФ – юридическая сила доказательств, полученных на территории иностранного государства.

По нашему мнению, каждое доказательство в суде первой инстанции обладает убеждающей (аргументирующей) силой.

Конечно, в уголовном судопроизводстве действует правило о том, что ни одно из доказательств не имеет перед судом заранее

³ Корнев Г. П. Методологические проблемы уголовно-процессуального познания. Нижний Новгород, 1995. С. 69.

преимущественной силы, но заметим – заранее, когда суд выносит приговор на основе исследованных и оцененных доказательств. Оценка строится на четком анализе соответствия доказательств относимости, допустимости, достаточности и достоверности. В результате такой оценки отдельные доказательства порою вообще теряют свою юридическую силу, и в основу приговора суд закладывает те доказательства, которые прошли свою оценку и могут служить аргументом законного приговора.

В данном научном исследовании мы затрагиваем только отдельные аспекты процесса доказывания, не раскрывая, например, сущности такого серьезного источника доказательств, как заключение эксперта, соглашаясь с тем, что экспертиза – это «царица доказательств».

Цель данной работы – раскрыть и проанализировать теоретические предпосылки аргументирующей силы доказательств в уголовном процессе, а задачами выступили: изложение общетеоретических начал доказательств в уголовном процессе как с позиции теории уголовного процесса, так и с точки зрения исторических, философских, логических начал; обоснование аргументации с точки зрения активности участников процесса в условиях состязательности; анализ исследования и значения отдельных видов доказательств.

Автор благодарит профессора Геннадия Ильича Загорского за оказанную помощь и поддержку в написании работы.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

1.1. Понятие и классификация доказательств в уголовном судопроизводстве

Прежде чем рассмотреть вопрос аргументирующей силы доказательств, необходимо раскрыть понятие доказательств в уголовном судопроизводстве, разграничивая сущность понимания доказательств на досудебных стадиях и в суде первой инстанции.

Мы полагаем, с научной точки зрения классификация доказательств возможна при четком понимании доказательств, выявлении всех их сторон, правильном разграничении на виды. Деление доказательств на виды по различным основаниям имеет большое научное и практическое значение. Умение сторон логично и верно классифицировать доказательства позволяет грамотно строить аргументацию своей позиции по уголовному делу.

Если рассматривать дореволюционный период, то можно отметить, что изучением вопросов, связанных с доказательством в уголовном процессе, занимались ученые: Л. Е. Владимиров, С. И. Викторский, М. В. Духовской, С. В. Познышев, Н. Н. Розин, Д. Г. Тальберг и др.

Понятие доказательств является одним из самых сложных и спорных вопросов в уголовном процессе. На основе доказательств строится доказывание в уголовном процессе, правила которого регулируются УПК РФ. Эти правила достаточно серьезно затрагивают права и свободы человека и гражданина. Нормы УПК РФ о доказательствах и доказывании неразрывно связаны со всеми нормами уголовно-процессуального права, определяющими задачи судопроизводства и его принципы, полномочия государственных органов, права, обязанности и гарантии прав участников процесса, порядок производства следственных и судебных действий, требования, которым должны отвечать решения, принимаемые в уголовном процессе. В вопросах о доказывании в уголовном судопроизводстве используются достижения различных наук. Важ-

ную роль в развитии доказательств играет изучение не только научных концепций и норм УПК РФ, но и судебной практики.

Общее понятие доказательств по уголовному делу сформулировано в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Ими являются любые сведения, в соответствии с которыми суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно такие сведения представляют собой содержание любого доказательства.

По мнению большинства современных ученых, это определение доказательств является правильным. Прежнее определение законодателем доказательств как «фактических данных» (ст. 69 УПК РСФСР) было менее удачным: оно допускало разную трактовку доказательств – и как «сведений о фактах», и как самих «фактов», и как «фактов и сведений о них» одновременно.

С. И. Викторский, Д. Г. Тальберг, Л. Е. Владимиров под уголовными доказательствами понимали всякий факт, вызывающий в суде убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного разбирательства⁴.

Некоторые авторы предлагают рассматривать доказательство «как единство трех основных элементов: 1) сведений о фактах; 2) источников сведений о фактах; 3) способов и порядка собирания, закрепления и проверки сведений о фактах и их источников, причем не как простое суммированное единство, а как систему их самих и возникающих в этой связи отношений»⁵. Данная точка зрения является спорной и поддерживать ее затруднительно. С уверенностью можно сказать, что процесс доказывания и доказательства являются взаимосвязанными категориями. Доказательства являются единственным средством установления обстоятельств предмета доказывания. Доказывание – это урегулированная законом деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств. Собирание и проверка доказательств являются способом отыскания носителей информации, получение сведений и их закрепление. Главная цель доказывания – придание процессуаль-

⁴ Викторский С. М. Русский уголовный процесс. М, 1912. С. 44; Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1891. Т. 2. С. 74; Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная. 3-е изд., изм. СПб., 1910. С. 110.

⁵ Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания : монография. Екатеринбург, 2005. С. 33.

ной формы обнаруженным носителям (объектам) информации. Доказательства являются результатом доказывания. Доказательства – это средства установления обстоятельств предмета доказывания. Таким образом, доказывание как деятельность по сбору, проверке и оценке доказательств не может быть составной частью результата своей деятельности.

Безусловно, процессуальная форма неразрывна с содержанием доказательства. В том случае, если процессуальная форма «пуста», т. е. лишена сведений, которые представляют собой значимый материал для дела, а также наоборот, если значимые сведения не оформлены в надлежащую процессуальную форму, то рассматривать их в качестве доказательств было бы верно не в полной мере.

Такое разночтение вызвало дискуссию в научных кругах; различные авторы в качестве доказательств рассматривали «информацию, явления природы, вещи, людей, их физиологическое и психическое состояние, события, не зависящие от воли людей»⁶. На досудебных стадиях уголовного судопроизводства, возможно, и следует понимать под доказательствами только определенные «сведения». В этой связи представляет интерес мнение В. И. Никандрова, который заметил: «Доказательства есть сведения о фактах, имеющих значение по делу, установленные в предусмотренном законом порядке. По делу мы собираем не сами факты, а сведения о них. ... Доказательствами могут быть только сведения о фактах, но не сами факты реальной действительности»⁷.

В теории доказательств одни авторы, С. А. Голунский, Р. С. Белкин, полагали, что доказательствами являются только факты, а источники сведений о фактах не являются доказательствами⁸.

Тем не менее в практической деятельности, с учетом норм УПК РФ, выделяют именно факты, с которыми закон связывает доказательства; они образуют две относительно самостоятельные группы: обстоятельства, которые составляют в своей совокупности предмет доказывания по уголовному делу; факты, не входя-

⁶ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам; проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1997. С. 34.

⁷ Никандров В. И. Избранные статьи и лекции по уголовному процессу. Киров, 1998. С. 64, 65.

⁸ Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве. М., 1959. С. 145–148; Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 10–11.

щие в предмет доказывания (промежуточные, вспомогательные, побочные). В следственной и судебной практике выделяют факты общеизвестные (например, факт исторического события) или преюдициально установленные, которые используются в уголовном процессе без доказывания, если не возникает сомнения в их достоверности (например, факты, установленные вступившим в законную силу приговором по другому уголовному делу). Таким образом, в совокупность фактических данных, которые служат основой для формирования выводов по делу, входят различные по своей природе и способу получения сведения об интересующих следствии и суд обстоятельстве, что учитывается при характеристике всего процесса доказывания по уголовному делу.

Доказывание происходит в единстве предметно-практической и мыслительной деятельности, приводит к формированию представлений об исследуемом событии. Здесь надо также отметить, что в теории доказательств выделяют факты, имеющие материально-правовое значение. Они перечислены в ст. 73 УПК РФ и входят в предмет доказывания. Это так называемые доказательственные факты (промежуточные) – факты, на основе которых делаются выводы о наличии или отсутствии события преступления, виновности лица и других юридически значимых обстоятельствах. Они имеют только доказательственное процессуальное значение и подлежат установлению по каждому конкретному делу. Думается, что данная позиция обусловлена тем, что предмет доказывания в уголовном судопроизводстве – это юридически значимые фактические обстоятельства, которые предусмотрены в уголовно-процессуальном законе и подлежат доказыванию для принятия решений по делу в целом или по отдельным правовым вопросам. Поскольку в ст. 73 УПК РФ перечислены те фактические обстоятельства, которые при разрешении любого дела имеют правовое значение, следовательно, это обстоятельства, характеризующие событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

В этой связи можно полагать, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства доказательства – это фактические данные, под которыми необходимо понимать сведения об имевшем место в прошлом событии преступления; фактические данные, на основании которых устанавливаются наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновного лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела; фактические данные, которые устанавливаются только показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, заключением специалиста, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами; фактические данные, собранные в установленном законом порядке. Статья 70 УПК РФ определяет способы собирания доказательств, а соответствующие нормы – порядок производства различных следственных действий; фактические данные, проверенные и оцененные по внутреннему убеждению. Соответственно, доказательствами могут быть любые фактические данные, всё, что служит установлению истины, если соблюдены законные правила доказывания. По-видимому, именно поэтому многие представители юридической общественности под доказательствами, о которых говорится в ст. 74 УПК РФ, понимают не информацию, сведения о тех или иных обстоятельствах, а сами факты объективной реальности, которые устанавливаются при доказывании по уголовному делу, а иногда и то и другое. Полагаем, это не в полной мере соответствует смыслу закона и природе доказывания. Сами факты, представляющие интерес для органов расследования и суда, не могут быть познаны иначе, как путем доказывания, с помощью доказательств. Доказательства – это не сами факты, подлежащие установлению по делу, а сведения об этих фактах, информация о них, их отображение. Только отдельные обстоятельства, факты могут быть восприняты дознавателем, следователем, судьей непосредственно. Это те факты и обстоятельства, которые сохранились ко времени расследования, рассмотрения уголовного дела судом. Более того, закон не случайно использует слово «сведения», а не выражение «фактические данные», употреблявшееся для определения доказательств в прежнем уголовно-процессуальном законе. Этим подчеркивается, что доказательства изначально не рассматрива-

ются как факты, т. е., безусловно, достоверные сведения; они еще подлежат проверке и исследованию судом и сторонами и могут быть оценены ими иначе. Содержащаяся в доказательстве информация может указывать на искомые по делу обстоятельства также и с вероятностью. Как правило, вывод о достоверности этих сведений может быть сделан лишь при окончательной (итоговой) оценке определенной совокупности доказательств.

Поэтому применительно к каждому отдельному доказательству, рассматриваемому изолированно от других, следует говорить не о том, что оно устанавливает искомые по делу обстоятельства, а о том, что оно направлено на их установление и только в совокупности с другими доказательствами может быть оценено.

Кроме того, С. А. Шейфер справедливо отмечает, что доказательства ни при каких условиях не могут трактоваться как факты объективной действительности. Думается, автор справедливо полагает, что подобный взгляд не только противоречит реальному содержанию доказывания как отражения, но и приводит к смешению таких важных понятий теории доказательств, как предмет доказывания и доказательство.

Отражательные процессы, сопровождающие собирание доказательств, состоят в переносе информации (сведений) со следов события в материалы уголовного дела. Поэтому следует согласиться с теми авторами, которые трактуют «фактические данные» как сведения о подлежащих доказыванию обстоятельствах дела⁹.

Заметим, что мы придерживаемся данной позиции только в свете досудебного производства по уголовному делу. Поскольку в уголовном процессе центральной стадией является судебное разбирательство, то относительно рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, в свете современной концепции российского уголовного судопроизводства, является достаточно актуальным вопрос об изучении такой правовой категории, как внутреннее убеждение судьи. Проблематика данного вопроса заключается в том, что законодатель в процессе доказывания по уголовному делу немалое количество вопросов оставляет на усмотрение суда, которое основывается на внутреннем убеждении судьи.

В судебном разбирательстве схему отношений судьи и сторон можно представить в виде треугольника. Вершину этого тре-

⁹ Шейфер С. А. Указ. соч. С. 40.

угольника занимает судья, отношение сторон образует его основание. Стороны равноправны по своему статусу и находятся в одной плоскости. Суд, возвышаясь над ними, в равной степени распространяет свою власть на них с целью управления законом в полном соответствии с духом права и справедливости. В этой связи если судья – это центр и источник власти во время разбирательства и следствия по делу, а каждая из сторон – точка ее приложения, то векторы действия сил в суде, эффекты их сложения образуют силовое поле, в котором и формируются такие качества судебного решения, как справедливость, законность, обоснованность¹⁰.

Суд играет решающую роль в постановлении приговора по уголовному делу. Он обязан использовать весь арсенал средств доказывания, предусмотренных УПК РФ, для формирования доказательственной основы, которая позволит ему по своему внутреннему убеждению принять законное, обоснованное и справедливое решение по уголовному делу.

Внутреннее убеждение судьи имеет особенное значение при оценке доказательств в российском уголовном судопроизводстве. Данное обстоятельство обусловлено тем, что оценка доказательств представляет мыслительную деятельность судьи, которая осуществляется в логических формах при соблюдении научной методологии познания¹¹.

В познании заложена идея доказательственного права. Мы познаем существующее и в ретроспективе воспроизводим полученную ранее информацию, сведения.

Одним из элементов процесса доказывания по уголовному делу является оценка доказательств. «Оценить доказательства, – пишет П. Ф. Пашкевич, – значит определить, насколько точно установлено каждое из них, в какой взаимосвязи с делом и другими доказательствами оно находится, какой именно факт, имеющий значение для дела, оно устанавливает или опровергает и что означают в совокупности все собранные по делу доказательства»¹².

¹⁰ Александров А. С., Гришин С. П., Конева С. И. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению): монография. 3-е изд., доп. М., 2014. С. 118.

¹¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П. А. Лупинской. М., 1995. С. 132.

¹² Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961. С. 49.

Оценка доказательств – это мыслительная деятельность судьи, которая состоит в том, что, руководствуясь законом и правосознанием, судья рассматривает по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности и всю совокупность доказательств, определяя их относимость, допустимость, достоверность и достаточность для выводов по делу. М. С. Строгович утверждал, что «оценка доказательства является итогом его проверки и состоит в признании существования или несуществования того факта, который этим доказательством устанавливается»¹³.

Упомянутые авторы, как и большинство других процессуалистов, считают, что оценка доказательств судьей – это умственный процесс, акт мысли по сопоставлению доказательств. Хотя С. А. Голунский возражал против этого положения, подчеркивая связь оценки доказательств со всей деятельностью следственных и судебных органов¹⁴. При этом в законе не указываются формальные условия, которые заранее определяли бы ценность и значимость каждого доказательства в отдельности и их совокупности.

Современный УПК РФ, сосредоточив в себе достижения отечественной правовой мысли, посвятил отдельную статью оценке доказательств (ст. 17 УПК РФ). Тем самым УПК РФ подчеркнул неразрывность внутреннего убеждения и свободы оценки доказательств, стремясь не допустить ни ущемления внутреннего судебного убеждения, ни его чрезмерной свободы. Так, содержание принципа свободной оценки доказательств составляют следующие положения: во-первых, доказательства не имеют заранее установленной силы; во-вторых, при оценке доказательств судья не связан результатами оценки иных лиц; в-третьих, при оценке доказательств судья оценивает доказательства по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью. При таких условиях в свете принципа состязательности стороны должны представить так доказательства по уголовному делу, чтобы убедить суд в правоте своей позиции. По нашему мнению, в процессе доказывания в суде первой инстанции доказательства выступают не столько сведениями, информацией или фактами, сколько именно *аргументами* (выделено мной. – Е. Б.).

¹³ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 164.

¹⁴ Голунский С. А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1955. № 7. С. 23.

Аргументация выступает одним из важнейших средств разумного убеждения. Известный российский юрист В. Д. Спасович писал: «Всякое убеждение держится на доказательствах и прочно до тех пор, пока его основания – доказательства – не пошатнулись. ...Доказательствами судебными называем мы основания судейского убеждения при решении спорного вопроса, подлежащего судебному разбирательству, убеждения, на котором основывается приговор суда»¹⁵. С позиции состязательности сторон судебное разбирательство заключается в споре. А спор, в свою очередь, – это столкновение мнений или позиций, в ходе которого стороны приводят аргументы в поддержку своих убеждений и критикуют несовместимые с последними представления другой стороны¹⁶. С точки зрения судебного следствия и прений сторон спор является частным случаем аргументации, ее наиболее острой и напряженной формой. Кроме того, спор выступает важнейшим средством прояснения и разрешения вопросов, вызывающих разногласия, лучшего понимания того, что не является в достаточной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования. В судебном разбирательстве стороны, как участники спора, либо приходят к согласию и единому мнению, либо нет, но в ходе спора лучше уясняют позицию противоборствующей стороны. Обоснованная аргументация не просто повторяет выводы по делу, она предлагает доводы, чтобы другие могли принять решение для себя. Довод, или аргумент, представляет собой одно или несколько связанных между собой утверждений. Довод предназначен для поддержки тезиса аргументации – утверждения, которое аргументирующая сторона находит нужным внушить аудитории, сделать составной частью ее убеждений. Кроме того, посредством аргументации мы не просто осуществляем процедуру приведения аргументов, но и строим совокупность, систему убеждающих аргументов.

Можно полагать, что, конечно, на досудебных стадиях в основе процесса доказывания заложена гносеология и теория отражения. Однако собранные доказательства на досудебных стадиях выступают в форме тезисов – сведений, которые еще нужно исследовать и оценить в суде. Данный процесс осуществляется в

¹⁵ Спасович В. Д. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула, 2000. С. 17.

¹⁶ Философия : энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. М., 2006. С. 815.

аспекте состязательности сторон посредством приведения доводов, которые позволяют выдвинутые тезисы расценивать как обоснованные аргументы в пользу виновности или невиновности подсудимого. Посредством сложившихся аргументов формируется внутреннее убеждение судьи. Если рассматривать внутреннее убеждение судьи в качестве его уверенности в правомерности и законности выносимого приговора по уголовному делу, то аргументы сторон являются ключевым элементом в процессе доказывания и выступают в качестве основы для вынесения приговора судом в соответствии с доводами участников уголовного процесса, принимающих участие в судебном разбирательстве.

Далее заметим, что внутреннее убеждение судьи есть полная уверенность субъекта оценки доказательств относительно достоверности полученных выводов. Однако оно должно основываться не на отвлеченном мнении, а на оценке каждого из доказательств и всей их совокупности в целом. Оценить доказательства в совокупности – значит не упустить ни одного из них. Доказательства нуждаются в своей систематизации, соответственно, на помощь судье приходит классификация доказательств. Актуальность вопроса о классификации доказательств заключается в том, что вся совокупность доказательств по уголовному делу нуждается в их разграничении и упорядоченности, что подтверждает логичность процесса доказывания. Классификация доказательств производится с целью построения такой системы, которая рациональна для их формирования при оценке в суде первой инстанции. Исследуя содержание понятия «классификация», следует заметить, что это понятие происходит от латинского *dassis* (разряд, класс), представляет собой систему соподчиненных понятий (объектов) какой-либо отрасли знания или деятельности человека, используемую как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов¹⁷.

Классифицировать – значит распределить по группам, разрядам, классам¹⁸. Доказательства поддаются классификации, в основе которой лежат их объективные различия: происхождение, структура и функции сведений о фактах.

¹⁷ Прохоров А. М. Советский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 592.

¹⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1990. С. 277.

Классификация имеет важное теоретическое и практическое значение: она помогает глубже понять сущность классифицируемых явлений (в данном случае – соответствующих доказательств), группировать их и тем самым более правильно оперировать ими в процессе доказывания по уголовному делу. Классификация доказательств проводится по нескольким основаниям и представляет разветвленную систему. Чаще всего в теории доказательственного права, законе и в практической деятельности в качестве таких оснований используются: способ формирования доказательств или способ (механизм) формирования сведений о фактах, содержащихся в соответствующих процессуальных источниках; наличие или отсутствие промежуточного носителя доказательственной информации; отношение доказательства к обвинению или отношение доказательства к предмету обвинения; отношение доказательства к устанавливаемому факту; отношение к источнику получения доказательства; отношение к предмету доказывания.

В практической деятельности судов чаще всего используются такие термины, как «допустимые» и «недопустимые», «прямые» и «косвенные», «обвинительные» или «оправдательные доказательства». Особое значение придают такому делению доказательств, как прямые (одноступенчатые) и косвенные (многоступенчатые). В основу деления положено различие структуры обоснования доказываемого обстоятельства. Прямые доказательства обосновывают ближайший тезис, косвенные – как ближайший, так и последующие. В судебной практике сложились правила использования косвенных доказательств в процессе доказывания. Во-первых, косвенные доказательства могут быть положены в основу вывода о доказанности соответствующих фактов по уголовному делу лишь при условии, если представлены в виде определенной совокупности. Во-вторых, косвенные доказательства должны находиться в логичной взаимосвязи и представлять собой определенную систему. В-третьих, каждое косвенное доказательство должно находиться не в случайной, а в причинной связи с доказываемым фактом. В-четвертых, в результате анализа системы косвенных доказательств должен вытекать точный вывод о доказанности того или иного факта, входящего в предмет доказывания.

Деление доказательств на обвинительные и оправдательные основано на различной формулировке тезиса доказывания. Доказательства, обосновывающие наличие события преступления, ви-

ну данного лица, обстоятельства, отягчающие ответственность, принято называть обвинительными; обосновывающие отсутствие события преступления, отсутствие вины данного лица, наличие обстоятельств, смягчающих ответственность, а равно доказательств, опровергающие допустимость, относимость или достоверность обвинительных доказательств, – оправдательными. Отнесение доказательства к обвинительному или оправдательному возможно в результате оценки всех доказательств в совокупности.

При рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции бывает и так, что доказательство, первоначально отнесенное к обвинительным, окажется оправдательным.

Следует учитывать, что судьи выделяют так называемые нейтральные доказательства, которые могут иметь место в любом уголовном деле. Например, протокол личного обыска участника процесса с отражением сведений, что при обыскиваемом не обнаружено ни предметов, ни документов, относящихся к расследуемому уголовному делу.

Доказательства в виде иных документов, показания подозреваемого, обвиняемого чаще других остаются в деле нейтральными. Думается, в силу принципа презумпции невиновности, например, признательные показания подсудимого не следует считать обвинительными доказательствами. В этом случае такие показания следует расценивать как нейтральные. Проверенные и оцененные обвинительные и оправдательные доказательства должны быть отражены в важнейших процессуальных документах: обвинительном постановлении (ст. 226. 7 УПК РФ), обвинительном акте (ст. 225 УПК РФ), обвинительном заключении (ст. 205 УПК РФ) и приговоре (ст. 314 УПК РФ). Это означает, что при вынесении обвинительного приговора надо указывать те доказательства, которые положены судом в основу обвинения, с приведением мотивов, почему эти доказательства приняты судом и почему судом отвергнуты оправдывающие подсудимого доказательства: при вынесении оправдательного приговора следует указывать доказательства, которые положены судом в основу оправдания, с приведением мотивов, почему суд отверг те, на которых основано обвинительное заключение.

УПК РФ закрепляет положения о признании доказательств недопустимыми. Следовательно, можно полагать, что в самом тексте УПК РФ предусмотрены две группы доказательств: допус-

тимые и недопустимые. Данная классификация построена по принципу оценки доказательств. То есть, если доказательства, полученные в соответствии с законом, обладают свойством допустимости, то у полученных вне или с нарушениями положений закона доказательств данного свойства, соответственно, нет. Об этом однозначно написано в УПК РФ: доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, являются недопустимыми. Заодно уточняется, что недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 (ч. 1 ст. 75 УПК РФ).

В трудах П. А. Лупинской можно встретить и такой вид доказательств, как ущербное доказательство: «Протокол осмотра жилища, в ходе которого были проведены действия, допустимые только при обыске, может, однако, использоваться в той его части, которая фиксирует вид, размеры жилища, расположение в нем предметов на момент осмотра»¹⁹.

Резюмируя изложенное, можно полагать, что правильное понимание того, что такое доказательство на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса и в чем заключается значение научной классификации доказательств в уголовном судопроизводстве, состоит в способствовании систематизации накопленной информации, в обеспечении правильного использования понятий и терминов, в устранении двусмысленности и неоднозначности языка науки, практики и, соответственно, закона. С научной точки зрения классификация доказательств возможна лишь при правильном понимании и четком определении понятия доказательства, при выявлении всех его сторон, разграничении на виды. Деление доказательств на виды по различным основаниям имеет и большое практическое значение. Умение сторон логично и верно классифицировать доказательства позволяет грамотно строить аргументацию своей позиции по уголовному делу, а, соответственно, знания судьи о правильной классификации доказательств способствуют полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств находящегося в его производстве уголовного дела, формированию по нему достоверных выводов.

¹⁹ Лупинская П. А. Научно-практическое пособие для судей «Рассмотрение дел судом присяжных». М., 1987. С. 98.

Некоторые исследователи полагают, что кроме доказательств к средствам доказывания относятся источники доказательств и способы собирания и получения доказательств, находящихся в тесной связи между собой, что может служить основанием выделения таких видов доказательств: результаты оперативно-разыскной деятельности, общеизвестные, преюдициально установленные факты и правовые презумпции²⁰.

1.2. История доказательств в уголовном судопроизводстве России

Уроки истории являются познавательными примерами для настоящего времени, невозможно строить перспективы на будущее, не зная прошлого. История доказательств в уголовном судопроизводстве занимает центральное место в науке. В частности, серьезным шагом в развитии теории судебных доказательств было принятие в России Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Судебная реформа 1864 г. на смену теории формальных доказательств привела теорию свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи. По данному принципу свободы оценки доказательств строится и современное уголовное судопроизводство, закладывая в основу процесса доказывания как теорию познания, так и теорию аргументации, которые позволяют наиболее эффективно, в свете принципа состязательности сторон повлиять на мнение судьи при вынесении им приговора по уголовному делу.

Учение о доказательствах издавна занимает центральное место в уголовном судопроизводстве. В теории судебных доказательств особенно следует подчеркнуть тему об эволюции доказательств, поскольку от познания истории, научных и практических решений этого сложного и основополагающего вопроса зависит прочность и основательность современных правил доказывания уголовного процесса.

В этой связи заметим, что понимание данного объекта научного исследования как результат развития, в котором непрерывно происходят количественные и качественные изменения на протяжении исторического времени, и их необратимость, стали важ-

²⁰ Левченко О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование : монография. Краснодар, 2004. С. 34.

нейшими требованиями рационального научного мышления и основой для формирования современного сравнительно-исторического метода изучения проблем правовой науки²¹.

Древнейшей формой судопроизводства был суд общины, члены которой обладали достаточно равными правами и обязанностями в судебном разбирательстве. Состязательность сторон сохранялась долгое время, поэтому процесс в Древней Руси нельзя назвать обвинительным. Характерной чертой были относительное равенство сторон, их активность при рассмотрении дела, а также и в собирании доказательств.

При изучении вопроса о развитии доказательств в уголовном судопроизводстве России в первую очередь следует обратиться к источнику периода возникновения варварских государств и становления феодальных отношений – к «Русской Правде», которая включала множество княжеских законов, изданных между серединой XI и началом XIII в. Несмотря на то что в этот период господствовали начала родового и общинного быта и не было разделения гражданского и уголовного процесса, в «Русской Правде» преступление рассматривалось как обида²². Суд выступал в роли арбитра, который наблюдал за борьбой двух сторон. Доказательства носили характер формальных подтверждений основательности предъявленного суду требования, и их собирание и предоставление суду осуществлялось самим пострадавшим. Однако обвиняемый также был вынужден искать и предоставлять доказательства в свою пользу, поскольку их отсутствие или неубедительность рассматривались как свидетельство его виновности²³.

Интерес применительно к данному исследованию представляет то, что «Русская Правда» предусматривала различные виды доказательств. К примеру, это было собственное признание, которое должно быть сходным с исследуемыми обстоятельствами, добровольным, произнесено в суде, более того, достоверность и истинность признания не должны были вызывать сомнения.

Наиболее распространенным видом доказательств являлись показания свидетелей. Свидетели были двух видов: «видоки» –

²¹ Деришев Ю. В. Концепции уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004. С. 7.

²² Обида – причинение вреда конкретному лицу, его семье и роду (для возбуждения уголовного дела с их стороны требовалось обращение к суду).

²³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 32.

очевидцы происшедшего и «послухи» – свидетели доброй славы, не являющиеся свидетелями факта. В качестве требования говорить правду под угрозой ответственности применяли «клятву». В качестве «клятвы» рассматривали показания, данные под угрозой ответственности²⁴. Например, А. А. Федоров видит в показаниях один из первых источников доказательств в уголовном процессе России²⁵. Присяга и жребий были дополнительными средствами доказывания, когда отсутствовали другие доказательства. В качестве доказательств применялись так называемые внешние признаки – следы, свидетельствующие о происшедшем событии. В «Русской Правде» упоминается такой вид доказательств, как свод. То есть если у лица обнаружена украденная вещь, то держатель этой вещи должен был доказать правомерность нахождения у него этой вещи. По «Русской Правде» допускалось использование поединка, ордалий, особенно в случае отсутствия доказательств.

Немаловажно и то, что в «Русской Правде» не было такого понятия, как «поединок». Тем не менее в юридической литературе можно встретить позиции исследователей, которые полагают, что поединок был широко распространен и применялся как метод разрешения судебных споров.

Судебное производство было направлено на разрешение возникшего между обвинителем и обвиняемым спора. Именно поэтому важнейшее место среди других доказательств, таких как показания, поединки или ритуальные присяги, занимало признание обвиняемым своей вины. Это обусловлено тем, что между сторонами отсутствовал спор, соответственно, не требовалось и судебной оценки доказательств. Вместе с тем такое исключительное значение придавалось признанию обвиняемого только в случае, когда оно представлялось перед судом и с соблюдением всех формальных условий. В случае когда обвиняемый свою вину не признавал, то к таким его показаниям суд относился с явным недоверием; причиной этому было восприятие такого обстоятельства, как нежелания преступника быть разоблаченным²⁶.

²⁴ Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X в. – 1917 г.) / сост. В. А. Томсинов. М., 2000. С. 4.

²⁵ Федоров А. А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

²⁶ Новиков С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 23.

Основными источниками российского права в Средневековье являются «Судебник 1497 г.», «Судебник 1550 г.», «Соборное уложение 1649 г.», «Краткое изложение процессов», являющееся приложением «Воинского устава» 1716 г. Петра I.

«Судебник 1550 г.» закреплял положение, что расследование наиболее опасных деяний для феодальной собственности производится розыскным процессом. Значительная роль отводилась губным старостам, обязанностью которых было осуществлять розыск виновного, собирать доказательства виновности (ст. 60). В качестве видов доказательств рассматривались показания обвиняемого, повальный обыск, захват с поличным, свидетельские показания. Обыденным явлением было получение показаний обвиняемого о признании своей вины под пыткой, такое доказательство воспринималось лучшим доказательством – «царицей доказательств», которое однозначно решало вопрос о виновности лица. Кроме того, иные показания фактически не воспринимались судом, поскольку исходили от лица «подозрительного», что является одним из показателей розыскного типа уголовного судопроизводства.

Середина XVI в. в России характеризуется как период сословно-представительной монархии. Уголовный процесс делился на «розыск» и «суд». Спорящие перед судом стороны ссылались на «кожу противника», прося у суда, чтобы «велено было противную сторону кровью пытать», в частности, ст. 163 предусматривала возможность применения пытки при расхождении показаний допрошенных при повальном обыске²⁷. До «Воинского устава» от 30 марта 1716 г. действовал суд общины, когда судебным разбирательством занимались «судные мужи», «лучшие люди»²⁸.

В развитии доказательственного права немалый интерес представляет период царствования Петра I. Именно тогда укреплялась и развивалась система законных доказательств, которая позволяла ограничить судейский произвол. При Петре I исчезают остатки обвинительного процесса. В 1716 г. в приложении к «Воинскому уставу» – «Кратком изложении процессов» Петр I установил правила инквизиционного (розыскного) процесса. Под-

²⁷ Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. Т. 3. С. 83–257.

²⁸ Спасович В. Д. О теории судебных доказательств. В связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001. С. 13.

черкнем тот факт, что законодатель устанавливал силу каждого вида доказательств.

Однако и инквизиционный процесс в России имел ряд недостатков, поскольку ему была присуща ориентация на теорию формальных доказательств, на основе которой выстраивалась вся система доказательств. Можно полагать, что теория формальных доказательств «ставит закон так, что подсудимый не зависит от произвола судьи, от его личного безотчетного впечатления. Но прямо от закона судье оставалось только механически взвешивать доказательства объективной, законом данной меркою, и быть простым орудием и исполнителем закона, не принимая ничего на свою совесть»²⁹.

Закон вводил иерархию доказательств, определяя, какие доказательства являются полными. Полным доказательством следовало считать показания о каком-либо факте не менее двух свидетелей. При этом ценность показаний определялась не только содержащимися в них сведениями, но и зависела от личного статуса давшего их лица. Например, в ст. 13 главы 4 части 2 «Краткого изложения...» было закреплено, что «свидетель мужеска полу паче женска, и знатный паче худого, ученый неученого и духовный светского человека почтен бывает»³⁰.

Интерес представляет то, что если при Иване Грозном имело место применение пыток для получения собственного признания, пытка была важнейшим способом получения доказательств по тяжким преступлениям, то Петр I принял меры к ограничению применения пыток. Екатерина II продолжила сокращать применение пыток. Окончательно пытка была отменена Александром I Указом от 27 сентября 1801 г.

Доказательства делились на совершенные и несовершенные. Совершенными доказательствами признавались: собственное признание, данное судье добровольно и сходное с происшедшими действиями; письменные доказательства, признанные тем, против кого они предъявлены: грамоты, записи в городских книгах, судейских книгах, купеческие письма, духовные; одинаковые показания двух «имверных» свидетелей, если же показания их друг другу противоречат, то берется то, которое вернее. К

²⁹ Спасович В. Д. О теории судебных доказательств ... С. 20, 23.

³⁰ Новиков С. А. Указ. соч. С. 32.

«негодным» свидетелям относились клятвопреступники, изгнанные из государства, у кого «резаны уши и нос». Свидетель должен присягать. Если не присягает – показаниям нельзя верить. Очистительной присяге придавалось важное значение; личный судебный осмотр и показания сведущих лиц.

Теория формальных доказательств существовала в российском процессе до судебной реформы 20 ноября 1864 г.

Однако прежде, чем дать анализ доказательств в результате реформы 1864 г., следует остановиться на том, что с 1826 по 1830 г. создается «Полное собрание законов Российской империи». Этот огромный труд состоял не в изменении законодательства, а в его сборе и систематизации. «Свод законов» являлся в основе сборником феодального крепостнического права. Это подтверждалось вошедшими в него законодательными актами о судопроизводстве и судоустройстве, определявшими бесправное положение личности.

Например, суд знакомился с доказательствами по документам предварительного расследования. На их основе канцелярия готовила выписку, которая зачитывалась при рассмотрении дела в судебном заседании.

В качестве доказательств выступали: собственное признание, свидетельские показания, документы, повальный обыск, допрос соседей о поведении подсудимого (ст. 197).

Одно несовершенно доказательство виновности оставляло в подозрении и не могло стать основанием осуждения. «Несколько несовершенно доказательств, совокупно взятых, могут составить совершенное доказательство» (ст. 308). В то же время «одного совершенного доказательства достаточно для признания осуждения несомнительным» (ст. 306). Когда совершенных доказательств не хватало, а улики были налицо, предписывалось оставлять подсудимого просто в подозрении, в более или менее сильном, или отдавать его «под надежное поручительство в добром впредь поведении, не освобождая его, однако, вовсе от подозрения» (ст. 113). Определялась сила доказательств. Признание подсудимого считалось «лучшим свидетельством всего света» (ст. 316), совершенным доказательством. На основе одного признания можно было вынести приговор, не заботясь о получении иных доказательств (ст. 318). К совершенным доказательствам также относилось свидетельство двух «достоверных свидетелей»,

дающих согласованные показания (ст. 329). Свидетельства одного считались несовершенным доказательством.

В случае противоречия в показаниях следовало давать преимущество «мужчине перед женщиною, знатному перед незнатым, ученому пред неученым, духовному пред светским» (ст. 335). Подробно расписывались правила оценки доказательств по их силе. Так, ст. 341 подчеркивала, что «улики и признаки в совершении преступления», не соответствующие «совершенному доказательству», возрастают по силе, «когда подсудимый не представит на них никакого уважительного опровержения»³¹.

20 ноября 1864 г. является знаменательной датой в развитии уголовного судопроизводства России, именно тогда состоялось утверждение императором Александром II Устава уголовного судопроизводства. Недостатки организации и деятельности судебной системы, такие как: сословность, зависимость от императора и исполнительной власти, разыскной тип уголовного судопроизводства, в процессе которого позволялось рассматривать уголовные дела на основе письменности, тайности, формальной теории доказательств, явились предпосылками острой потребности в проведении судебной реформы.

Интерес представляет Указ Правительствующему сенату от 20 января 1864 г., в котором Александром II была определена цель судебной реформы: «Водворить суд скорый, правый, милостивый, равный для всех, дать надлежащую самостоятельность судебной власти...»³². Данная реформа является важным, глобальным этапом в истории российского уголовного процесса. Как писал И. Я. Фойницкий, «она была направлена на создание суда безволокитного и неразорительного»³³.

Устав уголовного судопроизводства включал «Общие положения» и три книги: «Порядок производства в мировых судебных установлениях», «Порядок производства в общих судебных местах», «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства». Всего в Уставе уголовного судопроизводства было 1 254 статьи.

³¹ Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989. С. 14.

³² Хрестоматия по истории отечественного государства и права / под ред. В. А. Томсинова. М., 1998. С. 299.

³³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 1996. Т. 1. С. 41.

С принятием Устава уголовный процесс России приобрел черты, которые интересны и достаточно познавательны для современников³⁴.

Устав уголовного судопроизводства провозгласил независимость и несменяемость судей, участие представителей общественности в суде, гласность и состязательность процесса, равенство сторон перед судом, право обвиняемого на защиту, постановление приговора по внутреннему убеждению на основе проверки доказательств, в значительной мере была упразднена сословность суда³⁵.

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. отменялась система формальных доказательств. В России был основан суд присяжных заседателей. Однако И. Я. Фойницкий, который писал в защиту данного института права, полагал, что суд присяжных может быть успешным только при наличии трех факторов: высокого уровня общественной культуры, законности в жизни и правды в законе³⁶. Впервые в истории права России доказательства оценивались по внутреннему убеждению судей, что имеет место и в настоящее время. Данное законодательное положение нашло глубокое научное исследование в трудах А. Ф. Кони, который был современником судебной реформы и получал юридическое образование по судебным уставам. А. Ф. Кони в своих научных трудах справедливо писал о том, что именно свобода внутреннего убеждения перевернула юридическое мировоззрение в России, позволила разрушить бюрократический характер уголовного процесса, сделала его живым и приближенным к потребностям общества. Переход от формальных доказательств к их оценке по внутреннему убеждению сделал возможным воспринимать все разнообразие жизни такой, какая она есть на самом деле, а не уравнивать и упрощать по формальным основаниям³⁷.

С теоретической точки зрения заслуживает внимание то, что появившиеся после введения Судебных уставов 1864 г. научные

³⁴ Ключевский В. С. О русской истории. М., 1993. С. 140.

³⁵ Вилкова Т. Ю. Основные начала рассмотрения мировыми судьями уголовных дел в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 4. С. 546.

³⁶ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. С. 448.

³⁷ Кони А. Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула, 2000. С. 187; Козьявин А. А. Категория оценки доказательств по внутреннему убеждению и ее место в научном наследии А. Ф. Кони // Адвок. практика. 2014. № 1. С. 26.

труды обозначили основную тенденцию включения в число целей уголовного процесса достижения истины по уголовному делу.

Так, Г. С. Фельдштейн писал: «Цель уголовного судопроизводства 1864 г. есть обнаружение так называемой материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого преступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка»³⁸.

Однако в этой связи профессор И. Я. Фойницкий рассматривал материальную истину как цель уголовного процесса, указывая следующее: «ввиду особенностей процессуального разбирательства суд достигает только истины формальной, условной, т. е. той, которую желали и могли установить стороны»³⁹.

В Уставе уголовного судопроизводства впервые было дано определение доказательств, в котором был сделан акцент на внутреннем убеждении судьи. Именно поэтому многие дореволюционные авторы в основе процесса доказывания видели внутреннее убеждение судьи. В частности, Я. И. Баршев, С. И. Викторский, Л. Е. Владимиров, В. Д. Спасович, И. Я. Фойницкий полагали, что доказательства являются основанием убеждения судьи о виновности или невиновности подсудимого. Сходной позиции придерживался и В. Случевский, который писал: «Под уголовными доказательствами следует разуметь те фактические данные, на основании которых судья может образовать в себе в отношении преступного посягательства убеждение о событии преступления и виновности совершившего его лица»⁴⁰. Мы поддерживаем данное определение доказательств и полагаем, что оно достаточно познавательно для современных правоприменителей, поскольку в свете принципа состязательности сторон внутреннее убеждение выступает основополагающей категорией при исследовании и оценке доказательств в суде. В современном уголовном судопроизводстве актуальна теория аргументации, которая предлагает ряд логических приемов, посредством которых можно повлиять на внутреннее убеждение судьи в аспекте отстаивания и обоснования своей позиции, как равноправной стороны процесса, по уголовному делу в суде. В этой связи С. А. Шейфер пишет, что

³⁸ Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 78.

³⁹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 311.

⁴⁰ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 376.

в основе процесса доказывания лежит не только логико-психологическое содержание, но и познавательное.

Мы согласны с позицией С. А. Шейфера, который верно полагает, что познавательно-удостоверительная деятельность субъекта доказывания лежит в основе понятия «доказательства». Действительно, сущность доказывания состоит в том, что процесс получения доказательств включает в себя преобразование информации, содержащейся в следах, оставленных исследуемым событием, и приданием ей надлежащей процессуальной формы – превращением ее в те источники доказательств, которые регламентированы ст. 74 УПК РФ⁴¹. Ю. К. Орлов также полагает, что в основе процесса доказывания заложены психологический и гносеологический аспекты. Например, это означает, что в психологическом аспекте внутреннее убеждение выражается в уверенности, убежденности в правильности своих выводов. Морально-этическая сторона внутреннего убеждения характеризует действия, поступки, совершенные в соответствии со своими убеждениями, в согласии с самим собой. Гносеологический аспект выражает соответствие или несоответствие убеждения в чем-либо объективной действительности⁴². Мы же полагаем, что психолого-логический аспект внутреннего убеждения в первую очередь основывается на гносеологическом факторе. В частности, при вынесении приговора по уголовному делу судья оценивает доказательства, изначально познав все предоставленные аргументы сторон; внутреннее убеждение судьи формируется на основе познания доказательств по уголовному делу. Поэтому мы считаем, что гносеологический аспект является основой, предпосылкой формирования внутреннего убеждения судьи, которое строится посредством аргументирующей силы доказательств.

В Уставе закреплялись следующие виды доказательств: показания подсудимого, свидетельские показания, экспертиза, дознание через «окольных» людей, вещественные доказательства, письменные доказательства. При этом отметим, что показания подсудимого не являлись «царицей доказательств» и оценивались судом по внутреннему убеждению в совокупности с другими до-

⁴¹ Шейфер С. А. Понятие доказательства как предмет научной дискуссии // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. 2008. № 1 (14). С. 17.

⁴² Орлов Ю. К. Внутреннее убеждение при оценке доказательств (правовые аспекты) // Вопр. борьбы с преступностью. 1981. Вып. 35. С. 55.

казательствами по делу. Более того, запрещалось применять принуждение при получении показаний подсудимого. В качестве показаний свидетеля преступления воспринимались и те сведения, которые он получил от других известных ему лиц. Причем показания, основанные на слухе, не допускались. В качестве самостоятельного доказательства рассматривалась экспертиза, которая не имела какого-либо преимущественного значения при оценке доказательств в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу. Познавательным является такой вид доказательств, как дознание через «окольных» людей. Содержанием такого доказательства являются сведения, полученные от «окольных» людей, о поведении, образе жизни подсудимого. В суде сведения, полученные от «окольных» людей, заносились в протокол, который являлся доказательством, несмотря на то что на судебное разбирательство окольные люди не вызывались. В качестве вещественных доказательств Устав регламентировал следующее: поличное; орудие, коим совершено преступление; подложные документы; фальшивые монеты; вообще все, найденное при «осмотре места, обыске или выемке и могущее служить к обнаружению преступления и к улике преступника». Вещественные доказательства должны быть описаны в протоколе и приобщены к делу.

В качестве письменных доказательств выступали различные документы, содержащие определенную информацию, имеющую отношение к уголовному делу. Тем не менее ни одно письменное доказательство не имело для суда обязательной силы.

Следующим этапом формирования теории доказательств в уголовном процессе стал советский период. В 1917 г. был принят Декрет о суде № 1. Данным Декретом были упразднены вся царская судебная система, судебные установления, судебные следователи, прокурорский надзор, частная и присяжная адвокатура. Однако Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г. подтверждал ведение процесса по правилам судебных уставов 1864 г. Следовательно, мы согласны с позицией тех авторов, которые справедливо полагают, что советское уголовно-процессуальное законодательство восприняло значительную часть Устава царской России⁴³.

И до сих пор многие положения Устава уголовного судопроизводства России 1864 г. для нас являются примером прора-

⁴³ Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990. С. 44–45.

ботанного, глубокого нормативного документа, положения которого актуальны и в настоящее время. Данный источник дореволюционного законодательства выступает той познавательной истиной, которая характеризует уровень правовой культуры каждого юриста. Для нас очевидно, что в дореволюционной России придавалось значение внутреннему убеждению судьи и силе отдельных видов доказательств, которые могли иметь более аргументирующее значение для суда по сравнению с другими доказательствами по уголовному делу.

1.3. Философия аргументирующей силы доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции

Следует согласиться с тем мнением авторов, рассматривающих доказательства в качестве понятия, не являющегося в полной мере только юридическим. Понятие доказательства принадлежит к области логики, антропологии и, более того, корнями своими основывается на философии⁴⁴.

Проблема аргументации занимает ключевое место в системе наук, включая философию. Аргументация выражает основное содержание, смысл, интеллектуальный уровень, практическую значимость теории. Наметившаяся в последние десятилетия недооценка проблемы аргументации вообще, в философии – в особенности нанесла существенный урон культуре как философской мысли, так и правовой. Важнейшей особенностью аргументации в философии (игнорируемой большинством отечественных и зарубежных философов) является ее связь с проблемой человеческого знания вообще, философского – в особенности: бесконечности мира – конечности человеческого опыта⁴⁵.

В аспекте научного исследования интерес представляет древнегреческая философия, в которой аргументация рассматривается в качестве полярного явления. Действительно, наиболее яркое проявление аргументация приобретает тогда, когда имеют место две противоположные точки зрения, полярные позиции.

⁴⁴ Терновский Н. А. Юридические основания достоверности доказательств / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2011. С. 46.

⁴⁵ Орлов В. В. Аргументация в философии. Особенности и проблемы // Вестн. Перм. ун-та. 2007. № 11. С. 1.

Философы в основу аргументации закладывают принципиальные положения аналогии и полярности. Впервые подобного рода типологизацию провел и обратил внимание на значимость аргументации для формулировки научных теорий и возникновения научного мышления Д. Ллойд. Наиболее известна работа, изданная в 1922 г. в Бристоле, которая многократно переиздавалась, что подтверждает ее значимость для современных исследований аргументации⁴⁶. Согласно точке зрения Д. Ллойда, эти два принципа – полярность и аналогия – берут на себя роль неформальной логики в примитивном или архаическом мышлении вообще, а конкретно в Греции – вплоть до Аристотеля, предложившего принципиально иную логическую систему, которая, тем не менее, базируется также на различении этих принципов и обобщении способов их использовании в рассуждениях или аргументации⁴⁷.

Противоположность заключается в мире, который знаем мы – это мир качеств, классов и отношений, г. таких сущностей, которые не указывают на мир прямо; это своего рода мир, оформленный через отвлеченные понятия. Такое понимание мира формирует философия, и переход к нему был своего рода революцией, инициированной Гераклитом и Парменидом и реализованной Платоном и Аристотелем: именно они совершили перевод интереса с конкретных вещей на логос – структуры мышления и отношения, реализуемые в речи. Что же касается дофилософского видения мира, в нем все вещи будут действовать в одном физическом плане, при этом часть вещей нейтральны одна к другой, а часть – несовместимы, не взаимозаменяемы, противоположны, но могут, например, последовательно сменять друг друга, находясь в каких-либо отношениях одна к другой, например, суша и вода, день и ночь. Такую картину мира А. Мурелатос описывает концепцией «наивная метафизика вещей»⁴⁸. Описанием противоположностей может выглядеть так: там где суша, там не вода, там где ночь – нет дня⁴⁹.

⁴⁶ Гайденок П. П. История греческой философии в ее связи с наукой : учеб. пособие. М. : СПб., 2000. С. 65.

⁴⁷ Вольф М. Н. Основания аргументации в раннегреческой философии: полярность как тип аргументации // Вестн. НГУ. Сер. Философия. 2010. Т. 8, вып. 4. С. 112.

⁴⁸ Mourelatos A. Heraclitus, Parmenides, And Naïve Metaphysics of Things // The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; with New Introduction, three Supplemental Essays, and an essay by Gregory Vlastos. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2008a. P. 301, 303.

⁴⁹ См.: Mourelatos A. Heraclitus, Parmenides, And Naïve Metaphysics of Things... С. 113.

Философами полярность активно используется в качестве познавательного метода и метода аргументации.

В основе логических приемов аргументации – дихотомия, она сводится к контрадикторным и контрарным отношениям, поскольку в радикальной форме подчеркивает логическое противоречие, либо в слабой форме, которая исключает логическое противоречие, но допускает тем самым наличие промежуточных вариантов, которые будут работать как альтернативные для того или другого полюса. Такая вариация позволяет рассуждать о применении косвенных доказательств в процессе аргументации.

Научное изучение рассуждений и аргументаций начинается с Аристотеля. Аристотель и ввел в рассмотрение две главные дисциплины – логику и риторику, которые – каждая со своей стороны – занимаются рассуждениями, убеждениями⁵⁰.

В уголовном судопроизводстве очевидных истин юридических практических и теоретических явлений мало, следовательно, с процессуальной позиции необходимо проводить обоснование с точки зрения философии.

Теория познания, или гносеология, – раздел философии, в котором изучается природа познания и его возможности, отношение знания к реальности, выявляются условия достоверности и истинности познания⁵¹. Термин «гносеология» происходит от греческих слов *gnosis* – знание и *logos* – понятие, т. е. «понятие о знании», «учение о знании».

В содержательном плане деятельность органов уголовного судопроизводства в соответствии с гносеологическими закономерностями имеет в основном ретроспективный характер. В ретроспективном познании проявляется возможность человека осуществлять, так называемую инверсию, т. е. возврат времени⁵².

Особую роль в качестве методологической основы уголовно-процессуального доказывания выполняют важнейшие принципы современной научной гносеологии. К числу таковых относится: принцип отражения, принцип деятельности, принцип развития. Три названных принципа, взятые вместе, определяют познание

⁵⁰ Брюшинкин В. Н. Аргументорика: исходная абстракция и методология. Модели рассуждений – 2 : Аргументация и рациональность : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград, 2008. С. 7.

⁵¹ Алексеев П. В., Панин А. В. Указ. соч. С. 5.

⁵² Корнев Г. П. Указ. соч. С. 69.

человека окружающего мира в целом и уголовно-процессуальное познание в частности.

В человеческом сознании окружающая действительность может иметь различную форму отражения. К разновидностям таких форм отражения принято относить: познавательное отражение – формирование идеальных образов, знаний о предметах; эмоциональное отражение, имеющее форму специфического личного отношения (эмоции, переживания); отражение в форме сознательных предметных действий⁵³. Однако вне зависимости от различных видов отражения познание всегда приводит к новому знанию, составляющие которого – гносеологическая форма отношения человека к действительности и познавательно-значимая информация.

Принцип отражения для уголовно-процессуального доказывания важен с точки зрения реальной возможности установить все обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу, с помощью информации, сохранившейся на следах в предметах материального мира и в сознании людей.

Принцип деятельности указывает на то, что уголовно-процессуальное доказывание существует как «специфическая человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры»⁵⁴.

Для понимания содержания аргументации необходимо отделить деятельность, направленную на познание внешнего мира, от деятельности, направленной на передачу другим информации, полученной в процессе познания. Познание заключается в знании объекта и предмета исследования, аргументация заключается в донесении оппоненту и в убеждении, доказывании своей позиции. Процессы познания и аргументации взаимосвязаны и взаимообусловлены, не могут существовать друг без друга. Каждая из них необходимый составной элемент уголовного судопроизводства.

Аргументация – мысленная деятельность, протекающая в сфере общения, а не познания, т. е. в процессе передачи одним человеком информации другому и охватывает субъект-субъектные, а не субъект-объектные отношения. Соответственно, про-

⁵³ Бранский В. П. Диалектика познания : монография / под ред. А. С. Кармина. Л., 1988. С. 23.

⁵⁴ Юдин Э. Г. Системный подход к принципу деятельности. Методологические проблемы современной науки. М., 1978. С. 267–268.

цесс аргументации возможен только тогда, когда есть некто второй и на него, а не на объект познания, направлена мысленная деятельность человека⁵⁵.

Думается, аргументация выступает связующим звеном между познанием сведений по уголовному делу и убеждением в правоте той или иной позиции по уголовному делу.

Аргументация является гносеологической категорией и ей присущи следующие признаки: во-первых, это целесообразная деятельность, направленная на активность в убеждении истинности виновности подсудимого; во-вторых, позволяет с содержательной стороны доказательств представить ценность каждого доказательства как в отдельности, так и в их логичной совокупности; в-третьих, аргументация позволяет выделить и подчеркнуть по юридической силе наиболее убедительное доказательство; в-четвертых, аргументация позволяет раскрыть познавательную деятельность с коммуникативной позиции; в-пятых, в основе аргументации заложено противоборство двух сторон: обвинения и защиты, что позволяет сделать вывод о специфике суждений сторон в таких условиях, порою в условиях конфликта.

Более того, философское воззрение аргументации тесным образом связано с категорией истины по уголовному делу.

В этом аспекте критерием истины на этапе процесса познания истины является практика. Аргументация выступает фактором критического восприятия сведений, подлежащих доказыванию по уголовному делу, результатом которой является сложившееся внутреннее убеждение судьи при вынесении приговора. Значит, мы можем полагать, целью аргументации является убеждение, доказательство истины по уголовному делу.

Современное понимание убеждения восходит к Канту, согласно которому убеждение от простой уверенности отличается наличием достаточных объективных оснований. Убеждение – это мысль, которую человек считает истинной, потому что она рационально обоснована. Убеждение характеризуется; во-первых, достаточной объективной обоснованностью уверенности, что данное положение истинно; во-вторых, эмоционально-

⁵⁵ Оганесян С. Г. Аргументация, ее предметная область и возможности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ереван, 1997. С. 14.

ценностными компонентами. В этой связи, выделяют следующие характерные черты убеждения:

– высокая степень уверенности субъекта в истинности или правомерности данного положения, базирующаяся на его рациональном обосновании;

– эмоционально-ценностное отношение к нему, что обуславливается в значительной степени принадлежностью объекта мысли к системе ценностей человека, ее связью с нравственными ценностями и эстетическими идеалами;

– связь с практической деятельностью субъекта: в практической деятельности человека непосредственно или опосредованно проявляются его убеждения;

– относительная устойчивость, проявляющаяся в том, что то или иное убеждение присуще человеку на протяжении достаточно длительного периода его жизни⁵⁶.

В нашей современной парадигме познания через объяснение на первый план выходит схема, где разъяснение выполняет роль аргументации, т. е. убеждает слушателя в правоте того, кто несет знания.

Аргументация может быть освещена и в аспекте аналогии, которая является в какой-то мере обратной операцией к полярности, когда устанавливаются не элементы различия, а элементы сходства между вещами или событиями.

Если же обсуждать аналогию не столько как конкретно-научный метод, сколько как сугубо философский, т. е. как способ аргументации, то помимо эвристического характера аналогия носит и объяснительный характер. Объяснение, как мы отмечали выше, – существенная составляющая аргументации. Поскольку первая задача аргументации – обосновать то или иное убеждение либо выработать определенное мнение, истинное или принятое в качестве истинного, – то и объяснение в этой схеме играет немаловажную роль. И конечно, для любого явления или события можно подобрать такую аналогию, которая окажется достаточно простым и емким способом объяснения⁵⁷. Аналогию можно рассмотреть в качестве объяснительного принципа, который имеет характер ассоциативного или аргументативного использования

⁵⁶ Кузина Е. Б. Лекции по теории аргументации : учеб. пособие. М., 2007. С. 31.

⁵⁷ Вольф М. Н. Основания аргументации в раннегреческой философии : аналогия как тип аргументации // История философии. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 112.

аналогии. В таком аспекте реализуется юридическая значимость судебного прецедента.

Аргументация возможна и в свете презентизма, когда аргументация может быть осуществлена в свете трансформации негативного в позитивное. Трансформация может выглядеть в следующих формах: создаются контексты, изменяющие негативный смысл в позитивный в результате интерпретации; предлагается иное возможное – новый вариант решения задачи или даже значительный пересмотр ситуации по делу⁵⁸. В уголовно-процессуальном аспекте подобного рода аргументация позволяет найти компромисс по уголовному делу, исключает ситуацию спора, состязательности по уголовному делу. Аргументация презентизма актуальна в ситуации примирения сторон по делам частного обвинения, смысл которой сводится: «Если твое мнение отличается от моего, то это еще не значит, что ты заблуждаешься; может быть, ты подходишь к истине с другой стороны»⁵⁹. Аргументация презентизма предполагает количественный и качественный аспект знания. Действительно, можно знать больше и глубже, но можно иметь более разностороннее представление по факту совершенного преступления, обстоятельства которого могут быть уже представлены в другом свете. Знание обстоятельств уголовного дела требуют своего личного вклада в его познание, что предполагает развитие идей процесса доказывания, иначе мышления как такового не будет. Соответственно, наша деятельность в процессе доказывания может превратиться в так называемое просто «хранилище знаний, информации по делу». Понимание предполагает ощущение познавательного процесса, полноценное проживание путей достижения истины, и даже более того – ощущение тонкой связи сведений по уголовному делу.

В основе философии процесса аргументации заложена идея критического мышления. Так, англо-американской логической традиции «критическое мышление» – это, в первую очередь, обширная учебная дисциплина, предназначенная для обучения навыкам построения и оценки аргументов. В качестве источников реконструкции критического мышления выступают для филосо-

⁵⁸ Герасимова И. А. Аргументация презентизма // Эпистемология и философия науки. Т. 6, № 2. С. 191.

⁵⁹ Там же.

фии юридической науки исследования И. Канта⁶⁰, Э. Гуссерля⁶¹, Э. Мерло-Понти⁶², М. Хайдеггера⁶³, М. Полани⁶⁴.

Лучшие представители философской мысли от Сократа до Маркса и Ницше наглядно продемонстрировали, что именно критика позволяет защитить глубинные слои экзистенций⁶⁵. Способность критически относиться к тому, что предлагается считать несомненной истиной, общепризнанным мнением, очевидным и в конкретных ситуациях при рассмотрении уголовного дела в суде общепонятным, открывает путь к развитию мысли.

Например, Б. М. Теплов считал, что критичность – это умение строго оценивать работу мысли, тщательно взвешивать все доводы за и против намечающихся гипотез и подвергать эти гипотезы всесторонней проверке⁶⁶. Способность анализировать и делать выбор – неотъемлемая часть состязательного процесса. Следовательно, важнейшее условие аргументации – наличие критического мышления.

В современном уголовном судопроизводстве доминирует критическая культура. Стороны на стадии судебного разбирательства выступают в определенной степени экспертами при исследовании доказательств. С философской позиции подобного роль сторон позволяет полагать, что критика – это одна из ипостасей мышления, критика подвергает анализу доказательств в полном объеме и многогранно, критика помогает сформировать новый взгляд, казалось бы на уже познанное, исследованное доказательство. В аспекте уголовно-процессуального за-

⁶⁰ Иммануил Кант. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М., 2007. С. 45; Иммануил Кант. Критика чистого разума / пер. с нем.; предисл. И. Евлампиева. М.; СПб., 2007. С. 98.

⁶¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. 2-е изд.; пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. М., 2009. С. 99; Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб., 2004. С. 134.

⁶² Мерло-Понти М. Феноменология восприятия : пер. с фр. / под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб., 1999. С. 211.

⁶³ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / пер. Э. Сагетдинова. М., 2007. С. 120; Хайдеггер М. К вопросу о назначении дела мышления // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 4(39). С. 61–71; Хайдеггер М. Мой путь в феноменологию / пер. В. Анашвили при участии В. И. Молчанова // Логос. 1995. № 6. С. 303–309.

⁶⁴ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1998. С. 68.

⁶⁵ Болотова У. В. Критическое мышление в жизни современного общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2007. С. 7.

⁶⁶ Теплов Б. М. Психология : учеб. пособие. М., 1946. С. 223.

конодательства ярким проявлением подобного рода реализации критической аргументации выступает признание доказательств недопустимыми.

Критически мыслить означает умение рефлексировать, проявлять активное отношение к постигаемой действительности, осознание ее ценности, поиск причин и смысла происходящего вокруг⁶⁷. В основе состязательности сторон заложена рефлексия и с общетеоретической точки зрения рефлексия – это размышление, самонаблюдение, самопознание. Применительно к состязательности сторон в уголовном судопроизводстве можно рассуждать о следующих видах рефлексии: элементарной рефлексии, приводящей к рассмотрению и анализу знаний и сведений по уголовному делу, к размышлению об их границах и значении; научной рефлексии, предполагающей критику и анализ теоретического знания, проводимого на основе применения методов и приемов, свойственных уголовному судопроизводству, и философской рефлексии, т. е. рефлексии, приводящей к осознанию и осмыслению человеческой культуры в целом в свете культуры уголовного судопроизводства.

Следует согласиться с теми авторами, которые справедливо полагают, что важный способ общения людей с целью выработки общего способа понимания высказываний и действий – это критическое мышление. Критическое мышление состоит из двух структурных элементов: установки на поиск несоответствий (критической установки) и аргументации, направленной на обоснование этих несоответствий (критической аргументации)⁶⁸.

Например, В. Н. Брюшинкин рассматривает основные характеристики критического мышления в его противопоставлении мышлению догматическому и связывает развитие теории критического мышления с системной моделью аргументации, оригинальной философско-методологической концепцией, лежащей на стыке логики, философии⁶⁹. Л. А. Калинин связывает происхождение критического мышления с философией И. Канта и по-

⁶⁷ Коржув А., Попков В., Рязанова Е. Как формировать критическое мышление? // Высшее образование в России. 2001. № 5. С. 55.

⁶⁸ Брюшинкин В. Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация : сб. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. Калининград, 2003. С. 29–35.

⁶⁹ Там же.

казывает, каким образом оно становится одним из проявлений критического сознания. Автор полагает, что в соответствии с идеями Канта критическое мышление необходимо рассматривать как один из элементов в структуре функций сознания. И это дает возможность рассматривать проблематику критического мышления в контексте теоретической философии сознания⁷⁰.

Аргументация – это коммуникация, в процессе которой некоторое лицо сознательно производит изменения в системе убеждений другого лица путем приведения достаточных для этого оснований. Хотелось бы остановиться и на таком аспекте аргументации, как рациональность. В этой связи представили интерес работы В. Н. Брюшинкина. В частности, автор анализирует аргументацию в качестве рационального явления. Рациональность в коммуникативном аспекте – стремление гарантировать необходимую степень взаимопонимания между субъектами коммуникации. Рациональность – это условия, налагаемые на коммуникацию. Они сводятся к тому, что общающиеся субъекты способны предъявлять для своих действий или убеждений основания, претендующие на общезначимость или, по крайней мере, на значимость для субъектов, вступающих в коммуникацию. Следующее определение выражает такое коммуникативное понимание рациональности. Рациональность – характеристика поведения или мышления, в соответствии с которой субъекты коммуникации стремятся для своих действий или мыслей предъявлять общезначимые основания их возможности или истинности, гарантирующие адекватность истолкования этих действий или мыслей другим субъектом.

В этой связи рациональность является неотъемлемым элементом коммуникации, в которой всегда есть диалог, где обе стороны активны.

Если мы обратимся к воззрениям И. Канта, можем наблюдать прямую взаимосвязь рациональности с так называемой онтологией, которая характеризует познавательную установку в виде как эмпиризма, так и рационализма⁷¹. Идея заключается в том, что мир познается в опыте.

⁷⁰ Пушкарский А. Г. Критическое мышление, логика, аргументация : сб. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. Калининград, 2003. С. 115.

⁷¹ Кант И. Критика чистого разума : пер. с нем. / предисл. И. Евлампиева. М. : Эксмо ; СПб., 2007. С. 92.

Построение познавательного аппарата является функцией конструктивного мышления. Критическое мышление формулируется как принцип адекватного выбора области применения познания⁷², задача которого – получение целостного знания и порою критического, для того, чтобы построить полную картину по факту совершенного преступного деяния.

1.4. Аргументированное доказывание и его логика в свете концепции уголовного судопроизводства

Актуальность аргументирующей силы доказательств заключается в том, что данная логическая теория позволяет раскрыть многообразные способы убеждения судебной аудитории с помощью речевого воздействия.

Доказывание, возникнув в свете античной культуры, рассматривалось древнегреческими ораторами как разновидность аргументации. «Доказывание» и «доказательства» – это взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия с «аргументацией» и «обоснованием». Действительно, стоит согласиться с авторами в том, что взаимодействие настолько велико, что порою приводит к растворению друг в друге. В логической литературе «доказательство» и «аргументация» нередко рассматриваются в качестве синонимов⁷³.

Предметом теории аргументации выступает применяемый при общении определенный способ обоснования доказываемой информации, когда передаваемые аргументатором доводы понятны, но не понимаемы или неприемлемы реципиентом.

В этой связи данный вопрос мы рассматриваем с позиции аргументации как процесса приведения доводов с целью изменения позиции или убеждений суда, противоположной стороны процесса. При этом довод, или аргумент, представляет собой одно или несколько связанных между собой утверждений. Довод предназначается для поддержки тезиса аргументации – утверждения, которое аргументирующая сторона находит нужным внушить оппоненту, сделать составной частью ее убеждений⁷⁴.

⁷² Елинский М. В. Критическое и релятивистское мышление в онтологии: сравнительное исследование : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2008. С. 5.

⁷³ Брутян Г. А. Аргументация. Ереван, 1984. С. 22.

⁷⁴ Ивин А. А. Теория аргументации : учеб. пособие. М., 2000. С. 7.

Интерес представляет концепция Х. Перельмана, Л. Олбрехт-Тытекой, которые в своей научной работе⁷⁵ излагают то, что в результате быстрого развития математической логики в основном разрабатывали теории математического доказательства и не обращали внимания на проблему доказательств в гуманитарных науках. Если естественные науки имеют дело с очевидными высказываниями или с высказываниями, которые можно дедуктивно вывести из их комбинаций, то гуманитарные науки имеют дело с ценностями. Следовательно, та схема доказательства, которая оправдывает себя в первом случае, не может быть использована во втором. Для того чтобы подчеркнуть это различие, Х. Перельман использует термин «доказательство» относительно математических и естественных наук, а термин «аргументация» – относительно гуманитарных. Юриспруденция является гуманитарным направлением. В этой связи, как пример аргументативного процесса, авторы рассматривают судебное заседание. Судья связан с системой законов, которыми он должен оперировать. При этом он обязан судить. Он должен дать ответ, можно ли тот или иной закон применить к определенному случаю, и одновременно обязан обосновать, каким образом он согласовывает свое решение с законами. Следовательно, и судья, и ученый в профессиональной деятельности что-то доказывают, обосновывают. Но делают это по-разному. У судьи часто не хватает доводов для убедительного обоснования своей позиции. В связи с этим он, пытаясь принять определенное решение, из множества возможностей выбирает наиболее вероятную. Это определяет вероятностную, правдоподобную природу судебного решения. Х. Перельман утверждает, что умозаключения, которые являются основаниями наших решений, чаще всего состоят из мыслей, которые мы рассматриваем как наиболее вероятные. К этим мыслям мы приходим при помощи умозаключений, которые базируются не на самоочевидности, не на аналитической логике, а на допущениях, исследуемых в теории аргументации, которая является правильной для всего человечества.

Аргументацию авторы рассматривают как диалектический процесс, ориентированный на собеседника, на совместную дея-

⁷⁵ Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Язык и моделирование социального взаимодействия // Новая риторика: трактат по аргументации. М., 1987. С. 207.

тельность по устранению расхождения во мнениях. Такой аргументированный процесс получил название критической дискуссии. Критическую дискуссию определяют как обмен речевыми актами между собеседниками. При таком подходе аргументация имеет две отличительные характеристики: телеологическую и диалектическую. С телеологической точки зрения рассматривают ее как процесс рационального убеждения оппонента, подчиненный определенным целям проponenta. С диалектической точки зрения – как процесс критического обмена мнениями между спорщиками в определенном контексте⁷⁶.

Значит, аргументацию следует рассматривать в качестве процесса коммуникации, который абстрагирует из диалога влияние одной стороны на другую с целью изменения убеждений последней.

Аргументация имеет единую закономерность, во-первых, она является сугубо социальным явлением, во-вторых, она действительно выступает в качестве логического элемента общения. Однако не стоит воспринимать аргументацию в качестве искусства делового речевого воздействия в суде. Аргументация имеет прямую связь с рациональным познанием. Основой аргументации в суде выступают гносеологические основы доказывания.

Аргументация является своего рода принуждением. Обусловлено это мнение тем, что в основе необходимости аргументировать заложен конфликт, поскольку судебное разбирательство по уголовным делам имеет динамику спора. Аргументация направлена на то, чтобы с онтологической позиции представить доказательства с помощью законов логики, которые определяют форму действия рассудка, разума. Логические законы аргументации создают дополнительную степень свободы мышления, усиливая тем самым открытость мышления бытию через самоопределение мышления⁷⁷. Принудительная сила аргументации заключается в необходимости убеждать суд в своей правоте, влиять на внутреннее убеждение как суда, так и противоположной стороны посредством доказательств.

Аргументация представляет собой двойной процесс. Существует содержательно-формальный план вывода, по-другому его еще именуют логическим планом, аспектом. В судебном разбира-

⁷⁶ Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Указ. соч. С. 58.

⁷⁷ Будылин Д. Ю. Онтологические основы аргументации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2009. С. 20.

тельстве наиболее актуален прагматический план убеждения в споре. Это противопоставление, а также и взаимное дополнение характеризуется как отношение «символической» и «практической» логики, смыслового и прагматического аспектов, формального и риторического, познавательного и коммуникативного.

Интерес представляет мнение Д. Ю. Будылина, который правильно полагает, что онтологические основания аргументации могут быть сформулированы через фундаментальные качества бытия, порождаемые природой интеллектуального синтеза, способностью к суждению. В качестве теоретической основы для аргументации выступают логические законы, определяющие форму нормального действия рассудка, создавая определенную степень свободы мышления, усиливая тем самым открытость мышления⁷⁸.

Аргументацию рассматривают не только в качестве целенаправленного логического процесса, но и как психологическое утверждение в сознании и деятельности субъекта воздействия образа (модели) или системы ценностей активной стороны.

В этой связи особенности аргументации в суде первой инстанции заключаются в следующем. Во-первых, в доведении процесса до обострения или конфронтации, влекущей за собой появление натянутой атмосферы во взаимодействии сторон, с противоположными точками зрения. Во-вторых, возникшие по одному эпизоду уголовного дела интересы сторон, касающиеся одного предмета взаимодействия, реально распространяются и на другие эпизоды уголовного дела. В-третьих, аргументация носит двусторонний характер. В данном случае аргументация выступает не как средство выяснения – кто прав, а кто виноват, она нужна как форма и способ привлечения к совместному поиску истины сторон процесса. Проведение такой аргументации, ее результативность зависят как от интеллектуальных способностей защитника или обвинителя, так и от его профессионализма, его уровня овладения процессом аргументации⁷⁹. В-четвертых, аргументация персонифицирована. В судебном заседании аргументация осуществляется с конкретным оппонентом и против конкретной личности. В-пятых, аргументация выступает актом непосредственного взаимодействия. Порою в судебном разбиратель-

⁷⁸ Будылин Д. Ю. Указ. соч. С. 21.

⁷⁹ Михалкин Н. В. Логика и аргументация в судебной практике : учебник. СПб., 2004. С. 177.

стве взаимодействие заключается в выявлении позиции собеседника. В-шестых, аргументация состоятельна только тогда, когда она результативна, ибо в противном случае судебное заседание не выполнит поставленные перед ним задачи. В этой связи, если нет уверенности, что в процессе аргументации можно достичь позитивных результатов, ее лучше в судебном заседании не применять.

Подобного рода логико-психологическая рациональность имеет целью склонение стороны к сознательному принятию положения, т. е. такому принятию, которое базируется на достаточных разумных основаниях. Конкретным выражением этой общей цели является та частная задача (или несколько задач), которую ставит аргументатор в каждом отдельном аргументативном процессе в зале судебного заседания. Они могут быть следующими:

- аргументатор может стремиться сформировать у суда и у противоположной стороны, определенное убеждение;

- целью аргументатора может быть желание сделать истину достоянием участников процесса, т. е. приобщить его к своему видению ситуации;

- аргументатор может стремиться просто вызвать интерес к некоторому положению и поэтому приводит для него доводы;

- целью аргументатора может быть эмоционально-психологическое воздействие, стремление вызвать эмоции (например, сочувствие к потерпевшему или к подсудимому);

- аргументатор может стремиться побудить к определенным действиям, например, к отказу государственного обвинителя от обвинения.

Аргументацию рассматривают и как способ подведения оснований под какую-либо мысль или действие с целью их публичной защиты, побуждения к определенному мнению о них, признания или разъяснения. Однако, некоторые отличают доказательства от аргументации и обоснования по тому основанию, что доказательства имеют целью достижение истины по уголовному делу, аргументация направлена на убеждение, обоснование – это получение вероятного знания. Более того, полагают, что доказательства и обоснование являются формами аргументации⁸⁰.

Средством аргументации является речь, обращенная главным образом к разуму судьи, участников процесса. Это значит,

⁸⁰ Асмус В. Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954. С. 27.

что аргументатор, учитывая интеллектуальный уровень адресата, приводит такие доводы в поддержку обосновываемого положения и строит такое рассуждение, которые, как он рассчитывает, будут сознательно приняты адресатом и должны склонить к принятию положения аргументации и в определенных случаях к соответствующему поведению. Для успешности такого воздействия доводы должны быть истинными⁸¹.

Подобного рода аргументированное убеждение представляет собой рациональное обоснование истинности, ценности, полезности некоторого положения путем приведения объективно и субъективно достаточных оснований для этого.

С психологической позиции авторы рассматривают как вербальные, так невербальные методы убеждения. Однако аргументация относится в большей степени к вербальным способам, которые носят некомандный (не силовой) характер.

С логической позиции законы мышления или логики, в частности закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего, играют не последнюю роль в аргументации, а если нарушаются, то все рассуждение становится несостоятельным.

Аргументация должна основываться на принципах, как на тех началах, которые позволяют построить определенные правила убеждения в рамках судебного разбирательства. Во-первых, в судебном заседании аргументатор должен владеть полной информацией рассматриваемого уголовного дела в суде. Во-вторых, аргументатор должен быть сам уверен, полностью убежден в своей правоте. В-третьих, целесообразно строить свою доказательственную основу на доказательствах, признанных судом допустимыми. В-четвертых, аргументацию разумнее строить в благоприятных условиях для адресата, наиболее доступно представлять убеждающие доводы, чтобы они были доступны мыслительной деятельности как суда, так и противоположной стороны. В-пятых, оппоненты должны проводить аргументацию в условиях слышимости друг друга.

Кроме того, современные авторы выделяют следующие принципы аргументации в праве: логические (определенности, непротиворечивости, достаточности), гносеологические (объек-

⁸¹ Кузина Е. Б. Лекции по теории аргументации : учеб. пособие. М., 2007. С. 45.

тивности, взаимосвязи, развития), а также те принципы, которые закреплены в законодательстве⁸².

Если подойти к данной классификации принципов с уголовно-процессуальной точки зрения, в наибольшей степени интерес представляют принципы состязательности и свободы оценки доказательств. По нашему мнению, это те принципы, которые в наибольшей степени основываются на логике. С логической позиции теорию доказательств можно назвать скорее искусством, чем наукой, как элемент незабываемой европейской интеллектуальной традиции. В уголовных делах судьи всегда должны оценивать доказательства по внутреннему убеждению; при этом рациональное познание, логика переплетаются с тем, что называется пониманием⁸³, основанном на разуме, на логическом восприятии судом аргументов, представленных сторонами.

Принцип состязательности в его классической форме наиболее полно реализован в англо-американской системе правосудия. Несмотря на то, что главная обязанность по представлению доказательств возложена на заинтересованные стороны, и правовой доктриной, и прецедентами подчеркивается активная роль судей судов первой инстанции. Судья не ограничивается фактами и доказательствами, представленными по выбору сторон. Он вправе сам строить свою логическую деятельность в познании обстоятельств уголовного дела и, например, вызвать и допрашивать дополнительных свидетелей, экспертов, назначать экспертизу как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе⁸⁴. Состязательность – это вид деятельности, который в первую очередь основан на мышлении. По большому счету, логика и сущность доказывания в аспекте состязательности, это контролируемая судом процессуальная деятельность, направление которой – объективное и всестороннее исследование обстоятельств дела в границах обвинения и предмета доказывания. С точки зрения логики, состязательность – лишь инструмент судебного познания, обеспечивающий далеко не однозначный результат.

⁸² Макеева Е. А. Правовая аргументация как объект гносеологического анализа : автореф. канд. филос. наук. М., 2003. С. 15.

⁸³ Уголовное судопроизводство: теория и практика / А. С. Александров [и др.] ; под ред. Н. А. Колоколова. М., 2015. С. 89.

⁸⁴ Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных стран : учеб. пособие. М., 2001. С. 119.

В состязательности основой является логическое рассуждение. Рассуждение – это переход одних суждений в другие, т. е. когда одно суждение порождает другое. Суждение есть мысль, обозначающая отношение явлений. Однако суждение может быть истинным или ложным в зависимости от того, имело ли в действительности место отношение между явлениями, выраженное в суждении. Ведь суждение всего лишь мысль о реальной действительности. Следовательно, чтобы проверить истинность суждения, предварительно нужно установить наличие явлений и отношений между ними, т. е. упорядочить их. Рассуждение завершается умозаключением, суть которого состоит в выведении нового знания из известных знаний. Поэтому логический вывод об истинности или ложности тезиса на основании свободного внутреннего убеждения и есть умозаключение, а не произвол дурной воли. Поэтому истинность решения по внутреннему убеждению легко проверяется по правилам логики⁸⁵.

Одна из наиболее важных на сегодняшний день проблем, это дискутируемый вопрос о достижении истины по уголовному делу. На наш взгляд, целью состязательности в уголовном судопроизводстве должно быть достижение истины по уголовному делу. Логическое обоснование заключается в вопросах логики, но на грани философии. Мы согласны с теми авторами, которые справедливо полагают, что вопрос об истине находится в центре внимания специалистов с тех пор, как стала вообще формироваться процессуальная наука. Например, теория доказательств советского периода, в основе которой лежала гносеология диалектического материализма, как «единственно научная», исходила из того, что советским следователю и судье в противоположность юристам капиталистических стран, безусловно, доступна истина по каждому уголовному делу. И стоит согласиться с авторами, которые точно подметили, что как только в конце 1980-х – начале 1990-х гг. зашаталась и рухнула эта идеология, большинство процессуалистов, что достаточно частое явление в нашем государстве (по принципу – «чтобы выпрямить, нужно перегнуть»), впали в абсолютно другую позицию⁸⁶. Авторы таких суждений сводят свое обоснование к тому, что прошлое восстанавливается

⁸⁵ Васяев А. А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. М., 2010. С. 121.

⁸⁶ Гребенкин П. И. Указ. соч. С. 91.

с весьма относительной степенью достоверности и объективная истина известна лишь Богу⁸⁷.

Практика применения современного УПК РФ показала, что законодатель несостоятелен в создании такого кодифицированного акта, который бы полностью отвечал потребностям современного общества и не порождал бы спорных вопросов⁸⁸. Вопрос, на который сегодня обращено наше внимание, это правильность толкования нормы о назначении Российского уголовного судопроизводства.

Уголовное судопроизводство – это урегулированная нормами уголовно-процессуального права деятельность по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры, а также суда. Эта деятельность протекает в форме правоотношений, между всеми участниками производства по делу.

Статья 6 УПК РФ устанавливает, что назначение уголовного судопроизводства, это: 1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Ныне действующий УПК РФ не закрепляет, как такового, понятия задач уголовного судопроизводства. Что породило множество точек зрения относительно данного вопроса. Является ли назначение судопроизводства его задачами?

Стоит обратиться к толкованию слова «назначение», согласно словарю С. И. Ожегова, – это цель, предназначение, т. е. то, к осуществлению чего стремятся. «Задача» – то, что требует исполнения, разрешения⁸⁹. Следовательно, в УПК идет речь о целях судопроизводства, цель обязательно должна быть точно определена, иначе в самом явлении, процессе нет смысла. И законодатель, закрепляя назначение судопроизводства в главе «Принципы уголовного судопроизводства», придает понятию основополагающий, принципиальный характер. Система принципов уголовного судопроизводства призвана обеспечить реализацию той цели, которую предусматривал законодатель.

⁸⁷ Бобров М. Становление судебной власти // Вестн. Верховного Суда СССР. 1991. № 7. С. 34.

⁸⁸ Таричко И. Ю. Проблемы назначения уголовного судопроизводства // Вестн. ОГУ. 2006. № 3. С. 176.

⁸⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997. С. 206.

Представляется, что цель уголовного процесса это восстановление социальной справедливости, посредством правильной реализации в жизнь материальных норм УК РФ. Это происходит, как раз через защиту прав и законных интересов лиц и организаций от преступных посягательств, защиту личности от необоснованного обвинения или ограничения прав. Согласно ч. 2 ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства заключается как в уголовном преследовании и назначении виновным справедливого наказания, так и в отказе от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Но нельзя рассматривать уголовное судопроизводство как деятельность с целью борьбы с преступностью, так как преступность – явление, которое имеет различные социальные причины и характеризуется большим количеством факторов его определяющих, в уголовном же судопроизводстве присутствует персонифицированность, т. е. речь идет о конкретном человеке и преступлении. Как следствие, уголовное судопроизводство нельзя использовать для борьбы с преступностью ограничением прав и интересов лиц, ужесточением наказаний или упрощением форм судопроизводства⁹⁰.

В свою очередь, для реализации данной цели необходимо решать задачи, которые определяются функциональным назначением должностных лиц и государственных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. Данные органы призваны всесторонне и полно исследовать все обстоятельства уголовного дела, изобличить виновного, собрать необходимые доказательства и назначить наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, не допустить привлечения к уголовной ответственности невиновного, а в случае судебной-следственной ошибки реабилитировать гражданина. А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский предлагают классифицировать задачи в зависимости от субъекта: задачи, возложенные на суд, на сторону обвинения и сторону защиты⁹¹.

⁹⁰ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2005. С. 21.

⁹¹ Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 18.

Кроме понятий «назначение», «цели» и «задачи», вызывает вопрос термин «защита», используемый в ст. 6 УПК РФ, который применяется в нескольких значениях. В широком смысле защита понимается как охранительная функция государства⁹², т. е. подразумевается защита как лица, привлекаемого к уголовной ответственности от необоснованного обвинения, так и потерпевшего, и иных участников процесса от преступных посягательств. В узком смысле защита понимается как функция уголовного судопроизводства, упоминаемая в ст. 15 УПК РФ, т. е. функция защиты в суде, противостоит функции обвинения. Таким образом, возникает вопрос, как правильно стоит понимать норму. Если преступление уже было совершено, то вред был причинен, и защищать права в том смысле, который подразумевался в ст. 6 УПК РФ, уже поздно. Однако если подразумевалась процессуальная защита прав, то на основании Конституции РФ всем в равной степени обеспечивается механизм реализации процессуальных прав, значит утверждение тоже не верно.

Кроме того, в ранее действовавшем УПК РСФСР была закреплена такая цель уголовного судопроизводства, как достижение истины по уголовному делу. Истина непосредственно касалась такого центрального института уголовного процесса, как доказывание. К сожалению, в настоящем УПК РФ в назначении уголовного процесса ничего не сказано о цели процесса уголовного судопроизводства и даже косвенно не упоминается такая «сердцевина уголовного процесса», как доказывание по уголовному делу. По нашему мнению, если под доказыванием рассматривать регулируемую законом деятельность, состоящую в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу (ст. 85 УПК РФ), значит и в самом назначении уголовного судопроизводства следует закрепить положение о необходимости законного и обоснованного собирания, проверки и оценки доказательств. Данное обстоятельство, с одной стороны, позволит сделать акцент на установление истины по уголовному делу, с другой стороны, восполнит отсутствие такой цели уголовного процесса, как достижение достоверности по уголовному делу.

⁹² Тарнавский О. А. К вопросу о назначении уголовного судопроизводства // Вестн. ОГУ. 2010. № 3. С. 149.

Разумеется, отказ от достижения истины в уголовном судопроизводстве, как обязательной для достижения в каждом случае цели уголовного судопроизводства, обусловлен легализованной презумпцией невиновности. Однако, по нашему мнению, положение, основанное на безусловной доказанности обвинения должно иметь силу не принципа уголовного процесса, а силу цели уголовного судопроизводства. Это важно потому, что, например, среди обсуждаемых и разрешаемых в совещательной комнате вопросов ст. 299 УПК РФ на первый план выдвигаются такие, от ответа на которые зависит, перейдет ли суд к обсуждению следующих: доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, и доказано ли, что это деяние совершил подсудимый. Если событие преступления не доказано или не содержит состава преступления, а также если не доказано, что оно совершено подсудимым, или имеется оправдательный вердикт присяжных, суд в соответствии со ст. 302 УПК РФ постановляет оправдательный приговор, а оправдание по любому основанию означает невиновность подсудимого. Очевидно, что действующий УПК РФ нуждается в доработке и унификации терминологии. А до тех пор, пока не будет сделано, в теории будут возникать противоречия.

Следует исходить из того, что истина в уголовном процессе достижима. Однако это не снимает трудностей, которые могут возникнуть на пути ее установления и которые носят в значительной мере объективный характер, а вовсе не обязательно связаны с плохой мыслительной работой следователя, прокурора, судьи.

Надо заметить, что в зависимости от вида и уровня мышления те или иные доказательства будут иметь разную юридическую силу. С логической точки зрения этот вывод обосновывается структурой мысленного поля каждого конкретного участника уголовного процесса, те или иные доказательства имеют разной степени убедительную весомость и, соответственно, играют разную роль в принятии или отторжении передаваемого ему сведения по уголовному делу.

В частности, для одного участника процесса наибольший вес имеют выраженные на материальном носителе вещественные доказательства, для других участников – личные доказательства, для третьих – наибольшее воздействие имеет психологический компонент, который позволяет, не имеющее на первый взгляд

серьезного значения доказательство, представить весомым для внутреннего убеждения судьи. В любом случае, весомое и юридически сильное доказательство, которое позволяет с уверенностью установить истину по конкретному уголовному делу. Еще в УУС в ст. 613 было закреплено положение о направлении председательствующим судьей «хода дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины»⁹³. В объяснительной записке к УУС написано: «Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины»⁹⁴. Критерием истины является внутреннее убеждение судьи, а также практика – «проверка получаемых знаний практикой осуществляется в ходе самого процесса познания на его чувственной и рациональной ступенях»⁹⁵. Познание осуществляется в ходе практической деятельности, не ограничивая мыслительный процесс. Практика пронизывает процесс познания по уголовному делу. Активных практических действий требует отыскание, обнаружение, фиксация доказательств и убедительное представление их в суде.

Мы полагаем, что аргументация по уголовному делу зависит от определенного отношения к источнику доказательств.

С логической точки зрения теория аргументации исследует многообразные способы убеждения аудитории с помощью речевого воздействия. Речевое воздействие, как правило, основывается на различиях во мнениях, на столкновении позиций. Каждая сторона активно отстаивает свою точку зрения и пытается раскритиковать точку зрения противника. Если нет такого столкновения мнений, то нет и самого спора, нет состязательности.

С позиции теории аргументации в проведении спора выделяют пять стадий⁹⁶, которые соответствуют этапам судебного разбирательства в суде первой инстанции.

Во-первых, стадия конфронтации. Применительно к судебному разбирательству – это изложение сущности обвинения, предъявляемого государственным или частным обвинителем.

⁹³ Российское законодательство X–XX вв. Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И. Чистякова. М., 1994. Т. 6. С. 213.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. Изд. 2-е. М., 1973. С. 177.

⁹⁶ Хоменко И. В. Логика. Теория и практика аргументации : учебник. М., 2010. С. 186.

Во-вторых, стадия открытия спора. Данную стадию можно отождествить с этапом судебного следствия, в которой стороны предоставляют и исследуют доказательства.

В-третьих, стадия аргументации. Она непосредственно относится к этапу прений сторон, в которых стороны после исследования доказательств аргументируют свою позицию посредством продуманных умозаключений, доводов.

В-четвертых, стадия критики. К этой стадии следует отнести реплики сторон, которые излагаются по результатам прений сторон, а также последнее слово подсудимого, в котором он излагает свое отношение к вменяемому деянию.

В-пятых, заключительная стадия. К данной стадии относится вынесение приговора, который может быть как обвинительным, так и оправдательным.

С содержательной стороны аргументация начинается с анализа определенного положения. Поскольку в логике такого рода положение именуется тезисом доказательства, необходимо установить истинность такого тезиса. В этой связи необходимо отличать тезис доказательства, тезис аргументации, тезис обоснования. Все эти три явления отличаются по своей цели и содержанию. Так, целью доказательства является установление истинности аргументируемого тезиса, в случае аргументации помимо установления истинности тезиса обосновывается целесообразность его принятия, обоснование предполагает определенную степень вероятности⁹⁷. По нашему мнению, эти три элемента составляют в своей логической последовательности и в совокупности в целом процесс доказывания по уголовному делу.

Думается, учитывая данные представления по основанию логической взаимообусловленности можно предложить следующую классификацию доказательств. Во-первых, это доказательство – истинный тезис, во-вторых, истинный тезис, подлежащий аргументации и который служит доводом в правоте той или иной стороны процесса; в-третьих, вероятностный тезис, который в своей окончательной оценке позволит повлиять в процессе аргументации на окончательную убедительность стороны и суда в

⁹⁷ Брутян Г. А. Указ. соч. С. 9; Черемных Л. Г. Соотношение понятий «доказательство», «обоснование» и «аргументация» // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2008. № 4. С. 224.

своей правоте в совокупности с истинным тезисом, наиболее весомым доводом процесса аргументации.

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что, конечно, на досудебных стадиях в основе процесса доказывания заложена гносеология, т. е. посредством познания протекает логический переход от известного к неизвестному, как цепь умозаключений, приводящих к достоверному выводу. Однако собранные доказательства на досудебных стадиях выступают в форме тезисов, которые еще нужно исследовать и оценить в суде. Данный процесс осуществляется в аспекте состязательности сторон посредством приведения доводов, которые позволяют выдвинутые тезисы расценивать как обоснованные аргументы в пользу виновности или невиновности подсудимого. Посредством сложившихся аргументов формируется внутреннее убеждение судьи.

В этой связи, если рассматривать внутреннее убеждение судьи в качестве его уверенности в правомерности и законности выносимого приговора по уголовному делу, то аргументы сторон являются ключевым элементом в процессе доказывания и выступают в качестве основы для вынесения приговора судом в соответствии с доводами участников уголовного процесса, принимающих участие в судебном разбирательстве, с целью достижения истины по уголовному делу.

1.5. Соблюдение международных стандартов состязательности как гарантия активного доказывания по уголовному делу

Современный этап развития уголовно-процессуального законодательства и практика его применения требуют осмысления не только в том, что такое доказательства, каков процессуальный порядок их исследования, оценки, но и какую роль играют международные стандарты в сфере уголовного судопроизводства. Думается, в свете современной состязательности будет не лишним привести точки зрения, обосновывающие необходимость применения международных правил в российском уголовном судопроизводстве, а также необходимо представить и мнения современных правоприменителей о недопустимости преобладания по юридической силе международных актов над Конституцией России. Актуальность и проблематика данного вопроса заключается в

том, что анализ судебной практики Европейского суда по правам человека показывает значительное количество нарушений прав человека в области уголовного судопроизводства. Безусловно, что наибольшую часть нарушений можно отнести к вопросам разумности процессуальных сроков, ограничения свободы в рамках применения мер пресечения. Однако сердцевиной российского уголовного судопроизводства является процесс доказывания по уголовному делу. Практически все вопросы в уголовном процессе сводятся прямо или косвенно к данному центральному институту уголовно-процессуального права. В этой связи международные стандарты являются своеобразной гарантией соблюдения прав человека и гражданина. При анализе национального уголовно-процессуального законодательства и международно-правовых актов можно убедиться, что большинство международных стандартов отправления правосудия отражены в российском законодательстве. Часть из них получили прямое выражение в законе, другие вытекают из содержания национальных процессуальных норм. Тем не менее те положения, которые закреплены в международных актах, в решениях Европейского суда по правам человека в качестве положений справедливого правосудия, направленные на защиту прав и свобод, недостаточно полно освещены в современной юридической литературе.

В первую очередь необходимо отметить, что Г. Кельзен в своей работе «Чистая теория права» дал представление о правовых источниках, которые имеют отношение к принципам и стандартам международного правосудия и их месту в иерархии норм международного права. Он разделил нормы международного права на три группы: во-первых, нормы «общего» международного права, сформировавшиеся как международно-правовые обычаи и нашедшие отражение, помимо международных договоров, в национальных актах государств; во-вторых, это нормы международного права, созданные на основе международных договоров, обязательные только для тех государств, которые в них участвуют; в-третьих, это нормы, созданные международными судами и другими международными органами, образованными на основе международного договора. Г. Кельзен полагал, что любые международно-правовые нормы, созданные договорами, опираются на общее обычное международное право (право высшего уровня), предполагающее, что его основная норма отражает все-

общий интерес государств, имеющих значение правосоздающего фактора⁹⁸. Такая позиция применима к предмету настоящего исследования в том аспекте, что принципы и стандарты международного правосудия возникли и развивались как обычно-правовые нормы, но выступают в качестве норм высшего уровня по отношению к национальному российскому законодательству. Например, правило *pacta sunt servanda* («соглашения должны исполняться») выступает императивной нормой международного права, как те «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», среди которых большое количество процессуальных норм, применяемых как на национальном, так и на международном уровнях.

Весомый вклад в развитие международных стандартов был внесен на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушениями 1985 г., в рамках которого был принят «Миланский план действий»⁹⁹ вместе с приложением «Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного порядка». В основе рассматриваемых документов лежит принцип, указывающий на то, что система уголовного правосудия должна в полной мере учитывать многообразие изменяющихся условий общества. В этой связи странам предлагается учитывать такие направления для эффективного развития системы уголовного правосудия, которые основаны на уважении и соблюдении прав человека, например, следует изучать новые направления и подходы, касающиеся концепций, мер, процедур и учреждений в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Изучение проблем преступности должно проводиться в непосредственной связи и с учетом концепции прав человека; следует постоянно уделять внимание совершенствованию системы уголовного правосудия в целях укрепления ее способности реагировать на изменения общественных условий и потребностей. В этой связи на национальном уровне следует проводить периодическую переоценку существующей политики и практики уголовного правосудия в целях обеспечения их соответствия новым требованиям; следует проводить политику, на-

⁹⁸ Kelsen H. Pure Theory of Law. Gloucester (Mass.), 1989. P. 324.

⁹⁹ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901809390>.

правленную на как можно более широкое участие общественности в предупреждении преступности; уголовное правосудие должно эффективно содействовать благотворному и справедливому развитию с должным учетом факторов, связанных с правами человека и социальной справедливостью, обеспечивать независимость от личных или групповых интересов при отправлении судебных или квазисудебных функций; следует постоянно прилагать усилия для рассмотрения возможности применения альтернатив судебному вмешательству и пенитенциарным процедурам, включая альтернативы, ориентированные на общину, снижая тем самым уровень неоправданной криминализации; следует исключать неоправданные задержки в отправлении правосудия. Серьезным, как мы полагаем, следует считать и вывод о том, что справедливая, беспристрастная и гуманная система уголовного правосудия является необходимым условием осуществления основных прав человека ввиду того, что она ориентирует страны на соответствующее развитие своих правовых систем на основе указанных положений.

В отличие от основных принципов международного права, которых всего несколько, международно-правовые стандарты составляют солидный корпус международно-правовых норм и установлений, детализирующих требования основных принципов уголовного судопроизводства. Такая детализация присуща международно-правовым стандартам независимо от того, к какой разновидности норм, положений, правил, образцов она применяется. Применительно к уголовному судопроизводству актуально то, что международно-правовые стандарты сформулированы в решениях международных судов на основе толкования рассматриваемых ими правовых источников. Они же заложены непосредственно в уставах, статутах судов¹⁰⁰.

Тем не менее заметим, что Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» в ч. 3 ст. 6 устанавливает, что «обязательность на территории Российской Федерации постановлений судов иностранных государств, международных судов и арбитражей определяется международными договорами Российской Федерации»¹⁰¹. Однако данный принцип

¹⁰⁰ Международное право : пер. с нем. / В. Г. Витцтум [и др.]. М., 2011. С. 43.

¹⁰¹ Рос. газ. 1997. № 3. С. 8.

фактически не отражается в УПК России (пожалуй, разве что единичные нормы, например ч. 3 ст. 1 о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора). В УПК РФ нормы, регламентирующие обязательность исполнения актов международных судов в Российской Федерации, отсутствуют. Если проанализировать текст УПК РФ, очевидно, что нет единого подхода к регламентации на законодательном уровне последствий вынесения решений отдельными международными органами. УПК РФ закрепил последствия вынесения постановлений Европейским судом и процедуру их применения только при возобновлении производства по уголовному делу. Однако не закреплена конкретная процедура, а также права и обязанности участников уголовного процесса в случае применения закона, не соответствующего нормам международного права.

Процесс доказывания по уголовному делу непосредственно связан с соблюдением прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. И это очень важно, поскольку уголовное судопроизводство выступает той отраслью права, которая содержит наибольшее количество мер принуждения, пресечения, тех процессуальных действий, которые в процессе собирания доказательств ограничивают свободы, права человека и гражданина. В этой связи заметим, что международно-правовые стандарты связаны друг с другом, они способны настроить соответствующие нормы на их эффективную реализацию. Международно-правовые стандарты аккумулируют опыт сотрудничества государств по решению определенного круга вопросов, связанных именно с правовым положением личности в аспекте ограничения ее прав и свобод. Они образуют круг норм, которые могут подвергнуться международно-правовой кодификации. Стандарты играют роль международно-правовых установлений, демонстрирующих активную востребованность международного права международным сообществом. В этом проявляется их правовая роль. Постепенно стандарты развиваются, наделяются новыми элементами содержания, порой играют роль определенных принципов международного права.

Так, идея, отраженная в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран от 8 августа 1945 г. о справедливом и быстром суде над этими преступниками, нашла дальнейшее развитие в ряде других документов, в том числе в Международных пактах 1966 г., в Римском статуте МУС, в котором определено, что судебная палата обеспечивает справедливость и быстроту разбирательства, проведение его при полном соблюдении прав обвиняемого и с должным учетом необходимости защиты потерпевших и свидетелей. В Римском статуте отражены классические стандарты правосудия, в том числе индивидуальная уголовная ответственность (ст. 25), презумпция невиновности (ст. 66), неприменимость срока давности (ст. 29), недопустимость ссылки на должностное положение (ст. 27). В этом документе развиты признаки (составные элементы) геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений, что расширило границы применения этих стандартов. Суд может применять принципы и нормы права в соответствии с тем, как они были истолкованы в его предыдущих решениях (п. 2 ст. 21)¹⁰².

В этой связи современные авторы верно полагают, что возрастание роли международных норм в национальном правовом регулировании осуществления правосудия является фактором правовой действительности, поскольку создает режим его оптимального осуществления, условий непосредственного воздействия на национальное законодательство в сфере уголовного процессуального права. Разумеется, особое значение имеет оценка взаимосвязи функций правосудия с иными составляющими системы судебной власти, в частности с судебным контролем, судебным санкционированием, информационным и профилактическим воздействием на формирование правосознания населения страны. Характер и значение этих проявлений функций правосудия наиболее явно отражены в правовом механизме действия правосудия в узком значении этого понятия, т. е. когда непосредственным способом реализации процесса доказывания в суде является рассмотрение и разрешение в судебных заседаниях правовых

¹⁰² Международный уголовный суд : сб. док. Казань, 2004. С. 79.

споров в условиях полного соблюдения демократических принципов и международно-правовых стандартов правосудия¹⁰³.

Применительно к деятельности органов уголовного судопроизводства для понимания сущности общепризнанных принципов и стандартов международного права следует руководствоваться Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹⁰⁴, которым под общепризнанными принципами международного права предлагается рассматривать основополагающие императивные и диспозитивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательных. Без подобного признания они не могут считаться частью правовой системы Российской Федерации, порождающей для государства в целом, его органов и должностных лиц юридические обязанности.

Понятие «общепризнанные» относится как к принципам, так и к нормам международного права, поскольку и в том, и в другом случае это понятие характеризует юридически обязательное правило поведения. Обычно различие между принципами и нормами международного права не проводится, так как термин «принципы» имеет широкое значение и включает в себя нормы международного права, а также те стандарты, которые нам предлагает Европейский суд по правам человека. Под общепризнанными принципами международного права обычно понимают основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. Концептуальной основой системы общепризнанных принципов международного права являются принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признавае-

¹⁰³ Правосудие в современном мире : монография / В. И. Анишина [и др.]. М., 2012. С. 569.

¹⁰⁴ Рос. газ. 2003. № 244. С. 9.

мое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного¹⁰⁵.

Юридическая сила международных стандартов заключается в том, что общепризнанные положения международного права позволяют утвердить стабильное и цивилизованное международное общение, которое должно соответствовать правовому прогрессу всего передового общества. Применительно к процессу доказывания по уголовному делу особое значение этих принципов заключается в формировании институтов международного права, призванных защищать права человека, влиять на развитие национального законодательства в направлении его гуманизации, способствовать усилению гарантий личности в ее столкновении с органами и должностными лицами публичной власти, которые производят предварительное расследование, рассматривают уголовные дела в суде, в противодействии произволу.

В этой связи Верховный Суд РФ поясняет, что в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами международного права при осуществлении правосудия судам следует исходить из следующих конституционных положений. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ (ч. 1 ст. 17). Признание, соблюдение и защита прав и свобод человек и гражданина – обязанность правового государства (ст. 2 Конституции РФ). Согласно ч. 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Исходя из этих установлений, а также из положений ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, права и свободы человека, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации, являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации.

Международно-правовые стандарты законного и справедливого уголовного судопроизводства предполагают состязательную форму уголовного процесса в целом. В частности, право стороны защиты на равноценное участие в процессе доказывания является общепризнанным, его нарушение считается Европейским судом

¹⁰⁵ Андрусенко С. П., Голованова Н. А., Гравина А. А. Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации : науч.-практ. пособие. М., 2012. С. 129.

по правам человека существенным ограничением права на защиту от обвинения. Это право признано в таких международно-правовых актах, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод (подп. «д» п. 3 ст. 6)¹⁰⁶, Международный пакт о гражданских и политических правах (подп. «е» п. 3 ст. 14)¹⁰⁷. Правила проведения отдельных процессуальных действий закреплены в «Правилах процедуры и доказывания»¹⁰⁸, применяемых всеми органами международной уголовной юстиции, действующими на основании Римского статута Международного уголовного суда (ст. 69)¹⁰⁹.

Наиболее распространенным процессуальным действием в собирании доказательств является допрос. Заметим, что в России имеет место игнорирование законодателем проблемы должного нормативного закрепления процедуры судебных допросов; отсутствие понимания этой проблемы и со стороны многих российских судей делает уязвимыми акты правосудия перед критикой в Европейском суде и других международных правовых инстанциях¹¹⁰. Можно даже сказать, что российское уголовное правосудие отчасти выпадает из европейского и международного правового пространства, где давно и твердо утвердились стандарты проведения судебных допросов. К примеру, С. А. Князев полагает, что ссылки на некую «особенную» состязательность нашего уголовного процесса не совсем уместны¹¹¹.

С этим мнением соглашается и А. О. Машовец, который пишет о том, что состязательность должна существовать не только

¹⁰⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁰⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

¹⁰⁸ URL: <http://www.femida.info/12/muprirstatuta076.htm>.

¹⁰⁹ Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

¹¹⁰ Россия является рекордсменом по числу поданных против нее и, главное, удовлетворенных жалоб. В десятках решений, вынесенных по жалобам против Российской Федерации, Европейский суд по правам человека признавал Российскую Федерацию в той или иной степени ответственной за нарушение требований ст. 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство), выразившееся в отказе заявителю в возможности допросить свидетелей обвинения. См., например: п. 193 Постановления Европейского суда по правам человека от 25 сент. 2008 г. по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против Российской Федерации». Жалоба № 30997/02 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/12069355/12069355-011.htm>.

¹¹¹ Князев С. А. Мнимая состязательность // Рос. юстиция. 2006. № 7. С. 56–58.

на словах, а по-настоящему – в конкретных процедурах и институтах уголовного судопроизводства. В том числе она должна определять структуру судебного допроса, являющегося главным средством формирования из личных судебных доказательств фактов. Состязательная структура судебного процесса, включающая три обычных стадии – прямой допрос, перекрестный допрос и передопрос, обеспечивает надлежащий способ представления и исследования показаний, а также соблюдение права подсудимого на защиту¹¹². С этим положением стоит согласиться; к сожалению, современный российский законодатель не посчитал нужным закрепить подобного рода положения в УПК РФ.

Кроме того, Л. Б. Алексеева подчеркивает, что «ни одно закрепленное в международных нормах право не регулируется так подробно, как право на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам»¹¹³. Она также отмечает принципиальное единство содержания ст. 14 Пакта и ст. 6 Конвенции и то обстоятельство, что последняя получила «развернутую конкретизацию и развитие в решениях Европейского суда по правам человека, что позволяет более обоснованно судить о тех требованиях, которые международное право предъявляет к правосудию по уголовным делам»¹¹⁴. Применительно к процессу доказывания по уголовному делу Л. Б. Алексеева полагает, что суд «не может быть связан тем доказательственным материалом, который ему представляется обвинением и защитой»¹¹⁵; в аспекте международных стандартов «в том случае, если сторонами представлено недостаточно доказательств для обоснования решения по делу, суд может по собственной инициативе истребовать и исследовать доказательственную информацию. Иное положение не соответствует ст. 6 УПК РФ». Кроме того, заметим, что в тех государствах, где до сих пор истина остается целью процесса доказывания, например во Франции, на основании ст. 310 УПК председательствующий наделен полномочиями, в силу которых он может по совести и чести принимать любые меры, которые сочтет полезными для

¹¹² Машовец А. О. Международно-правовые стандарты производства допроса по уголовному делу // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. 2013. № 5. С. 3–5.

¹¹³ Алексеева Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 45.

¹¹⁴ Там же. С. 49.

¹¹⁵ Там же. С. 69.

установления истины. Аналогичное положение есть и в законодательстве США. В России вопрос активности суда является до сих пор достаточно спорным, поскольку по концепции УПК РФ суд выступает в качестве независимого арбитра и без инициативы сторон не участвует, в частности, в собирании доказательств.

Одним из положительных моментов выступает то, что международное сообщество, озаботившись неудовлетворительным положением потерпевших по уголовным делам в части возмещения вреда, причиненного преступлением¹¹⁶, разработало систему «реституционного правосудия», которая нашла свое закрепление в международно-правовых актах, издаваемых под эгидой ООН. К сожалению, в России данные стандарты не применяются до сих пор и потерпевший в настоящее время является одной из незащищенных категорий участников уголовного судопроизводства. Как бы хорошо ни был регламентирован процесс доказывания по уголовному делу и как бы ни было полноценно расследовано и рассмотрено уголовное дело в суде, ущерб и вред, причиненный потерпевшему по уголовному делу, возмещается и компенсируется с очень большими проблемами. В частности, потерпевшему порою приходится доказывать в суде не только размер компенсируемой суммы за причиненный моральный вред, но и сам факт того, что моральный вред действительно причинен преступлением.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в международном праве формируются и действуют присущие ему отраслевые стандарты, отражающие содержательную специфику уголовного судопроизводства в виде общепризнанных принципов международного права. Их значение заключается в первую очередь в защите права человека, в усилении гарантий личности в ее столкновении с органами и должностными лицами публичной власти, в противодействии произволу. Следовательно, можно согласиться с мнением тех авторов, которые полагают, что объективная основа особой юридической силы общепризнанных принципов международного права предопределяется потребностями утверждения стабильного и цивилизованного международного общения,

¹¹⁶ Рабочий документ, подготовленный Секретариатом X Конгресса ООН «Правонарушители и жертвы: ответственность и справедливость в процессе отправления уголовного правосудия» // Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями : сб. док. М., 2001. С. 48.

которые соответствуют определенным историческим условиям и отражают правовое сознание всего передового человечества¹¹⁷.

Однако заслуживает внимания позиция руководителя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина, считающего, что следует отменить приоритет международного права над российским в Конституции РФ. В частности, А. И. Бастрыкин назвал «диверсией в правовом регулировании» положение российской Конституции о том, что нормы международного права необходимо ставить выше законодательства РФ, что было отмечено в его докладе к коллегии ведомства. Так, 26 февраля 2015 г. состоялось заседание коллегии, посвященное итогам работы следственных органов за 2014 г. и задачам на 2015 г. Руководителем было подчеркнуто, что настоящий «год для страны был непростым. Он был, образно говоря, годом проверки на прочность. Испытание пройдено успешно. Правопорядок в государстве остаётся стабильным, а авторитет и позиции России на международной арене крепнут. И подтверждение тому – недавние Минские договоренности о мирном урегулировании военного кризиса на Юго-Востоке Украины. Следственный комитет не оставался в стороне от этих трагических событий. Мы оперативно возбуждаем уголовные преследования в отношении военных преступников и националистов. Эти уголовные дела, а их возбуждено 39, расследуются, можно сказать, в боевой обстановке, собираются доказательства, чтобы виновных лиц настигло справедливое возмездие». Однако в свете данных событий А. И. Бастрыкин отметил, что в Конституции России есть положение о безусловном приоритете международных правовых норм над национальным законодательством (данный принцип также включили и в российский УПК, хотя и без конкретного регламентированного в законе механизма), несмотря на то что в остальных государствах имеются более гибкие механизмы. По его мнению, практика, в особенности недавние международные события, доказывают, что подобная ситуация работает против интересов РФ и умело используется оппонентами с Запада. Глава Следственного комитета добавил, что из российского законодательства необходимо исключить приоритет международных правовых норм, это поможет укрепить независимость РФ в правовой области. По его словам, необ-

¹¹⁷ Андрусенко С. П., Голованова Н. А., Гравина А. А. Указ. соч. С. 59.

ходимо вернуться к лучшим традициям отечественного судопроизводства¹¹⁸. Кроме того, ранее В. Д. Зорькин, председатель Конституционного Суда России, не раз заявлял, что РФ не передавала Европейскому суду по правам человека часть своих полномочий, позволяющих выносить решения по изменению законодательства нашей страны. Думается, в данных словах и мнениях есть доля правды; это лишний раз убеждает нас в необходимости более тщательного изучения международных стандартов и возможности, а порою целесообразности их применения на территории Российской Федерации, учитывая положение о большинстве международных стандартов, носящих декларативный характер, без реальной регламентации механизма их реализации в российском уголовном процессе.

¹¹⁸ URL: http://sledcom.ru/news/item/898707/?type=news&more_link=1.

Глава 2

АКТИВНОСТЬ СТОРОН В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

2.1. Аргументация как предпосылка активности сторон в ходе судебного разбирательства по уголовному делу

Актуальность исследования вопросов активности сторон при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции в условиях состязательности обусловлена тем, что современная состязательность основывается на конфронтации сторон, которые, участвуя в споре, достигают истины по уголовному делу и тем самым оказывают активное влияние на внутреннее убеждение судьи, который выносит итоговое решение по уголовному делу. Причем в свете норм УПК РФ и позиций Конституционного Суда РФ суд, осуществляющий судебную власть посредством уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром.

Проблемы доказывания всегда занимали центральное место в уголовном судопроизводстве России. Это обусловлено, прежде всего, особой познавательной деятельностью его участников, связанной с законодательной регламентацией процедуры, сроков и особенностей установления обстоятельств рассматриваемого в суде уголовного дела. Особое внимание в действующем уголовно-процессуальном законе уделено участникам, чьей процессуальной обязанностью и правом является определение действительной картины происшедшего события преступления и документальное закрепление полученной в связи с этим информации. В науке уголовного судопроизводства такие участники традиционно называются субъектами доказывания по уголовному делу. Однако среди ученых в области уголовного судопроизводства до сих пор нет единства взглядов по поводу понятия и классифика-

ции субъектов доказывания, их процессуального статуса, особенностей участия в процессе доказывания юридически значимых обстоятельств уголовного дела в суде первой инстанции.

В практике судебного разбирательства указанные проблемы вызывают достаточно большие сложности, которые нередко способствуют неправильному правоприменению в конкретных ситуациях, что приводит к принятию незаконных и необоснованных процессуальных решений, производству нелегитимных процессуальных действий и нарушению прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в конкретных правоотношениях¹¹⁹.

В разные периоды развития уголовного судопроизводства к научному анализу теоретических и практических проблем доказывания в уголовном судопроизводстве обращались такие ученые, как В. А. Азаров, А. Р. Белкин, Г. И. Загорский, А. М. Ларин, П. А. Лупинская, И. Л. Петрухин, Н. В. Радутная и целый ряд других известных ученых. Отдельные авторы проводили комплексное исследование проблемы активности субъектов доказывания в суде первой инстанции.

Происшедшие изменения в процессе доказывания по уголовному делу во многих аспектах по-иному определили нормативное регулирование отдельных процедур. В частности, прежде всего значительно расширены правовые возможности участников по доказыванию обстоятельств уголовного дела. Элементы состязательности сторон изменили не только круг субъектов доказывания и их правовой статус, но и в значительной мере сущность процесса доказывания в российском уголовном судопроизводстве.

В этой связи заметим, что проблематика активности сторон в суде первой инстанции заключается в том, что тип уголовного судопроизводства построен по состязательной модели и наиболее полное выражение состязательности находит в регулировании, во-первых, порядка предварительного слушания при подготовке к судебному заседанию, во-вторых, общих условий судебного разбирательства, в-третьих, таких этапов судебного разбирательства, как судебное следствие и прения сторон.

Гарантией реализации принципа состязательности является установление обязательности участия обвинителя и защитника в

¹¹⁹ Зубович М. М. Правомерны ли «юридические качели» в механизме процессуального взаимодействия? (приглашение к дискуссии) // Рос. юстиция. 2008. № 9. С. 17–19.

судебном разбирательстве. Правовое регулирование принципа состязательности означает, в сущности, определение порядка взаимоотношений сторон в уголовном судопроизводстве.

Правильное понимание состязательности сторон во главу угла ставит процесс доказывания именно на судебных стадиях. Состязательный процесс основывается на исходном положении о том, что процесс – это происходящий в суде спор между государством и гражданином, совершившим преступление, и в таком споре обе стороны наделены равными юридическими возможностями. Суду отводится роль беспристрастного арбитра, наблюдающего за тем, как соблюдаются правила спора и кто его выиграл. Оценка доказательств формируется на основе внутреннего убеждения судей. Мы позволяем высказать мнение о том, что УПК РФ, регламентируя состязательный уголовный процесс, сформировал новый вид процесса доказывания по уголовному делу. Следует подчеркнуть неразрывность внутреннего убеждения и свободы оценки доказательств, стремясь не допустить ни ущемления внутреннего судейского убеждения, ни его чрезмерной свободы. Так, состязательность сторон формирует следующие положения: во-первых, доказательства не имеют заранее установленной силы; во-вторых, при оценке доказательств судья не связан результатами оценки иных лиц; в-третьих, при оценке доказательств судья оценивает доказательства по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью. При таких условиях в свете принципа состязательности стороны должны представить так доказательства по уголовному делу, чтобы убедить суд в правоте своей позиции. По нашему мнению, в процессе доказывания в суде первой инстанции доказательства выступают не столько сведениями, информацией или фактами, сколько именно аргументами. Аргументация выступает одним из важнейших средств разумного убеждения. С позиции состязательности сторон судебное разбирательство заключается в споре, степень участия в споре характеризует активность сторон в процессе доказывания по уголовному делу. Спор – это столкновение мнений или позиций, в ходе которого стороны приводят аргументы в поддержку своих убеждений и критикуют несовместимые с последними представления другой стороны¹²⁰. С точки зрения судебного

¹²⁰ Философия : энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М., 2006. С. 815.

следствия и прений сторон спор является частным случаем аргументации, ее наиболее острой и напряженной формой. Кроме того, спор выступает важнейшим средством прояснения и разрешения вопросов, вызывающих разногласия, лучшего понимания того, что не является в достаточной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования. В судебном разбирательстве стороны как участники спора либо приходят к согласию и единому мнению, либо нет, но в ходе спора лучше уясняют позицию противоборствующей стороны. Обоснованная аргументация не просто повторяет выводы по делу, она предлагает доводы, чтобы другие могли принять решение для себя. Довод, или аргумент, представляет собой одно или несколько связанных между собой утверждений. Довод предназначается для поддержки тезиса аргументации – утверждения, которое аргументирующая сторона находит нужным внушить аудитории, сделать составной частью ее убеждений. Кроме того, посредством аргументации мы не просто осуществляем процедуру приведения аргументов, но и строим совокупность, систему убеждающих аргументов. С логической точки зрения теория аргументации исследует многообразные способы активного убеждения аудитории с помощью речевого воздействия. Речевое воздействие, как правило, основывается на различиях во мнениях, на столкновении позиций. Каждая сторона активно отстаивает свою точку зрения и пытается раскритиковать точку зрения противника. Если нет такого столкновения мнений, то нет и самого спора, нет состязательности.

Активность сторон в свете состязательного типа уголовного судопроизводства наиболее очевидна в процессе судебного следствия и прений сторон. Мы полагаем, что судебное следствие – это центральный этап судебного разбирательства, который следует за подготовительной частью судебного разбирательства и является предпосылкой прений сторон, на котором суд в условиях наиболее полного осуществления принципов уголовного судопроизводства исследует все имеющиеся доказательства с целью установления фактических обстоятельств уголовного дела (которые входят в предмет доказывания) и постановления приговора. Прения сторон – это стержень состязательности судебного разбирательства, поскольку они дают возможность участникам судебного разбирательства активно отстаивать свои законные интересы, способствуют формированию внутреннего убеждения судей

на основе всестороннего анализа всех обстоятельств уголовного дела после исследования всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в рамках судебного следствия.

С точки зрения судебного следствия и прений сторон в уголовном процессе интерес к данному вопросу заключается в том, что принцип состязательности выступает как основа, определяющая положение субъектов процесса, их права и обязанности, взаимоотношения друг с другом и с судом, что обуславливает состязательную форму процесса.

Именно в судебном следствии и прениях стороны обвинения и защиты на основе анализа исследованных в суде доказательств выдвигают свои доводы и аргументы в обоснование своей позиции о доказанности или недоказанности предъявленного подсудимому обвинения. В судебном следствии и прениях каждая из сторон излагает перед судом свою картину происшедшего события, дает собственные оценки и окончательно высказывает собственное мнение о полной или частичной виновности или невинности подсудимого, о квалификации действий, о мере наказания. Соответственно, судебное следствие и прения сторон являются неотъемлемым элементом состязательности уголовного судопроизводства и в этой связи выступают показателем современной концепции УПК РФ.

В рамках судебного следствия и прений сторон суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав – стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Каждый участник уголовного процесса осуществляет определенную функцию, иначе говоря роль, которую он играет в данной многогранной деятельности, реализует свое предназначение. Общепринято различать три уголовно-процессуальные функции: 1) уголовное преследование; 2) защита; 3) разрешение уголовного дела. Первая выражается в выдвижении, формулировании и обосновании обвинения в совершении конкретного преступления. Вторая, противоположная, представляет собой уголовно-процессуальную деятельность по опровержению инкриминируемого обвинения полностью или частично или по обоснованию любого изменения этого обвинения в сторону, улучшающую положение обвиняемого. Третья предполагает формулирование юридически значимого ответа на вопрос о состоятельности или

несостоятельности предъявленного обвинения и вывод о виновности или невиновности обвиняемого.

Именно такое тройкое положение и позволяет сформулировать правило о том, что истина рождается в споре. Согласно такой формуле осуществление двух противоборствующих функций – уголовного преследования и защиты – есть спор равноправных сторон в уголовном судопроизводстве, необходимое условие установления истины судом, возвышающимся над сторонами и осуществляющим свою собственную функцию – разрешение уголовного дела. Это положение является конституционным, закреплено в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, провозглашающей, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Однако в Конституции РФ закреплено данное начало, но не дано развернутого содержания этого принципа. Разумеется, эта задача возложена на УПК РФ. Основой состязательности является и ст. 2 Конституции РФ, которая высшей ценностью закрепляет человека, его права и свободы; данное положение позволяет судить о демократизации всего судопроизводства в целом, соответственно, и о свободе слова, высказывания личного мнения, в частности в рамках уголовного судопроизводства. Данные основы определяют правовое положение и взаимоотношения участников уголовного процесса между собой, а также отношения участников процесса и суда.

В целом форму (тип) уголовного процесса определяет политическое устройство государства. Подтверждением тому служит изучение исторических материалов о правовых обычаях, которые позволяют говорить о том, что правосудие существовало и при первобытнообщинном строе. Лицо, совершившее преступление, подвергалось наказанию вождем, советом старейшин или собранием племени¹²¹. Постепенно старые родовые формы разбирательства стали вытесняться, обусловлено это было расслоением родового общества. По этому поводу справедливо писал И. Я. Фойницкий: «История уголовного процесса начинается господством в нем частного начала... Мало-помалу выясняется и постепенно развивается публичное начало уголовного процесса; он становится делом общественным, государственным»¹²². Ко-

¹²¹ Всемирная история. М., 1956. Т. 1. С. 106.

¹²² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1907. Т. 1. С. 14.

нечно, в Древней Руси, в период раннего феодализма, в судебном разбирательстве просматривалась состязательность, но она определенного значения в обеспечении истинных выводов в судопроизводстве не имела¹²³. Предпосылкой появления состязательности в Судебном уставе 1864 г. было изменение государственного устройства в Европе, феодальный строй был сменен на демократический буржуазный. Следовательно, произошла гуманизация существовавшей ранее розыскной формы уголовного процесса. Анализируя Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС) 1864 г., очередной раз можно убедиться, что современное уголовно-процессуальное законодательство в немалой степени заимствовало дореволюционные положения закона, что подтверждает прогрессивность прошлых реформ. Изучая нормы УПК РФ и доктринальные толкования к нему, можно убедиться в некоторой аналогии УПК РФ и УУС 1864 г. Очевидно, нормы дореволюционного российского законодательства о судебном следствии и прениях явились одной из первоначальных основ будущего состязательного уголовного судопроизводства.

Современное демократическое начало характеризует принцип состязательности как положение, при котором судопроизводство осуществляется путем противоборства участников судебного разбирательства, в УПК РФ закреплены разные процессуальные функции, отделенные от функции разрешения уголовного дела по существу, при так или иначе активном участии независимого суда, восполняющего усилия сторон, в целях установления истины по уголовному делу и выполнения иных задач, уголовного судопроизводства. Немаловажен тот факт, что УПК РФ не исключает участия суда в процессе доказывания, например, в главе 37 УПК РФ установлен порядок участия суда в допросе подсудимого, потерпевшего, свидетелей, соответствующий началу состязательности (ч. 3 ст. 375, ч. 3 ст. 278 УПК РФ). Вместе с тем в области доказывания в УПК РФ во имя состязательности предусмотрены и такие правила, которые ставят суд порою в зависимое от сторон положение. Например, судья удовлетворяет ходатайство сторон об исключении доказательства, если против него не возражает другая сторона (ч. 5 ст. 234); ог-

¹²³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 596; История суда и уголовного процесса (схемы, таблицы, документы) / сост. В. И. Кононенко. М., 2002. С. 24.

лашение в судебном разбирательстве показаний подсудимого, которые были даны им при производстве расследования, допустимо по ходатайству стороны (ст. 276), показаний свидетеля, потерпевшего – с согласия стороны (ст. 281). В то же время законодательно не закреплено, вправе ли суд по своей инициативе произвести в судебном следствии осмотр местности, помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, свидетельствование (ст. 287–290).

Заметим, что учеными в области уголовного процесса неоднократно обосновывалось предложение об уточнении обязанностей председательствующего (ст. 243 УПК РФ), который не только должен принимать меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон, но и способствовать объективному и всестороннему исследованию обстоятельств, имеющих существенное значение для законного и справедливого разрешения дела; необходимо тесно сочетать принцип состязательности с принципом объективности, всесторонности и полноты исследования обстоятельств уголовного дела. Полагаем, что сочетание таких условий позволит обеспечить ее эффективность в решении задач правосудия и нейтрализует возможные негативные последствия состязательности сторон, не всегда располагающих равными возможностями для защиты своих интересов.

Состязательность и равноправие сторон хорошо обозначил известный российский ученый В. К. Случевский, который написал о состязательности «как принципе, проникающем во все моменты движения уголовного процесса. В частности, нередко судья был бы не в состоянии разрешить встретившийся ему процессуальный казус или выйти из затруднительного положения, в которое ставят его недостатки или недомолвки закона, если бы не существовало принципов уголовно-процессуального закона, – они играют для судьи роль маяков, освещающих его путь»¹²⁴. Более того, принципиальная состязательность, являясь элементом правовой политики, предопределяет содержание не только действующих, но и будущих правовых норм¹²⁵.

Поскольку принцип состязательности сторон является одним из узловых моментов современной идеологии уголовного про-

¹²⁴ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. СПб., 1910. С. 49.

¹²⁵ Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 502.

цесса, то позиция Конституционного Суда РФ такова, что судебная процедура признается эффективным механизмом защиты прав и свобод, если она отвечает требованиям справедливости и основывается на конституционных принципах состязательности и равноправия сторон¹²⁶.

Интерес заключается в том, что принцип состязательности выступает как основа, определяющая активное положение субъектов процесса, их права и обязанности, взаимоотношения друг с другом и с судом. Активность сторон заключается в том, что доказательство, используемое для логического обоснования истинности, ложности, правдоподобности высказываний, заключается в более общую мыслительную процедуру – аргументацию¹²⁷. В процессе аргументации реализуется один из важных принципов логического мышления – принцип достаточного основания. Аргументом доказательства служит сам факт. Следовательно, интерес представляет концепция Д. Ролза о том, что аргумент имеет цель быть строго дедуктивным¹²⁸. Спор, основанный на аргументах, построенных на частных выводах по уголовному делу, должен соответствовать концепции справедливости. Следовательно, теория справедливости направлена на упорядочение доводов сторон. И упорядочение должно быть в общем транзитивным¹²⁹, поскольку в судебном следствии и прениях сторон имеются тезис и аргументы. Доказать истинность тезиса и аргумента – значит показать, что оно есть прямое следствие из положений о хорошо проверенных фактах.

Судья при вынесении приговора по уголовному делу должен отталкиваться от категории истинности, которая является основополагающей при активной роли сторон при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. Так, представляет интерес мнение А. Г. Спиркина о том, что истина – это адекватная информация об объекте, получаемая посредством его интеллекту-

¹²⁶ По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституц. Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Рос. газ. 2005. 1 апр. (№ 66). С. 9.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 203.

¹²⁹ Там же. С. 125.

ального постижения с точки зрения ее достоверности¹³⁰. Тем не менее следует отметить, что в ранее действовавшем уголовно-процессуальном праве целью было достижение истины по уголовному делу, непосредственно от цели достижения истины по уголовному делу напрямую зависел и процесс доказывания. До принятия УПК РФ был достаточно спорным и подвергся критике устоявшийся взгляд на то, что целью судопроизводства и правосудия является установление объективной (материальной) истины. Началась реставрация ранее разделяемой только западными и некоторыми отечественными дореволюционными юристами позиции, согласно которой юридическое познание (в частности, о вине лица в совершении преступления) носит вероятностный характер. Отдельные авторы полагают, что объективная (материальная) истина есть фикция, точнее юридическая фикция, позволяющая использовать Уголовный кодекс для постановления приговора: а потому ее сохранение как средства уголовного процесса предполагает, что на первое место будет поставлена процессуальная истина¹³¹. Под процессуальной истиной В. В. Никитаев понимает «соответствие судебного процесса (а значит, и его результата) требованиям процессуального права»¹³².

Однако истина закрепляет структуру уголовно-процессуальной деятельности, и, как правило, именно в споре рождается истина. Следовательно, активность сторон обеспечивает продуктивность спора и достижение истины по уголовному делу. Так, А. М. Ларин верно считал, что состязательность есть спор, в ходе которого достигается истина¹³³.

Безусловно, в судебных стадиях уголовного процесса состязательность имеет наиболее яркое проявление. Данный вопрос в большей части зависит от проявления активности в стадиях уголовного процесса стороны защиты. Поскольку на предварительном расследовании по уголовному делу сторона защиты не ведет самостоятельного уголовного дела, то принято считать, что наибольшая активность – за органами уголовного преследования. В

¹³⁰ Спиркин А. Г. Философия : учебник. М., 1998. С. 461

¹³¹ Никитаев В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие : тр. науч.-практ. лабораторий. М., 1996. С. 71.

¹³² Там же. С. 74.

¹³³ Ларин А. М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК-1997 // Рос. юстиция. 1997. № 9. С. 10.

этой связи справедливой представляется позиция А. Р. Белкина, который писал, что закон наделяет субъектов доказывания правом представлять доказательства и собирать отдельные их виды. Однако праву этих субъектов представлять доказательства прокурору, следователю, дознавателю, суду фактически не соответствует ничья обязанность предоставлять эти доказательства этим субъектам¹³⁴. Весьма показательна в этой связи ч. 3 ст. 86 УПК РФ, которая указывает, что защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений – ничья обязанность предоставлять эти предметы, документы и прочее в законе не оговаривается; опроса лиц с их согласия – а как быть, если такого согласия нет? Заметим, что для проведения допроса (а не малопонятного опроса – понятие «опрос» в УПК РФ никак не определяется и не регламентируется) следователю согласия допрашиваемого вовсе не требуется; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии, – наконец-то появилась хоть чья-то обязанность, корреспондирующая с правом собирать доказательства; однако реально никакой санкции за пренебрежение этой обязанностью и непредоставление в распоряжение адвоката запрошенных им документов в законе нет. Поскольку ни юридические, ни физические лица фактически не обязываются законом выполнять требования субъектов доказывания со стороны защиты по предоставлению в их распоряжение каких-либо данных, эти субъекты могут получить их лишь через орган расследования или суд, заявив соответствующее ходатайство, удовлетворение которого полностью зависит от усмотрения тех, кому оно адресовано. Совершенно очевидно, что полноценное участие этих субъектов в доказывании требует наделения их правом собирания доказательств в гораздо большем объеме, сравнимом с субъектами со стороны обвинения.

Предложения о повышении активности защитника в собирании доказательств и расширении его полномочий в данном аспекте высказывались уже не раз. Так, еще в 1990 г. Н. К. Горя считал целесообразным предоставить защитнику право прово-

¹³⁴ Белкин А. Р. Теория доказательств. М., 2002. С. 181.

дить параллельное расследование с совершением следственных действий и изложением своих выводов в особом процессуальном документе – «оправдательном заключении»¹³⁵. Идею параллельного расследования, хотя и в несколько ином виде – в виде возможности проведения защитником «частных следственных действий», выдвигали и авторы проекта УПК РФ, подготовленного ГПУ при Президенте РФ. Законодатель не считал возможным предоставление защитнику властно-распорядительных полномочий. В этой связи интерес представляет то, что подлинная состязательность могла бы иметь место, если бы законодатель считал возможным расследование дела двумя равноправными следователями: со стороны обвинения и со стороны защиты¹³⁶.

Данное предложение целесообразно, поскольку в процессе доказывания уравнивает стороны, но такая цель вряд ли осуществима в жизни. Например, еще и потому, что органы уголовного преследования – это государственные органы, а адвокатура является общественным объединением. Следовательно, для достижения данной идеи необходимо кардинальное реформирование адвокатуры, что маловероятно. И тем не менее уголовный процесс России должен строиться в форме состязания на всех стадиях по уголовному делу. По нашему мнению, активная состязательность на досудебных стадиях уголовного процесса является предпосылкой объективного рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции.

Активность сторон может быть полноценной только в том случае, если две противоположные стороны обвинения и защиты будут владеть полной информацией по факту совершенного преступного деяния. Поэтому на стадиях уголовного судопроизводства должно быть эффективно реализовано право на ознакомление с материалами уголовного дела всеми участниками уголовного судопроизводства; для полноты познания сведений, подлежащих доказыванию и закрепленных в уголовном деле, суду целесообразно позволять сторонам работать с материалами уголовного дела (читать, копировать, изучать и т. д.) с момента поступления уголовного дела в суд, а также и в любые другие рабочие часы суда, поскольку на стадии предварительного расследования в

¹³⁵ Горя Н. Принцип состязательности и функции защиты в уголовном процессе // Сов. юстиция. 1990. № 7. С. 22.

¹³⁶ Белкин А. Р. Указ. соч. С. 59.

силу сжатых сроков уголовного процесса ознакомление с материалами уголовного дела проходит формально, порою без соблюдения конституционных прав участников процесса. Полноценное информирование участников уголовного процесса в рамках ознакомления с материалами уголовного дела даст им возможность не только заявлять обоснованные ходатайства, которые станут предметом рассмотрения при назначении судебного заседания, в том числе и на предварительном слушании, но и грамотно аргументировать свою позицию в рамках судебного следствия и прений сторон. В уголовном деле судьба человека может зависеть от незначительных на первый взгляд обстоятельств, не приметных подробностей, выявление которых, с учетом их правильной оценки с точки зрения уголовного процессуального закона, может иметь решающее значение. В уголовном деле нет мелочей. В частности, для защитника данные обстоятельства актуальны именно потому, что полнота информации по уголовному делу позволяет сделать независимую оценку собранным по уголовному делу доказательствам, найти новые способы защиты интересов, а также в дальнейшем использовать полученные копии материалов уголовного дела при осуществлении защиты в суде или при составлении апелляционных, кассационных и надзорных жалоб. Думается, что целесообразно составлять протокол ознакомления с материалами уголовного дела на судебных этапах в суде первой инстанции, в котором следовало бы фиксировать факт ознакомления с конкретными материалами уголовного дела.

Анализируя изложенное, можно полагать, что состязательность для уголовного процесса по форме является способом и гарантией организации активного судопроизводства, активной формой уголовно-процессуальной деятельности, являющейся стержневым содержанием уголовного процесса в целом, поскольку рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции является центральной стадией уголовного судопроизводства. Активное участие сторон и полноценная реализация прав участников уголовного судопроизводства с позиции аргументации правоты своей позиции выступают одним из важнейших средств разумного убеждения. В этой связи внутреннее убеждение судьи в качестве его уверенности в правомерности и законности выносимого приговора по уголовному делу имеет большое значение. Поскольку доказательства могут быть убедительными и неубеди-

тельными для суда, то, изучая их, судья по своему внутреннему убеждению может определить достоверность, относимость, достаточность, допустимость доказательств, что в результате может повлиять на принятие итогового решения по уголовному делу.

2.2. Активное участие прокурора в суде первой инстанции

Современный этап развития уголовно-процессуального законодательства и практика его применения требуют осмысления, что такое исследование доказательств, каков процессуальный порядок их исследования, какую роль играет сторона обвинения. В частности, считаем немаловажным представить процессуальные и тактические аспекты участия государственного обвинителя на таких этапах судебного разбирательства, как судебное следствие и прения сторон. В свете последних исследований можно предложить немало корректив и рекомендаций в целях совершенствования УПК РФ.

Участие прокурора при поддержании государственного обвинения в судебном разбирательстве – это существенная часть возложенной на прокурора функции уголовного преследования как деятельности, направленной на изобличение лица, совершившего преступление, и привлечение его к уголовной ответственности.

На основании ч. 2 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации»¹³⁷, осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. Организация работы по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами в прокуратуре области выстраивается в соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». Организация работы по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами в прокуратурах городов и районов области осуществляется непосредственно прокурорами либо одним из их заместителей. Основная нагрузка по поддержанию государственного обвинения ложится на профильных помощников прокурора, за которыми закреплены опреде-

¹³⁷ Собр. законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

ленные судьи. Государственный обвинитель уполномочен поддерживать обвинение, отстаивая интересы государства, и, по мнению государственных обвинителей, именно поэтому ими направляются все усилия на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Достижению положительных результатов по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами способствует правильная организация работы по распределению поступающих из суда уведомлений о рассмотрении дела. Один день в неделю прокурор либо его заместитель с учетом сложности конкретного уголовного дела, уровня профессиональной квалификации работника, его опыта, личных качеств, способности оперативного принятия правильного решения в возникшей ситуации дает письменные поручения о поддержании государственного обвинения. Вся информация заносится в специальный журнал, а также в компьютер. Такая форма позволяет отслеживать движение каждого дела и использовать имеющуюся информацию об участии прокурора в суде, мере наказания, квалификации в целом для аналитической работы.

Обязанностью всех прокуроров, участвующих в рассмотрении уголовных дел судами, является принесение юридически аргументированных доводов в исследовании доказательств в суде первой инстанции.

Государственный обвинитель несет обязанность всемерно способствовать установлению фактических обстоятельств уголовного дела с целью вынесения судом законного и обоснованного решения, выдвигает повышенные требования к поддержанию государственного обвинения. Оно должно осуществляться только активным способом, что объясняется как публичными началами, так и действием принципа состязательности сторон, не позволяющим суду принимать на себя выполнение функции обвинения.

УПК РФ предъявляет ряд требований к поведению государственного обвинителя. В первую очередь необходимо подчеркнуть, что при входе судей в зал судебного заседания следует вставать. При этом незтично, встав, сразу же садиться. Необходимо дожидаться соответствующего приглашения председательствующего. Обращаться к суду нужно со словами «Уважаемый суд» (при коллегиальном рассмотрении дела), либо «Ваша честь» (при единоличном рассмотрении уголовного дела).

Государственному обвинителю необходимо соблюдать в ходе судебного разбирательства ряд следующих юридических и этических правил: недопустимо вступать в пререкания с судом и другими участниками процесса, относиться к которым следует одинаково уважительно, при упоминании в прениях участников уголовного процесса необходимо указывать процессуальное положение данного лица, в случае если в судебном заседании участвует защитник, то обращаться к нему следует: «Уважаемый защитник». Думается, такое правило следовало бы закрепить в ч. 1 ст. 292 УПК РФ (применительно ко всем участникам обращение должно быть корректным и уважительным).

Профессиональная деятельность государственного обвинителя имеет следующие специфические особенности: нормативность (жесткая правовая регламентация) профессионального поведения, принимаемых решений при нестандартном, творческом труде, персональная (для большинства – повышенная) ответственность за порученное направление деятельности, экстремальный характер деятельности (выполнение большого объема сложной, многообразной работы в условиях острого дефицита информации и времени, активного противодействия заинтересованных лиц), властный обязательный характер полномочий должностных лиц прокуратуры¹³⁸.

Перед государственным обвинителем стоит сложная задача, проблематика которой заключается в том, что прокурор не во всех случаях может предугадать, что прозвучит и будет представлено защитником, поскольку государственный обвинитель на всех этапах судебного разбирательства выступает первым. Значит, государственный обвинитель должен проработать все варианты позиции защиты, принимая во внимание тактику, применяемую им в ходе судебного следствия.

Заметим и то, что в практической деятельности имеют место случаи ограничения права прокурора на представление доказательств в суде. Таким образом, судом допускается процессуальное нарушение, которое как влечет деформацию позиции обвинения в целом, так и подрывает механизм защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, подсудимого, рас-

¹³⁸ Антонова А. С. Проблемы, способствующие профессиональной деформации работников прокуратуры // Проблемы совершенствования прокурорского надзора : сб. ст. / под общ. ред. В. Н. Андриянова. Иркутск, 2006. С. 23.

считывающего на недопущение его незаконного и необоснованного осуждения. По нашему мнению, от активной позиции и профессионализма государственного обвинителя, способного противостоять указанным процессуальным нарушениям, во многом зависят законность и обоснованность приговора как итогового акта правосудия по уголовному делу. В этой связи представляют интерес примеры из судебной практики, на которые обращают внимание действующие государственные обвинители как на прямое нарушение норм уголовно-процессуального законодательства¹³⁹.

Например, интерес представляют следующие примеры из судебной практики. В соответствии с ч. 1 ст. 275 УПК РФ при согласии подсудимого дать показания первыми его допрашивают защитник и участники судебного разбирательства со стороны защиты, затем государственный обвинитель и участники судебного разбирательства со стороны обвинения. В деле С. государственному обвинителю было отказано в допросе подсудимого со ссылкой на возражения адвоката, а также на то, что это противоречит процессуальному закону, провоцирует ненужный спор в суде. Необеспечение государственному обвинителю возможности допросить подсудимого С. является ограничением права прокурора на представление доказательств¹⁴⁰.

В силу ст. 49, 51 Конституции РФ, ч. 2 ст. 14 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. При этом следует учитывать, что Ю. Чайка подчеркнул: «Оценив представленные ему материалы, прокурор обязан определиться, достаточно ли собрано по делу доказательств и подтверждают ли они вину обвиняемого. Иными словами, в суд должно быть направлено качественно расследованное уголовное дело»¹⁴¹.

Прокурор не должен ни представлять дела в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсу-

¹³⁹ Владыкина Т. А. Ограничение права прокурора на представление доказательств в суде с участием присяжных заседателей // Законность. 2013. № 9. С. 28–32.

¹⁴⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 мая 2011 г. № 4-002-142сп.

¹⁴¹ Сильное российское государство должно иметь сильную прокуратуру : интервью с Генеральным прокурором РФ Ю. Я. Чайкой // Прокурор. 2012. № 1. С. 3–4.

димого, ни преувеличивать значение доказательств. Следуя этому правилу, государственный обвинитель в уголовном деле в отношении У. и С. ходатайствовал об оглашении в судебном заседании чистосердечного признания С. Отказывая в удовлетворении этого ходатайства, председательствующий сослался на то, что «чистосердечное признание» не является доказательством в соответствии со ст. 74 УПК РФ¹⁴². Как представляется, суду следовало проверить, не являлось ли это чистосердечное признание актом добровольного волеизъявления С., т. е. его явкой с повинной, и с учетом этого обстоятельства разрешить вопрос о допустимости доказательства.

В соответствии с ч. 1 ст. 142 УПК РФ заявление о явке с повинной – добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении. Развивая этот законодательный подход, формулирует свои разъяснения о порядке определения и применения явки с повинной Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Однако судебная практика показывает иное. Например, К., обвиняемый в незаконных приобретении, хранении, ношении и перевозке огнестрельного оружия и боеприпасов, умышленном убийстве двух лиц с целью облегчить совершение другого преступления, оправдан судом присяжных. Когда органами следствия лицо, совершившее преступление, еще не было установлено, К. написал на имя прокурора явку с повинной, она же послужила основанием к его задержанию по подозрению в совершении преступления, допросу в качестве подозреваемого, в ходе которого он подтвердил добровольность написания заявления и дал подробные показания о совершенном им преступлении. Тем не менее явка с повинной К. судом исключена из числа доказательств. Изложенное позволяет утверждать, что ссылка судьи в постановлении на то, что К., будучи фактически задержанным по подозрению в совершении преступления, не добровольно сообщил о совершенном преступлении, а всего лишь подтвердил свое участие в совершенном преступлении, не основана на нормах УПК РФ и противоречит материалам дела¹⁴³.

¹⁴² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 янв. 2004 г. № 4-О03-188сп.

¹⁴³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 июня 2006 г. № 41-О06-32сп.

Отдельная проблематика – это участие государственного обвинителя в прениях сторон, которые начинаются с изложения судебной речи именно государственным обвинителем (ч. 3 ст. 292 УПК РФ). Обвинитель не вправе отказаться от участия в прениях сторон. Как отмечалось, если прокурор придет к убеждению, что обвинение не подтверждено доказательствами, то он отказывается от обвинения и излагает мотивы отказа. В этой связи заметим, что в своем выступлении он должен привести достаточные доказательства, изобличающие лиц, нарушивших закон, и быть максимально убедительным как для суда, так и для всех присутствующих в деле. Это важнейшее качество обвинительной речи может быть обеспечено, если обвинитель опирается на твердо установленные в судебном следствии факты. При этом он не должен ссылаться на доказательства, которые не были предметом рассмотрения на судебном следствии или признаны судом недопустимыми (ч. 4 ст. 292 УПК РФ). Прокурор, кроме того, должен избегать ненужных повторений, подробного анализа несущественных обстоятельств дела, изложения общеизвестных положений. Государственный обвинитель должен оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом¹⁴⁴.

Участвующие в деле прокурор, потерпевший, а также гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, защитники, подсудимый в своих устных выступлениях подводят итоги проверки и исследования доказательств. Судебные прения оказывают определенное влияние на формирование внутреннего убеждения судей, способствуют более полному усвоению материалов дела.

Практические работники прокуратуры и представители юридической науки в последнее время уделяют повышенное внимание психологическим аспектам участия обвинителя в судебном заседании, психолого-юридическому содержанию судебной речи государственного обвинителя и социальному имиджу прокурора. Л. Н. Толстой в романе «Воскресение» представил речь прокурора так: «Когда ему предоставлено было слово, он

¹⁴⁴ Басков В. И. Прокурорский надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел в судах. М., 1982. С. 100.

медленно встал, обнаружив всю свою грациозную фигуру в шитом мундире, и положив обе руки на конторку, слегка склонив голову, оглядел залу, избегая взглядом подсудимых, и начал... Он говорил то нежным, вкрадчивым голосом, переступая с ноги на ногу, глядя на присяжных, то тихим деловым тоном, заглядывая в свою тетрадку, то громким обличительным голосом, обращаясь то к зрителям, то к присяжным»¹⁴⁵.

Что касается речи государственного обвинителя, то ее подготовка завершается, как правило, в перерыве после окончания судебного следствия и до открытия прений сторон. Перерыв необходим для подготовки речи.

Судебная речь государственного обвинителя должна отвечать следующим требованиям: глубокое знание материалов уголовного дела; точное и правильное изложение фактов; юридический и психологический анализ фактов; культура речи и логика, уверенность в выводах, основанных на материалах уголовного дела; тщательный анализ имеющихся в доказательствах противоречий и спорных обстоятельств.

Выделяют три этапа подготовки речи прокурора: до начала судебного разбирательства, в ходе судебного процесса, по окончании судебного следствия и до открытия прений сторон. На первоначальном этапе, опираясь на обвинительное заключение, прокурор составляет план речи, фиксирует ее основные положения, в том числе дает обоснование квалификации деяния. Важно иметь в виду, что окончательные выводы о доказанности обвинения, квалификации преступления, виде и размере наказания, подлежащего, по его мнению, назначению подсудимому, он формулирует только на основе проверенных в суде доказательств. С учетом результатов судебного следствия государственный обвинитель вносит коррективы в подготовленные ранее разделы судебной речи. В конечном счете вся речь прокурора должна базироваться исключительно на результатах судебного следствия.

По наиболее сложным, многоэпизодным уголовным делам государственному обвинителю целесообразно иметь письменный вариант речи и ее развернутые тезисы. Без подробных записей, как бы прокурор хорошо ни знал обстоятельств дела, какой бы хорошей памятью ни обладал, он не сможет сделать глубокий ана-

¹⁴⁵ Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 12 т. М., 1987. Т. 10. С. 76.

лиз доказательств, убедительно обосновать квалификацию преступления, сформулировать необходимые предложения по существу обвинения, при этом недопустимо подменять обвинительную речь прочтением фрагментов из текста обвинительного заключения¹⁴⁶.

Так, в зависимости от необходимости в детальной подготовке по судебным прениям, можно выделить такие формы оформления судебной речи, которые встречаются в практической деятельности: составление письменного плана, написание речи целиком.

Стоит отметить и то, что при изучении и анализе уголовных дел и судах Иркутска и Иркутской области, в большинстве рассмотренных судами уголовных дел речь прокурора, в которой излагается его позиция по вопросу квалификации действия подсудимых и предложения о мере наказания, в отдельных уголовных делах изложена письменно и приобщена к материалам уголовного дела.

В настоящее время, согласно судебной и прокурорской практике, речь государственного обвинителя состоит из следующих составляющих элементов:

- вступление, в котором излагается общественная опасность совершенного преступления и дается нравственная оценка преступления;
- изложение фактических обстоятельств уголовного дела;
- анализ и оценка доказательств обвинения и защиты (с акцентом на их опровержение);
- характеристика личности подсудимого, смягчающие и отягчающие обстоятельства, причины и условия, способствовавшие совершению преступления;
- предложения о мере наказания, исходя из характера и степени общественной опасности содеянного, данных о личности виновного, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств.

Закон не регламентирует требования к содержанию речи государственного обвинителя. При ее построении прокурор исходит из тех вопросов, которые разрешает суд при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ). Поскольку есть особенности произнесения речи по отдельным ее составным частям, необходимо дать их краткую характеристику.

¹⁴⁶ Организация работы городской (районной) прокуратуры : метод. пособие / под ред. С. И. Герасимова. М., 2001. С. 15.

Во-первых, это анализ и оценка доказательств. Переходя к доказыванию наличия или отсутствия состава преступления, прокурор исходит из закрепленного в законе порядка установления, проверки, анализа и оценки доказательств. Начиная свою речь с того, какие трудности объективного и субъективного характера стояли перед органами предварительного следствия в процессе раскрытия преступления и перед судом в процессе судебного разбирательства, прокурор одновременно оценивает программу своего выступления, акцентируя внимание на ключевых вопросах в оценке доказательственного материала, которым он собирается посвятить основное внимание.

Давая анализ и оценку доказательств, прокурор прежде всего приводит их в строгую последовательную систему по эпизодам или лицам. По уголовному делу с одним подсудимым, который обвиняется в совершении нескольких преступлений, доказательства анализируются и оцениваются применительно к каждому пункту обвинения. По групповым делам с небольшим количеством эпизодов анализ доказательств может производиться применительно к каждому подсудимому. При этом государственный обвинитель сначала останавливается на центральных фигурах, организаторах преступлений, а затем на остальных участниках преступления. По многоэпизодным делам доказательства целесообразно анализировать применительно к каждому эпизоду в отдельности. Вначале дается общая характеристика эпизода, после чего прокурор говорит о роли каждого в эпизоде¹⁴⁷.

Во-вторых, юридическая квалификация преступления. Она должна даваться каждому деянию подсудимых, а формулировка обвинения – в отношении каждого из подсудимых в отдельности. Пожалуй, основным элементом юридической оценки преступления является характеристика субъективной стороны состава преступления и прежде всего форма вины. Важно, чтобы эта характеристика давалась не абстрактно, а с учетом конкретных фактических обстоятельств. Чаще всего именно при анализе формы вины государственными обвинителями допускаются грубые просчеты, иногда граничащие с правовой безграмотностью.

Так, в одной из обвинительных речей прокурор, желая обосновать наличие у подсудимого умысла на убийство, сказал до-

¹⁴⁷ Настольная книга прокурора / под ред. С. И. Герасимова. М., 2003. С. 669.

словно следующее: «Нет никакого сомнения в том, что, произведя выстрел в сторону потерпевшего с расстояния не более десяти шагов, подсудимый мог и должен был предвидеть возможность причинения смертельного ранения». Получилось, что для утверждения об умысле на убийство государственный обвинитель прибегнул к характеристике неосторожной формы вины¹⁴⁸.

Тактическое значение реплики состоит в том, что прокурор может не только возразить защите, но и дать оценку его выступлению. При анализе судебной практики по уголовным делам можно полагать, что реплика, как правило, касается принципиальных разногласий с защитником. В случаях, когда защитник в своем выступлении неверно излагает позицию обвинения, искажает фактические обстоятельства, дает неправильное толкование закона, допускает неэтичное поведение, ущемляет достоинство участников процесса, прокурор из тактических соображений обязан выступить с репликой. Репликой пользуются государственные обвинители и для уточнения или дополнения каких-либо обстоятельств, упущенных в речи, а также если речь защитника повлияла на позицию обвинителя.

Можно прийти к выводу, что российское уголовное судопроизводство является устным и публичным, поэтому важно не только то, что говорит государственный обвинитель, но и какие средства он выбирает, чтобы сделать свое выступление более наглядным, запоминающимся. Прокурор должен изложить свою точку зрения так, чтобы основные положения были поняты и приняты судом. При поддержании обвинения прокурор должен использовать способность человека к образному мышлению и с помощью различных предметов формировать у судей мысленную модель совершенного преступления.

Немаловажным является то, что ежегодно на региональном уровне в Прокуратуре РФ проводится конкурс «На лучшую судебную речь». Так вот небезынтересно, что в Иркутской области комиссия, в которую входят достаточно авторитетные сотрудники прокуратуры, считает, что общий уровень представленных на конкурс судебных речей является невысоким. В основном пред-

¹⁴⁸ Воскресенский В. В., Богомолова Т. А., Похмелкин А. В. Поддержание государственного обвинения по делам о тяжких преступлениях против жизни и здоровья. М., 1994. С. 97.

ставляются речи государственными обвинителями по несложным с позиции процесса доказывания уголовным делам.

Действительно, судебная практика показывает, что государственными обвинителями допускаются в судебных прениях следующие ошибки.

Наиболее распространенная ошибка – это неверные квалификация преступления и мера наказания. Можно привести пример: государственный обвинитель г. Усть-Кута предложил наказание по ч. 3 ст. 30, подп. «в, к, н» ч. 2 ст. 105 УК РФ 18 лет лишения свободы, однако, в соответствии с УК РФ за покушение не может быть назначено более $\frac{3}{4}$ от максимального наказания, предусмотренного санкцией закона, т. е. более 15 лет¹⁴⁹.

Существенным недостатком является и то, что государственные обвинители не во всех случаях правильно описывают мотив преступления. Так, при изучении уголовного дела по обвинению С. в совершении тяжких телесных повреждений (ч. 4 ст. 111 УК РФ) прокурор, излагая фабулу преступления, заявил, что преступление совершено на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений. Однако когда прокурор в зале судебного заседания излагал правовую оценку действий подсудимого, просил суд учесть, что преступление совершено из хулиганских побуждений¹⁵⁰.

При изучении материалов уголовных дел было очевидно, что прокуроры ошибаются в исчислении наказания, а также предлагают меры наказания без решения вопроса об отмене условного осуждения по предыдущему приговору¹⁵¹. Государственные обвинители не указывают процентное соотношение удержания из заработной платы подсудимого при назначении наказания в виде исправительных работ.

Кроме того, прокурорами допускаются в судебных прениях и такие ошибки, как: не отмечается социальная и нравственная сторона преступления, отсутствуют характеристика субъективной стороны преступления и анализ смягчающих, отягчающих наказание обстоятельств.

Из анализа судебной практики очевидно, что особую сложность у государственных обвинителей вызывает оценка доказа-

¹⁴⁹ Уголовное дело № 1265/2013 // Архив Усть-Кутского городского суда Иркутской области.

¹⁵⁰ Уголовное дело № 495/2013 // Архив Черемховского городского суда Иркутской области.

¹⁵¹ Уголовное дело № 236/2013 // Архив Иркутского районного суда.

тельств обвинения, а именно сопоставление доказательств между собой и, соответственно, их последующая оценка. Думается, на законодательном уровне не будет лишним указать на то, что при обвинении подсудимого в нескольких преступлениях доказательства следует группировать применительно к каждому эпизоду преступного деяния. Конечно, может возникнуть вопрос: а как быть, если сторона защиты ходатайствует об ином порядке исследования доказательств? В этой связи мы полагаем, что ч. 4 ст. 292 УПК РФ целесообразно дополнить следующим положением: доказательства виновности или невиновности подсудимого по обвинению в совершении нескольких преступлений необходимо сторонам представлять в суде применительно к каждому эпизоду уголовного дела. Полагаем, данное положение позволит избежать беспорядочности в изложении и обосновании доказательственной части преступных деяний. Кроме того, подобный логичный подход при анализе доказательств позволит более грамотно изложить имеющиеся противоречия в доказательствах, от чего напрямую зависит оценка доказательств с позиции их достоверности.

По нашему мнению, необходимо активизировать правильное взаимодействие прокуратуры и суда, что обеспечит лучшую организацию работы по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел. Кроме того, проведение совместных научных мероприятий, конференций, круглых столов по обсуждению наиболее актуальных проблем позволит выработать единое понимание закона и практики применения. Таким образом, государственные обвинители, участвуя в рассмотрении уголовных дел в суде, будут чувствовать себя увереннее.

2.3. Осуществление состязательных начал уголовного судопроизводства защитником в суде первой инстанции

Право на защиту является конституционным правом. Однако в процессе доказывания по уголовному делу в основе принципа состязательности сторон в практической деятельности возникают вопросы по поводу реализации защитником своих полномочий. Например, нормы УПК РФ позволяют сделать вывод о том, что защитник не является участником в собирании доказательств. Думается, такой вывод вполне справедлив.

Право каждого на участие защитника в случае уголовного преследования является общепризнанным принципом международного права, а также отражено в международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией.

Возможность обращения за квалифицированной помощью к защитнику (адвокату) как неотъемлемая гарантия права на защиту в случае уголовного обвинения предусмотрена ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ст. 5, 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Трудно сказать, что судебная защита в российском уголовном судопроизводстве является сравнительно новым явлением. Признание Россией принципов и норм международного права обязало ее обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты, устанавливаемые компетентными судебными, административными или законодательными властями, и развивать возможности судебной защиты. Из международных актов следует, что Российская Федерация признает и берет на себя обязанность гарантировать каждому лицу, подвергаемому уголовному преследованию, воспользоваться помощью защитника, в том числе и бесплатно.

В соответствии с этими актами ст. 46 Конституции РФ закрепляет право каждого обжаловать в суд незаконные действия и решения любых органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц, общественных объединений, ст. 52 гарантирует потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью компенсацию причиненного вреда и доступ к правосудию, а ст. 22–25 поставили под судебный контроль решения, ограничивающие конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства.

Более того, согласно ст. 118 Конституции РФ правосудие осуществляется путем гражданского, уголовного, административного и конституционного судопроизводства. Это значит, что в судопроизводстве судебная защита носит всеобщий характер, гарантирована всем, чьи права и свободы нарушены, и хотя в уголовном процессе, в первую очередь, в ней нуждаются потерпевшие от преступлений, а также лица, в отношении которых в связи с этими преступлениями осуществляется уголовное преследование, право на судебную защиту обеспечивается любому лицу, чьи интересы затрагивает производство по уголовному делу. Судебной защите, таким образом, подлежат права, нарушенные не только преступлением, но и самим уголовным производством – действиями и решениями органов предварительного расследования, прокурора и даже суда, поскольку обжалование судебных решений в апелляционном, кассационном, надзорном порядке есть обращение участника процесса за судебной защитой, которую он не получил в предыдущих судебных инстанциях.

Однако в соответствии с УПК РФ назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов не только лиц, потерпевших от преступлений, но также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6). Обеспечение обвиняемому права на защиту рассматривается в качестве принципа уголовного судопроизводства, согласно которому право на защиту обвиняемый может осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя (ч. 1 ст. 16 УПК РФ).

Защитник (адвокат) нужен не только подзащитному, но и правосудию в целом, как реализация одной из конституционных гарантий на защиту от судебных ошибок – именно в этом выражается его общесоциальное и публичное значение. Закрепление в ст. 123 Конституции РФ принципиального положения, в соответствии с которым судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, обуславливает необходимость изучения проблемы, касающейся вопроса о том, насколько сторона защиты в судопроизводстве по уголовным делам обеспечена достаточными процессуальными возможностями, позволяющими ей противодействовать незаконному и необоснованному обвинению.

Регламентированный ст. 15 УПК РФ принцип состязательности уголовного судопроизводства предполагает, что наличие стороны обвинения требует безусловного, обязательного присутствия стороны защиты в уголовном процессе.

Именно поэтому осуществление адвокатом функции защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве как реализация гарантированного ст. 48 Конституции РФ права на получение квалифицированной юридической помощи является одной из форм соблюдения принципа состязательности уголовного судопроизводства, что способствует вынесению судом справедливого, обоснованного и законного приговора. Состязательность сторон в уголовном процессе является важнейшим условием исследования сущности судебного спора, собирания и проверки доказательств, установления истинных обстоятельств дела и, в конечном счете, установления справедливости.

Л. А. Зашляпин, характеризуя правовую норму, изложенную в ст. 48 Конституции РФ с позиции обоснования возможности существования теории эффективной адвокатской деятельности, указывает, что на нее необходимо обращать особое внимание, так как она имеет санкцию в ч. 2 ст. 50 УК РФ, а поскольку связь ст. 48 с санкцией «требует, во-первых, наличия юридической помощи; во-вторых, эта помощь должна быть квалифицированной; в-третьих, квалифицированная помощь предполагает наличие знания об адвокатской деятельности в интересах человека в юрисдикционных производствах; в-четвертых, необходимое знание адвокатской деятельности предполагает его производство наукой»¹⁵².

В этой связи, поскольку для состязательности характерен такой элемент, как активность сторон в процессе доказывания, именно их целеустремленная позиция является основой движения процесса. Можно согласиться с мнением процессуалистов, которые отмечают, что интенсивность защиты зависит от интенсивности обвинения, а тактика сторон взаимосвязана. Вместе с тем особенностью реализации деятельности функции защиты является то, что степень ее активности определяется не только степенью активности обвинения, но и тем, действительно ли обвиняемым совершено инкриминируемое деяние.

¹⁵² Зашляпин Л. А. Основы теории эффективной адвокатской деятельности: Прелиминарный аспект. Екатеринбург, 2006. С. 131.

Под профессиональной функцией адвоката (защитника) рассматривают наличие и исполнение исходных, главных положений норм уголовно-процессуального законодательства, а также законодательства об адвокатуре, которые как по отдельности, так и во взаимосвязи определяют положение адвоката в уголовном судопроизводстве, очерчивают пределы его деятельности, а также содержат эффективные возможности реализации доступа его доверителя к правосудию при оказании квалифицированной юридической помощи в целях защиты прав и законных интересов¹⁵³.

М. А. Чельцов писал: защитник – это помощник суда и правозащитник обвиняемого и главная его задача – помогать органам предварительного следствия и суду в установлении истины по делу и в отправлении правосудия¹⁵⁴.

Однако возникает вопрос, а во всех ли случаях в уголовном судопроизводстве защитнику обязателен статус адвоката. На сегодняшний день участие в качестве защитника лица, не имеющего статуса адвоката, крайне затруднено. Такое положение определяется прежде всего позицией Конституционного Суда РФ¹⁵⁵. Однако относительно этого Постановления особое мнение высказывали четыре судьи Конституционного Суда РФ, что являлось достаточно внушительным, учитывая то, что всего в принятии данного решения принимали участие девять судей. В формулировке ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, где понятие «защитник» по своему буквальному смыслу и смыслу, который стремились придать ему авторы Конституции РФ, определенно шире понятия «адвокат», что означает право подозреваемых и обвиняемых пользоваться помощью не только адвокатов, но и других защитников по своему выбору, включая, как следует из материалов Конституционного Совещания¹⁵⁶, и частнопрактикующих юристов, не являющихся членами коллегии адвокатов.

¹⁵³ Почечуева О. С. Некоторые вопросы, возникающие при реализации профессиональных функций адвоката-защитника и представителя в уголовном процессе // Пробелы в рос. законодательстве. 2008. № 2. С. 340–343.

¹⁵⁴ Чельцов М. А. Задачи советской защиты и процессуальное положение адвоката // Адвокат в советском уголовном процессе. М., 1954. С. 53.

¹⁵⁵ По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. Л. Гитиса и С. В. Абрамова : постановление Конституционного Суда РФ от 28 янв. 1997 г. № 2-П // Рос. газ. 1997. 18 февр. С. 9.

¹⁵⁶ Конституционное Совещание. Стенограммы, материал, документы. 29 апр. – 10 нояб. 1993 г. Т. 4. С. 16.

В этой связи заслуживает поддержки общая направленность законодателя на усиление позиции и эффективности деятельности защитника. Однако, например, говорить о том, что в ч. 3 ст. 49 УПК РФ обозначены все моменты вступления защитника в уголовное дело, преждевременно. Исходя из позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» от 27 июня 2000 г. № 11-П, для получения квалифицированной юридической помощи не имеют значения факт возбуждения уголовного дела и определение формального процессуального статуса лица. Таким образом, мировой судья, вызывая лицо, в отношении которого подано заявление (ч. 3 ст. 319 УПК РФ), должен разъяснить ему право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника мировым судьей в порядке ст. 50 УПК РФ.

В юридической литературе достаточно часто встречаются вопросы о предоставлении защитником доказательств как в суде, так и на стадии предварительного расследования. И нередко можно встретить споры о том, а выступает ли защитник самостоятельным участником по собиранию доказательств или же он является всего лишь «ходатаем» предоставления доказательств со стороны защиты. Частью 3 ст. 86 УПК РФ установлено, что защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Именно с их помощью защитник как субъект уголовного процесса и уголовно-процессуального доказывания и осуществляет свою доказательственную деятельность.

По мнению М. Х. Битоковой, «исходя из принципа состязательности, представление защитником полученных доказательств стороне обвинения является не совсем корректным. Все собранные защитником доказательства представляются суду и исследуются в ходе судебного следствия. Исключения составляют доказательства, смягчающие ответственность лица, привлекаемого к

уголовной ответственности, исключаящие преступность деяния либо делающие уголовную ответственность невозможной»¹⁵⁷.

Разумеется, подобного рода мнение довольно спорное. Действительно, как утверждают многие процессуалисты, состязательный процесс более присущ стадии судебного разбирательства. Однако момент представления доказательств в уголовном процессе определяется защитником и подзащитным в соответствии с разработанной по делу тактикой и стратегией. Практически каждое доказательство, которое представляет защитник, служит для достижения назначения уголовного судопроизводства. Заметим и то, что в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ следователь в обвинительном заключении указывает перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты.

Тем не менее в настоящее время положения по собиранию доказательств защитником являются декларативными, а провозглашенный принцип состязательности уголовного процесса на стадиях досудебного производства становится недействующим. Причиной подобных тенденций является отсутствие закрепленного правового механизма реализации обозначенных прав защитника на досудебных стадиях процесса. Так, закрепив в ч. 3 ст. 86 УПК РФ права защитника, законодатель не снял, а лишь добавил вопросы. Каков механизм проведения опроса защитником лиц с их согласия? Каков порядок фиксации полученных сведений, и, прежде всего, каков порядок оценки допустимости таких доказательств? Именно доказательств, а не сведений, потому как законодатель в ч. 3 ст. 86 УПК РФ закрепляет: «Защитник вправе собирать доказательства...». В этой связи напрашивается вывод о том, что защитнику (адвокату) законодателем позволено собирать доказательства, не соблюдая требования УПК РФ. По нашему мнению, такая ситуация свидетельствует о пробелах в нашем отечественном уголовно-процессуальном законодательстве.

Следовательно, можно ли согласиться с тем, что, исходя из провозглашенного УПК РФ принципа состязательности и равноправия сторон, защитнику предоставлены все основания для активного участия в процессе доказывания. Так, законодатель обращает внимание, что функции обвинения, защиты и разрешения

¹⁵⁷ Битокова М. Х. Право собирания доказательств защитником и его осуществление в уголовном судопроизводстве : автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 12.

уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. При этом, думается, для объективного разрешения уголовного дела недостаточно разделения функций обвинения и защиты, нужно, чтобы сторона защиты имела возможность противостоять обвинению. Конечно, возможность такая существует благодаря процессуальному равенству сторон. Под процессуальным равноправием понимаются равные юридические возможности в отстаивании своей позиции, ведении спора и оспаривании позиции противоположной стороны. А будут ли стороны равны, если процессуальные полномочия защитника (адвоката) регламентированы в УПК РФ в недостаточно полной мере.

В этой связи справедливо писал И. Л. Петрухин, что способы собирания доказательств защитником в процессе доказывания по уголовному делу производятся за пределами процессуальной формы, установленной для собирания доказательств, без проведения процессуальных действий, поэтому собранные защитником данные не вполне корректно называть доказательствами. Они станут таковыми после приобщения к делу дознавателем, следователем или судом¹⁵⁸.

Поскольку УПК РФ не дает ответы на указанные вопросы, споры об участии защитника в процессе доказывания не прекращаются. И в этой связи следует вспомнить позицию Конституционного Суда РФ относительно сферы действия принципа состязательности. В постановлении от 14 февраля 2000 г. он отметил: принципы состязательности и равноправия сторон распространяются на все стадии уголовного судопроизводства... Это значит, что на всех стадиях уголовного процесса... обвинение и защита должны обладать соответственно равными правами.

Конечно, можно заметить положительный момент, в частности, если по прежнему УПК РСФСР любая инициатива защитника (адвоката) в поиске новых доказательств, попытка их фиксации воспринималась органами предварительного расследования как незаконное противодействие, что было чревато негативными последствиями, то теперь он вправе активно разыскивать информацию в пользу подзащитного и даже по своему усмотрению за-

¹⁵⁸ Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. 1. М., 2004. С. 114.

креплять ее¹⁵⁹. Тем не менее законодатель, объявив о праве защитника собирать доказательства в уголовном процессе, в действительности это право не обеспечил. Разделив участников дела на стороны и предоставив тем и другим право на соби́рание доказательств, законодатель не создал необходимого механизма действительного равенства правомочий противостоящих субъектов и тем самым не превратил участников в истинные стороны состязательного уголовного процесса.

Более того, как мы ранее отмечали, состязательность подразумевает равенство прав именно в процессе доказывания. Рассуждать о равноправии настолько разных участников уголовного судопроизводства как следователь, защитник и обвиняемый бессмысленно. О равенстве не может быть и речи, когда, с одной стороны, представитель государственной власти, предоставляющий суду доказательства виновности подсудимого, а с другой – гражданин, судьба которого решается в результате судопроизводства. В этой связи можно смело полагать, что защитник не является субъектом соби́рания доказательств. Однако возможно внести в УПК РФ ряд поправок, которые смогут устранить препятствия для реализации защитником (адвокатом) права на участие в соби́рании доказательств¹⁶⁰.

Например, в соответствии с подп. 4 п. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ адвокат вправе привлекать специалиста на договорной основе для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи. Адвокат (защитник) самостоятельно определяет степень профессиональной компетентности специалиста и формулирует перед ним вопросы, по которым намеревается выяснить его мнение. При этом защитник может представить в распоряжение специалиста имеющиеся у него копии процессуальных документов уголовного дела, а также материалы, полученные в рамках своей компетенции и в порядке, установленном ч. 2 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

¹⁵⁹ Засорина Е. А. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление // Защитник как субъект доказывания в российском уголовном процессе. 2012. № 6. С. 51.

¹⁶⁰ Атаев К. А. Соби́рание доказательств защитником в рамках состязательного уголовного процесса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 5 (31). В 2 ч. Ч. 1. С. 16–18.

С той целью, чтобы в полной мере были реализованы права адвоката по привлечению специалиста в уголовном процессе, необходимо законодательно расширить регламентацию состязательного процесса, к примеру, с участием специалиста, в УПК РФ необходимо включить ряд положений. Авторы полагают, что в УПК РФ необходимо включить статью, регламентирующую допрос специалиста, а в ст. 206 УПК РФ следует указать срок, в течение которого следователь обязан предъявить для ознакомления подозреваемому, защитнику, обвиняемому, законному представителю и защитнику заключение эксперта¹⁶¹.

Мы поддерживаем позицию авторов и о том, что необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 159 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «2. При этом в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении к материалам уголовного дела предметов и документов в качестве доказательств не может быть отказано. Кроме того, подсудимому, подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела»¹⁶².

Приобщение опроса лиц полученного защитником с их согласия, не является конституционно гарантированным, но если защитник будет лишён возможности приобщать полученные в результате опроса сведения, это не даст реализовать комплексное право на защиту в целом. В настоящее время также нет никакой возможности, осуществив судебный контроль, повлиять на решения стороны обвинения на досудебной стадии процесса, и действующий УПК РФ в ч. 1 ст. 125 УПК РФ полностью закрепляет приоритет принятия решений за органами предварительного расследования, исключая судебный контроль над принимаемыми ими решениями. Необходимо установить процессуальную форму для опроса лица адвокатом, которые могут быть представлены в качестве доказательств и возможность их отклонения лишь по

¹⁶¹ Джунайдиев А. Г. Полномочия адвоката – защитника по привлечению специалиста в уголовном процессе // Адвокатура, нотариат и судебная власть. 2009. № 4. С. 51.

¹⁶² Иванова Ю. В. Характеристика права адвоката-защитника собирать доказательства в уголовном процессе // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 1. С. 186.

основаниям несоответствия данным требованиям, данные меры призваны обеспечить как комплекс гарантированного права на защиту, так и поддержать состязательность со стороны обвинения. Действительно, процессуально будет более оправданным способом фиксации результатов опроса граждан закрепление в п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ определения, «опрос лиц с их согласия – опрос лица (лиц) с их согласия защитником в рамках осуществления им защиты по уголовному делу, содержащий сведения, оправдывающие либо смягчающие вину его подзащитного, которые фиксируются в документе, заверенном подписями лица (лиц), дающего пояснения, и защитником». Впоследствии он будет прилагаться к ходатайству защитника о вызове свидетеля для допроса на предварительном следствии либо в суде, по усмотрению стороны защиты. Использование при этом дополнительных средств фиксации опроса, не противоречит действующему законодательству, но такое требование не должно быть императивным. Отказ от приобщения опроса, соответствующего вышеназванным требованиям, будет являться основанием к обжалованию таких действий по ч. 1 ст. 125 УПК РФ, как нарушающее конституционное право на защиту¹⁶³.

Разумеется, подобного рода предложения носят спорный, дискутируемый характер, поэтому вспоминаются слова Р. С. Белкина о том, что истинная состязательность будет только в том случае, когда сторона обвинения и сторона защиты будут вести одинаково легализованные уголовные дела. Мы понимаем, что данное пожелание неосуществимо в реальности, но попытки наиболее детально регламентировать полномочия защитника (адвоката) в уголовном судопроизводстве заслуживают большого внимания и поддержки. Кроме того, оппоненты предложенной теории Р. С. Белкина поясняют, что действия, совершаемые защитником в процессе параллельного расследования, будут являться помехой для работы следователя, поскольку способны создавать предпосылки для уничтожения следов преступления, сокрытие какой-либо информации, подтверждающей справедливость выводов следователя о виновности обвиняемого. Это, в свою очередь, затруднит процесс установления в суде истины по уголовному делу или вообще сделает это невозможным.

¹⁶³ Окруадзе Г. М. К проблеме реализации прав адвоката-защитника на собрание доказательств в уголовном процессе // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 663–666.

Статья 74 УПК РФ предусматривает относительно исчерпывающий перечень источников, содержащих доказательственную информацию, названных в самом УПК РФ «доказательствами». Те же формы собирания доказательств, предусмотренные ч. 3 ст. 86 УПК РФ, которые предоставлены защитнику, по большей части не могут иметь результатом получение доказательств, изложенных в ст. 74 УПК РФ. Среди доказательств, указанных в ст. 74 УПК РФ, нет ни опросов лиц, ни предметов, документов, «собранных» защитником (адвокатом) на основании ст. 86 УПК РФ. В то же время в процессе реализации своих процессуальных прав защитник (адвокат) испытывает ряд трудностей, что вызвано именно розыскными началами досудебного уголовного процесса. В УПК РФ закреплены показания лиц, которые имеют место в уголовном деле только путем производства допросов, очных ставок, собирания вещественных доказательств посредством производства выемки, т. е. тех следственных действий, исключительное право на производство которых имеют только специально уполномоченные органы государства – органы уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ), которые несут бремя доказывания по уголовному делу.

В настоящее время можно полагать, что защитник всего лишь собирает информацию, которая может относиться к факту совершенного преступного деяния, но не несет бремени доказывания по уголовному делу. Защитник (адвокат) не вправе отказаться от принятой на себя защиты, но и в то же время не несет обязанностей присущих дознавателю, следователю. Защитник только в судебных стадиях выступает активным субъектом по предоставлению, исследованию и проверке, оценке доказательств.

В этой связи мы полагаем, что деятельность защитника в уголовном процессе по уголовным делам может быть объективной лишь при условии равных процессуальных прав и возможностей сторон процесса в предоставлении доказательств суду. По нашему мнению, полномочия защитника в процессе доказывания по уголовному делу должны быть настолько детально регламентированы, что позволили бы органы уголовного преследования освободить от собирания доказательств защиты.

Заметим, что Европейский суд по правам человека отмечает, что органы прокуратуры обязаны представлять любые материалы, находящиеся в их распоряжении или доступные им, которые

могут помочь обвиняемому освободиться от ответственности или получить менее суровый приговор. А так же Европейский суд по правам человека признает, что в ряде случаев за государством сохраняется право ограничения доступа к материалам дела для представителей защиты (дело «Кремцов против Австрии», дело «Йесперс против Бельгии»), даже если они представляют важность для защиты (дело «Круп против Дании»). Сделав оговорку относительно права в определенных случаях ограничивать доступ стороны защиты к материалам уголовного дела, Европейский суд по правам человека не раскрыл основания такого ограничения, предоставив правоприменителю возможность их расширительного толкования, что в итоге не идет на пользу реализации вышеуказанных принципов в процессе¹⁶⁴.

Следует не исключать и того, что защитник должен акцентировать свое внимание на уличающих доказательствах, вызывающих сомнение как с точки зрения их достоверности, так и с точки зрения соблюдения требования допустимости.

В целях обеспечения принципа состязательности в суде, а именно в ходе судебного следствия, позиция защитника должна быть активной. Ему необходимо участвовать в исследовании доказательств. Особенно важно обеспечение непосредственности исследования доказательств в судебном разбирательстве (ст. 240 УПК РФ). Непосредственность исследования доказательств защиты предполагает обязанность суда лично воспринять, рассмотреть и исследовать имеющиеся в деле и представленные в суд доказательства, на основании которых будет установлено наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Такой подход законодателя позволяет исключить искажение и проявление субъективизма.

Кроме того, при допросе свидетелей со стороны защиты также следует активно участвовать в доказывании. Вынося приговор, суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, которое зависит от некоторых обстоятельств. Так, противоречивость, путанность, лживость показаний свидетеля могут повлиять на убеждение судьи в лучшую для защиты сторону. Таким образом, при правильно взятой тактике и внимательности

¹⁶⁴ Ильяхов А. А. Деятельность защитника в уголовном процессе по делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей // Публич. и част. право. 2012. № 1. С. 119–128.

адвоката свидетелю может быть выражено недоверие. В данном случае защитник должен повторить то, что свидетель уже сказал в ходе судебного разбирательства, затем – обратиться к его показаниям на досудебных стадиях. Выявленные противоречия в итоге послужат стороне защиты. Однако сами противоречия не стоит оглашать сразу, лучше прибегнуть к ним в прениях¹⁶⁵.

Необходимо остановиться и на участии защитника в процессе доказывания не только в аспекте собирания и исследования доказательств. В аспекте оценки доказательств немаловажное значение имеют прения сторон. Почему мы связываем оценку доказательств с прениями сторон, причина в том, что прежде чем построить речь защитника в суде, необходимо, помимо исследования доказательства защиты, оценить в свете всех представленных доказательств как стороной защиты, так и стороной обвинения. В настоящее время, выступая в прениях, адвокат произносит речь, называемую защитительной, в которой подытоживается вся его напряженная, кропотливая работа, проделанная на предыдущих стадиях уголовного процесса. Цель прений заключается в том, чтобы сформировать у суда благоприятное мнение о подзащитном, ведь в большинстве своем мнение об адвокате, его профессионализме, складывается именно по его выступлениям в прениях. Для стороны защиты судебные прения – это один из способов активной защиты, где отстаивается позиция по делу и стремление обеспечить в отношении подсудимого постановление правосудного приговора.

В аспекте УПК РФ непосредственно в судебном следствии стороны не могут давать свои оценки исследуемым доказательствам и материалам уголовного дела. Именно в прениях стороны обвинения и защиты на основе анализа исследованных в суде доказательств выдвигают свои доводы и аргументы в обоснование своей позиции о доказанности или недоказанности предъявленного подсудимому обвинения.

Действующий уголовно-процессуальный закон почти не регулирует содержание судебных прений. В УПК РФ делается ссылка только на то, чего в прениях участников быть не должно:

– нельзя ссылаться на доказательства, не бывшие предметом рассмотрения в судебном следствии (ч. 4 ст. 295);

¹⁶⁵ Невская М. А., Шалагина М. А. Адвокатура и нотариат : конспект лекций. М., 2007. С. 160.

– председательствующий вправе остановить выступающее в судебных прениях лицо, если оно касается обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу (ч. 5 ст. 295).

В остальном же защитник сам волен строить свою речь, и качество ее во многом зависит от опыта и личных способностей защитника. Но, несмотря на это, содержание речи, в конечном итоге, почти целиком определяется занятой позицией по делу. При этом в своей речи защитник обязательно должен изложить свои окончательные выводы о доказанности события преступления, виновности подсудимого, квалификации его действий и мере наказания.

Законодательно не регламентирован вопрос о структуре защитительной речи. Однако невозможно представить себе речь защитника без вступления, опровержения доводов и доказательств обвинения, без изложения позиции и доказательств защиты, заключения.

Кроме того, нередко в судебной практике встречаются ситуации, когда защитник (адвокат) не согласовывает свою защитительную речь с подсудимым, более того, отдельные защитники (адвокаты) не готовятся к прениям сторон. В этой связи мы полагаем целесообразным предусмотреть процессуальный документ-согласование, в котором будет установлена достоверность обоюдности позиции подсудимого и защитника, а также и всех тех защитников, если их несколько, которые совместно защищают одного подсудимого. Думается, подобного рода согласование необходимо устанавливать в начале судебного разбирательства, в котором планируются прения сторон и фиксировать его возможно в протоколе судебного разбирательства.

Современные защитники справедливо полагают, что речь адвоката главным образом должна быть посвящена анализу доказательств по делу в целях опровержения доводов обвинения и подтверждения своей позиции.

При отстаивании той или иной позиции адвокат должен использовать все, что «работает» на пользу подсудимого. Речь будет более убедительной, если в ней будут отражены обстоятельства, хотя прямо и не определяющие состав преступления, но, тем не менее, помогающие воспринимать его события с защитительных, смягчающих, в определенной мере оправдывающих позиций¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Лубшев Ю. Ф. Адвокат в уголовном деле: учеб.-практ. пособие / под ред. И. Б. Мартковича. М., 1997. С. 385.

А. А. Койсин справедливо полагает, что объем изложения в речи существа события преступления определяется его доказанностью в судебном заседании с учетом пределов предъявленного обвинения. Недоказанные же эпизоды или действия адвокат обязан прямо назвать таковыми и должен просить суд исключить их из обвинения, соответственно мотивируя это.

Каждое отдельно взятое доказательство должно анализироваться и оцениваться адвокатом с позиции защиты, учитывая при этом специфику и особенности каждого конкретного дела. При этом адвокат обращает внимание суда на то, какие обстоятельства преступления и главное как освещены доказательствами (показаниями свидетелей и потерпевших, заключениями экспертов и т. д.).

Оценивая показания свидетелей, адвокат должен учитывать, кем является допрошенное в суде лицо – свидетелем защиты или обвинения. Все показания свидетелей необходимо сопоставлять между собой и с другими материалами дела и при выявлении противоречий либо несоответствия в показаниях обязательно обратить на это внимание суда в своей речи, сделав мотивированную оценку таких показаний¹⁶⁷.

Адвокат должен попытаться найти убедительные объяснения того, почему он считает показания свидетеля обвинения недостоверными и наоборот, почему следует доверять свидетелю защиты¹⁶⁸.

В заключение хотелось бы отметить, что при осуществлении защиты по уголовному делу защитник может (а в ряде случаев должен) не ограничиваться только одним направлением защиты, а выдвигать и развивать несколько параллельных линий защиты, представлять на рассмотрение суда несколько вариантов возможных решений.

Думается, таким образом защитник (адвокат) при осуществлении своей деятельности может нейтрализовать неправомерный обвинительный уклон, оказывая квалифицированную юридическую помощь.

¹⁶⁷ Койсин А. А. Роль адвоката при выступлении в судебных прениях // Бюл. Упр. Судеб. департамента при Верхов. Суде РФ в Иркут. обл. 2001. Вып. 9. С. 88–91.

¹⁶⁸ Защита по уголовному делу : пособие для адвокатов / под ред. Е. Ю. Львовой. М., 1998. С. 117.

Глава 3

РЕАЛИЗАЦИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

3.1. Исследование доказательств в суде первой инстанции

Современный этап развития уголовно-процессуального законодательства и практика его применения требуют осмысления, что такое исследование доказательств, каков процессуальный порядок их исследования, какие нарушения при этом допускаются, и каким образом они устраняются или восполняются, каковы возможности реализации прав и обязанностей участников при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, может ли суд быть активным при этом. Нередко в уголовно-процессуальной литературе затрагиваются вопросы соответствия механизмов исследования доказательств назначению уголовного судопроизводства в целом, а также в полной ли мере реализуются права участников при производстве по уголовным делам. Возникает немало вопросов о пределах, в которых осуществляется исследование доказательств по уголовным делам в суде первой инстанции.

Процесс доказывания по уголовному делу является центральным звеном уголовного судопроизводства в целом. Работа с доказательствами занимает очень важное место в уголовном процессе. Если доказательственная деятельность завершилась безрезультатно, если не установлено, кем и при каких обстоятельствах совершено преступление, то уголовное судопроизводство бессмысленно. Особую актуальность приобретает вопрос об исследовании доказательств в суде первой инстанции, поскольку рассмотрение дела по существу в первой инстанции является центральной стадией уголовного судопроизводства. В общем порядке в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию. Суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, ог-

лашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств (ч. 1 ст. 240 УПК РФ). Однако если проанализировать практику применения УПК РФ, то выяснится, что содержание закрепленного законом порядка исследования доказательств не раскрывает всей его сущности, а регламентирует поверхностно лишь внешнюю форму процесса доказывания в суде первой инстанции, не затрагивая практических содержательных особенностей анализа каждого доказательства по уголовному делу.

В этой связи особый интерес приобретает позиция Европейского суда по правам человека. В частности, если мы проанализируем его постановления, а по большей части Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, то станет очевидным, что действие ст. 6 Конвенции заключается в том, чтобы, среди прочего, обязать суд провести надлежащее исследование замечаний, доводов и доказательств, представленных сторонами по делу, беспристрастно решая вопрос об их относимости к делу; доказательства должны быть исследованы судами, которые несут ответственность за установление фактов; доказательства должны исследоваться в открытом судебном заседании в присутствии обвиняемого, с соблюдением принципа состязательности. В этой связи заметим, что юрисдикция Европейского суда обязательна для России по вопросам толкования и применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколов к ней, следовательно, обязательна и его прецедентная практика. Применение судами Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁶⁹.

Тем не менее на практике непроведение порою таких судебных действий, как освидетельствование, осмотр, эксперимент, производство экспертизы, сводит исследование доказательств к повторению предварительного расследования. Такой формалистский подход к исследованию доказательств не позволяет выявить подлинное их содержание, выяснить процессуаль-

¹⁶⁹ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 10 окт. 2003 г. № 5 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2003. № 12. С. 6.

ную форму их обнаружения и закрепления, а значит, и оценить в полной мере их свойства¹⁷⁰.

В основе процесса доказывания по уголовному делу законодателем предусмотрен принцип состязательности сторон, который предопределяет типологию современного уголовного процесса. В уголовно-процессуальной литературе состязательность трактуется как определенный порядок взаимоотношений противоположных по своим процессуальным интересам сторон по делу и организации их совместной деятельности в процессе исследования доказательств, проявляющийся во взаимообмене действиями и словами¹⁷¹. По большому счету состязательность представлена в виде треугольника, на вершине которого – независимый и беспристрастный суд. Стороны находятся в противоборствующем положении, в определенной степени конфронтации, они пытаются аргументировать свои позиции по факту совершенного преступления и убедить суд в своей правоте.

Поскольку принцип состязательности сторон является одним из узловых моментов новой идеологии уголовного процесса, то позиция Конституционного Суда РФ такова, что судебная процедура признается эффективным механизмом защиты прав и свобод, если она отвечает требованиям справедливости и основывается на конституционных принципах состязательности и равноправия сторон¹⁷². Интерес заключается в том, что принцип состязательности выступает как основа, определяющая активное положение субъектов процесса, их права и обязанности, взаимоотношения друг с другом и с судом, что обуславливает состязательную форму процесса. Активность сторон заключается в том, что доказательство, используемое для логического обоснования истинности, ложности, правдоподобности высказываний, заключается в более общую мыслительную процедуру – аргументацию¹⁷³.

¹⁷⁰ Васяев А. А. Об актуальности изучения процесса исследования доказательств // Совр. право. 2012. № 11. С. 91.

¹⁷¹ Смирнов В. П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. 1998. № 3. С. 59.

¹⁷² По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституц. Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Рос. газ. 2005. 1 апр. (№ 66). С. 9.

¹⁷³ Там же. С. 174.

В основе исследования доказательств заложена активная позиция сторон, которые при исследовании доказательств излагают доводы и убеждают суд с целью вынесения законного приговора по уголовному делу. Если активности сторон нет и нет полного исследования доказательств, значит, можно говорить об отсутствии состязательности сторон.

Однако возникает вопрос: во всех ли случаях в суде первой инстанции проводится исследование доказательств? К сожалению, нет, что, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии полной реализации принципа состязательности сторон. Глава 40 УПК РФ закрепляет особый порядок судебного разбирательства, более того, Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ был введен новый институт: особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Думается, поскольку в данном сокращенном порядке нет судебного исследования доказательств, то устраняется сфера действия как принципа состязательности сторон, так и непосредственности и устности уголовного процесса (ст. 240 УПК РФ). Решение о виновности подсудимого принимается на основе сообщения прокурора, которое, в свою очередь, основано на решении следователя, т. е. того единственного субъекта, который непосредственно воспринимал информацию о фактических обстоятельствах уголовного дела. Применение указанного института возлагает на суд обязанность устанавливать: характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления; значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления; преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым; степень угрозы личной безопасности, которой подвергались в результате сотрудничества со стороной обвинения подсудимый, его родственники и близкие лица; обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ). Подчеркнем, что от суда также требуется удостовериться: во-первых, в согласии прокурора и потерпевше-

го в рассмотрении уголовного дела в особом порядке, в правильности позиции прокурора; во-вторых, что досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника (ч. 2 ст. 317. 6 УПК РФ).

Изменение круга обстоятельств, подлежащих установлению в суде, внесло существенные перемены и во все структурные элементы процесса доказывания.

Следует отметить также, что суд принимает решение о соглашении с обвиняемым на основе не только доказательств, содержащихся в уголовном деле, но и материалов, подтверждающих соблюдение обвиняемым условий и выполнение обязательств, предусмотренных соглашением. По мнению процессуалистов, такая процедура судебного рассмотрения дела является закономерным следствием как состязательного построения судопроизводства (прокурор является «хозяином» предъявляемого обвинения), так и диверсификации процессуальных форм разрешения дела¹⁷⁴. По нашему мнению, отсутствие в суде первой инстанции исследования доказательств – это прямое нарушение принципа состязательности сторон, что противоречит не только нормам УПК РФ, но и Конституции РФ. В связи с тем, что отсутствует исследование доказательств, нет важного этапа процесса доказывания в суде первой инстанции – судебного следствия. В этой связи вспоминается мнение, которое высказал А. Я. Вышинский в 30-е гг. прошлого века о том, что центр работы лежит в судебном следствии. Судебное следствие позволяет обеспечить убедительность судебного процесса, убедительность приговора, который должен быть вынесен на основании данных судебного следствия¹⁷⁵.

По верному мнению О. А. Сычевой, судебное следствие – это структурно обособленная часть судебного разбирательства, в ходе которой судом при активном участии сторон по делу в условиях реализации демократических принципов уголовного процесса осуществляется исследование представленных и истребованных доказательств, имеющих решающее значение для формирования внутреннего убеждения судьи и вынесения законного и обоснованного решения по делу (приговора, постановления, оп-

¹⁷⁴ Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг.: сб. науч. ст. / под ред. И. Б. Михайловской. М., 2012. С. 56.

¹⁷⁵ Вышинский А. Я. На новые рельсы // Соц. законность. 1938. № 6. С. 53.

ределения)¹⁷⁶. К данной позиции следует добавить то, что судья оценивает доказательства на основе того, что было исследовано в суде, на основе своего внутреннего убеждения, которое в первую очередь базируется на требованиях действующего законодательства. Именно в процессе судебного следствия при исследовании доказательств проверяются и оцениваются юридические свойства доказательств – их относимость, допустимость, достоверность и достаточность.

Необходимость исследования доказательств в рамках судебного следствия обусловлена еще и тем, что на досудебных этапах доказательствами признаются и следственные, и оперативные действия, что подлежит обязательной проверке в суде. В этой связи правильно подчеркивает Г. Б. Чеджемов: «Разница между выводами органов предварительного следствия и суда заключается не в характере выражаемой ими объективной истины, а в тех юридических последствиях, которые обусловлены установлением истины на каждой стадии процесса. На предварительном следствии истина служит основанием для обвинения, для привлечения к уголовной ответственности, в судебном заседании – это основание для постановления приговора»¹⁷⁷. Следовательно, заметим, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства состязательность ограниченная, поскольку защитник не в полной мере может реализовать весь арсенал своих полномочий, во многом зависим от следствия. Однако именно в судебном следствии защитник может раскрыть весь свой потенциал и представить все доказательства в полном объеме, что предполагает наиболее полное и объективное исследование всех материалов по уголовному делу.

В научном аспекте заметим, что в процессуальной литературе нет единого взгляда, мнения на понятие и сущность исследования доказательств в суде. М. С. Строгович писал о проверке доказательств, заключающейся в удостоверении их правильности или неправильности. В качестве способов проверки он называл исследование самого доказательства, отыскание новых доказательств, подкрепляющих или опровергающих это доказательство, сопоставление доказательства с другими имеющимися в деле доказательствами. Итогом проверки служит оценка доказательства¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Сычева О. А. Тактика судебного следствия : монография. Ульяновск, 2012. С. 45.

¹⁷⁷ Чеджемов Г. Б. Судебное следствие. М., 1979. С. 4.

¹⁷⁸ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 302.

А. И. Трусов включает понятие проверки доказательств в понятие их оценки. Термин «исследование доказательств» употребляет П. Ф. Пашкевич, понимая под этим деятельность субъекта доказывания по изучению доказательств и их проверке, и отмечает, что лишь в результате тщательного исследования доказательств создается возможность дать им правильную оценку. Авторы «Курса советского уголовного процесса» полагают, что термин «исследование» применяется в законе в более широком значении, чем проверка. Ссылаясь на УПК, они считают, что «исследование» включает как процесс получения информации, так и проверку полученных сведений. Авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» вообще не разделяют собирание и проверку доказательств (они используют именно термин «проверка») и полагают, что эти фазы доказывания осуществляются одними и теми же методами. По мнению А. Р. Белкина, исследование доказательств – это познание субъектом доказывания их содержания, проверки достоверности существования тех фактических данных, которые составляют это содержание, определение относимости и допустимости доказательств и установление согласуемости со всеми остальными доказательствами по делу. В то же время, подчеркивает А. Р. Белкин, под оценкой доказательств в процессе доказывания следует понимать, скорее логический, мыслительный процесс определения роли и значения собранных доказательств для установления истины¹⁷⁹.

Исследование доказательств в суде первой инстанции можно разделить на несколько этапов: во-первых, это действия суда по подготовке к судебному следствию, во-вторых, непосредственное восприятие судом представленных сторонами доказательств, в-третьих, подведение итогов судебного следствия и подготовка к прениям сторон. По нашему мнению, исследование доказательств не заканчивается судебным следствием. Прения сторон несут также важное информационное значение, позиции и речи сторон позволяют посмотреть в нескольких ракурсах на одни и те же доказательства по уголовному делу. Разумеется, наибольшая познавательная часть представляется в рамках судебного следствия, когда судья непосредственно исследует доказательства, суд заслушивает показания лиц, заключение эксперта, осматривает ве-

¹⁷⁹ Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 234.

ществленные доказательства, оглашает документы, производит другие процессуальные действия. Исследование доказательств включает в себя производство различного рода процессуальных и следственных действий, регламентированных действующим УПК РФ, а именно: допрос подсудимого (ст. 275) и (или) оглашение его показаний (в порядке ст. 276), допросы потерпевшего (ст. 277, 278, ст. 280), свидетелей (ст. 278, 280) и (или) оглашение их показаний в порядке ст. 281; производство экспертизы в соответствии с требованиями ст. 283; допрос эксперта (ст. 282); производство осмотров вещественных доказательств (ст. 284 УПК), местности и помещения (ст. 287 УПК); проведение следственных экспериментов (ст. 288 УПК), предъявление для опознания (ст. 289 УПК), освидетельствования (ст. 290 УПК); оглашение в порядке ст. 285 УПК протоколов следственных действий и иных документов.

Порядок исследования доказательств соответствует порядку проведения судебного следствия. Думается, что порядок исследования доказательств – это очередность допросов подсудимых, свидетелей и экспертов, осмотров вещественных доказательств, оглашений письменных документов. При этом данную очередность следует понимать не только как указание на то, кого раньше будут допрашивать (подсудимых, свидетелей или экспертов), но и на то, например, в какой последовательности будут допрошены подсудимые, если их несколько, кто из свидетелей будет допрошен первым, а кто – последним. Установление порядка исследования доказательств в ходе судебного следствия регулируется ст. 274 УПК РФ. Из нормы этой статьи вытекают следующие положения: очередность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду; первой представляет доказательства сторона обвинения. После исследования доказательств, представленных стороной обвинения, исследуются доказательства, представленные стороной защиты; допрос подсудимого проводится в соответствии со ст. 275 УПК РФ; с разрешения председательствующего подсудимый вправе давать показания в любой момент судебного следствия; если в уголовном деле участвуют несколько подсудимых, то очередность представления ими доказательств определяется судом с учетом мнения сторон.

Заинтересованность сторон в исследовании доказательств в определенной последовательности очевидна, так как это позволяет создать наиболее благоприятные условия с тактических сооб-

ражений. Государственный обвинитель в силу ч. 2 ст. 274 УПК РФ первым представляет доказательства для их исследования, что порой достаточно однообразно отражается в протоколах судебных заседаний. Государственные обвинители нередко ходатайствуют об изменении порядка исследования доказательств, исходя из того, как складывается ситуация в процессе исследования доказательств (например, при неявке вызванных свидетелей). После того как стороной обвинения исследовались представленные доказательства, суд предоставляет стороне защиты возможность привести для исследования свои доказательства. В случае если подсудимый не был допрошен в период представления доказательств стороной обвинения, защита предлагает исследование доказательств начать с допроса подсудимого (по его собственной инициативе) и исследовать материалы, характеризующие личность подсудимого. В юридической литературе существуют мнения о том, что суд не может и не должен вмешиваться в деятельность других участников процесса, и вполне правильно, что норма УПК РСФСР, которая давала право суду независимо от участников процесса самостоятельно и инициативно добывать доказательства по уголовному делу, не была воспроизведена в УПК РФ, поскольку, «проявляя активность в собирании и исследовании доказательств, суду сложно будет пребывать в роли беспристрастного арбитра»¹⁸⁰, «всесторонность, объективность и полнота исследования обстоятельств дела является следствием принципа состязательности сторон, поскольку в споре рождается истина»¹⁸¹. В. А. Лазарева полагает, что суд вообще не является субъектом доказывания: «Суд, стремящийся во что бы то ни стало установить истину, принимает на себя несвойственные ему в состязательном процессе полномочия, переходит на позиции обвинения, чем нарушает принцип равенства сторон, утрачивает объективность и независимость»¹⁸². Данные представления о месте суда в процессе познания доказательств, считается, основываются на положениях Концепции судебной реформы, которая закрепила за судом роль арбитра, освобожденного от обязанности доказывания виновности или невиновности подсудимого. В опреде-

¹⁸⁰ Трунов И. Суд не должен добывать доказательства // Рос. юстиция. 2001. № 9. С. 56.

¹⁸¹ Адамайгис М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности // Рос. юстиция. 2003. № 11. С. 32.

¹⁸² Лазарева В. А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголов. право. 2007. № 3. С. 102.

лении Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 204-О мы находим следующую позицию относительно пределов активности суда: «Осуществление судом функции правосудия в публичном по своему характеру уголовном процессе предполагает законодательное наделение его правом проверять и оценивать с точки зрения относимости, допустимости и достоверности представленные сторонами обвинения и защиты доказательства как путем установления их источников и сопоставления с другими доказательствами в судебном заседании, так и путем получения и исследования в рамках обвинения, предъявленного подсудимому либо измененного в соответствии с уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 252 УПК РФ), – иных доказательств, подтверждающих или опровергающих доказательство... Иное не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении правосудия»¹⁸³.

Тем не менее суд все же является активным участником процесса доказывания, поскольку в законе он назван среди субъектов собирания, проверки и оценки доказательств (ст. 17, 86–88 УПК РФ). Обобщая и систематизируя полномочия суда, можно разделить их на три группы: 1) процессуальные действия, которые могут производиться как по ходатайству сторон, так и по инициативе суда (оглашение показаний свидетеля и потерпевшего в случаях, когда их явка в суд оказывается невозможной (ч. 2 ст. 281 УПК РФ); назначение судебной экспертизы (ч. 1 ст. 283 УПК РФ); вызов для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования (ч. 1 ст. 282 УПК РФ); оглашение протоколов следственных действий и иных документов (ст. 285 УПК РФ); приобщение к материалам уголовного дела документов (ст. 286 УПК РФ)); 2) процессуальные действия, которые могут производиться только по ходатайству сторон (допрос свидетелей (ст. 278 УПК РФ) и осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ)); 3) процессуальные действия, относительно которых закон не содержит прямых указаний об их инициаторе (осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания и освидетельствование). Активная роль суда необходима прежде всего для того, чтобы

¹⁸³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Будаева Ц. Н. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 204-О. URL: <http://www.ksrf.ru>.

обеспечить сторонам равные возможности для отстаивания своих интересов, гарантировать вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора, основанного на установлении всех обстоятельств совершенного преступления посредством всестороннего, полного и объективного исследования доказательств.

Рассматривая процессуальный порядок исследования доказательств в суде первой инстанции и вопрос о роли и активности суда, мы сталкиваемся с так называемой дихотомией: с одной стороны, суд не может быть безразличным в установлении всех обстоятельств по уголовному делу, а с другой стороны, он не должен подменять собой стороны, между которыми происходит состязание. Суд создает сторонам равные условия для отстаивания своих процессуальных позиций. Однако этого может оказаться недостаточно для вынесения по делу правильного и справедливого решения. Для решения поставленных перед судом задач ему предоставлены возможности для проверки и оценки доказательств, представленных сторонами. Однако если активность суда имеет целью проверку и оценку доказательств, то эту деятельность следует расценивать как соответствующую принципу состязательности. В том случае, когда активность суда продиктована целью создания доказательственной базы стороны обвинения или защиты или укрепления их позиций, такая деятельность явно противоречит принципу состязательности. Требование постановления по каждому уголовному делу законного, обоснованного и справедливого приговора не позволяет устранить суд от участия в исследовании материалов уголовного дела, поскольку позиция стороннего наблюдателя для суда не гарантирует реализацию ст. 6 УПК РФ – защиту прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения. В настоящем параграфе мы рассмотрели лишь некоторые аспекты исследования доказательств в суде первой инстанции; немалый интерес представляет вопрос о силе доказательств в суде первой инстанции в процессе оценки доказательств с позиции их юридических свойств. Вспоминаются слова Ю. К. Орлова: «Сила доказательств созвучна названиям других свойств доказательств – относимость и допустимость»¹⁸⁴. В этой связи мы считаем целесообразным проанализировать этот аспект.

¹⁸⁴ Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 58.

3.2. Прения сторон как элемент аргументации по уголовному делу

Одной из характерных черт состязательного типа уголовного процесса является такой этап судебного разбирательства, как прения участников со стороны защиты и обвинения. Именно в прениях сторон наиболее ярко проявляется аргументация, в частности, стороны посредством оценки доказательств убеждают суд в своей правоте. Наиболее сильные аргументы закладываются в основу речей сторон. Как отмечают современные авторы: «В своих выступлениях участники не только излагают свои соображения по делу, но и стремятся убедить суд в своей правоте, в правильности своих выводов. Основными участниками прений являются обвинитель и защитник либо подсудимый при отсутствии защитника»¹⁸⁵.

Поскольку прения сторон являются самостоятельной частью судебного разбирательства, которая следует после окончания судебного следствия, участники излагают свои аргументы и выводы об обстоятельствах по уголовному делу, входящих в предмет доказывания. Прения сторон, это такой этап судебного разбирательства, без которого нет состязательности в уголовном процессе.

В основе прений сторон заложена свобода мысли и свобода слова, разумеется в рамках относимости к сущности рассматриваемого дела в суде. В этой связи А. Я. Сухарева, В. Д. Зорыкина, В. С. Крутских верно полагают, что состязательность это демократический принцип судопроизводства, согласно которому разбирательство дела происходит в форме спора сторон в судебном заседании¹⁸⁶. Спор может быть состоятелен при условии свободы мышления и свободы слова. В любом случае целью спора выступает достижение истины по уголовному делу. Еще в 1910 г. М. В. Духовской писал, что сущность состязательного процесса в том и заключается, что каждая сторона выполняет свою роль, а это именно и служит средством к раскрытию истины¹⁸⁷. Спорным в научной литературе является вопрос об активности сторон и активности суда в исследовании доказательств. В прениях сторон суд занимает пассивную роль, он всего лишь выслушивает умо-

¹⁸⁵ Койсин А. А. Роль адвоката при выступлении в судебных прениях // Бюл. Упр. Судеб. департамента при Верхов. Суде РФ в Иркут. обл. Иркутск, 2001. Вып. 9. С. 88–91.

¹⁸⁶ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорыкина, В. С. Крутских. М., 1994. С. 646.

¹⁸⁷ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 114.

заклучения сторон по результатам судебного следствия в виде судебных речей.

В то же время, по мнению И. Я. Фойницкого, «суд остается самостоятельным органом закона, применяя последний по его точному значению и не стесняясь в этом отношении теми толкованиями, которые исходят от сторон... Потому же состязательность процесса не лишает суд права и обязанности давать ответ, соответствующий объективной, действительной, или материальной, истине, и отнюдь не требует, чтобы он довольствовался истиной формальной, как ее понимают и устанавливают стороны. Суд уголовный может и даже обязан употребить все находящиеся в распоряжении его средства для полного разъяснения себе дела. Роль уголовного судьи в процессе далеко не пассивная... Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины. В стремлении к этой цели суд не может принимать в уважение желания сторон – ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невиновность, ни того, что сам обвинитель потворствует виновному»¹⁸⁸. Думается, что данное мнение достаточно справедливое. Суд не ограничивает свое познание по уголовному делу только тем, что предоставляют для исследования и оценки стороны.

В уголовном судопроизводстве крайне не желательна абсолютная пассивность суда. Вынесенный по уголовному делу приговор должен быть не только законным, но и справедливым. Именно суд должен показать, что разбирательство уголовного дела имеет своим результатом отыскание и провозглашение истины.

Суд при всех условиях государственной деятельности остается органом правосудия, и надлежащая организация его деятельности осуществима только при сохранении тех начал процесса, которые подсказываются развитием правовой культуры. А это развитие приводило и приводит к торжеству состязательного начала¹⁸⁹.

В условиях состязательности судебные прения – это речи сторон, основное место в которых занимает деятельность по подготовке и изложению обвинительной речи прокурора и защитительной речи адвоката¹⁹⁰. Г. И. Загорский полагает то, что судебные прения состоят из речей обвинителя и защитника, если же

¹⁸⁸ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Л., 1953. С. 55–64.

¹⁸⁹ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 300–302.

¹⁹⁰ Строгович М. С. Указ. соч. С. 301.

уголовное дело рассматривается без участия защитника, в прениях сторон участвует подсудимый. В прениях сторон могут также участвовать потерпевший и его представитель, а гражданский истец, гражданский ответчик, их представители и подсудимый вправе ходатайствовать об участии в судебных прениях¹⁹¹. В данном определении судебные прения рассматриваются как участие сторон с речами. Такой же позиции придерживаются и иные представители уголовно-процессуальной науки¹⁹². По нашему мнению, деятельность в прениях сторон является наиболее активной, в этой завершающей стадии состязания (спора) стороны получают возможность, анализируя все обстоятельства дела с разных позиций, способствовать формированию внутреннего убеждения судей, объективной оценке ими собранных доказательств и, следовательно, постановлению законного и обоснованного приговора¹⁹³.

Помимо того, что судебные прения состоят из речей государственного обвинителя, а также защитника или подсудимого (в случае, если защитник в судебном заседании не участвует) – в прениях могут также участвовать потерпевший или его представитель. Необходимо отметить, что впервые было подтверждено право потерпевшего участвовать в прениях, исходя из принципов состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве Постановлением Конституционного Суда РФ от 15 января 1999 г. по делу о проверке конституционности положений чч. 1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР¹⁹⁴.

На основании ч. 1 и 2 ст. 292 УПК РФ гражданский истец, гражданский ответчик, их представители и подсудимый, имею-

¹⁹¹ Загорский Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам : учеб.-практ. пособие. М., 2011. С. 112.

¹⁹² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. В. Т. Томина, М. П. Полякова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 411; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 299; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 411; Уголовный процесс : учебник / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2000. С. 370.

¹⁹³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003. С. 503; Адвокат: навыки профессионального мастерства / под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. М., 2006. С. 57; Гатауллин З. Ш. Обоснование обвинения в прениях сторон // Рос. юстиция. 2009. № 6. С. 45; Ендольцева А. В. Стадии уголовного судопроизводства (уголовного процесса) : учеб. пособие. М., 2009. С. 28; Фомин М. А. Защитник в судебных прениях: речи адвоката. М., 2009. С. 3; Ломовский В. Д. О судебной речи. Калининград, 1998. С. 5.

¹⁹⁴ Собрание законодательства РФ. 1999. № 4. Ст. 602.

щий защитника, вправе заявить ходатайство об участии в судебных прениях. Из содержания ст. 292 УПК РФ очевидно то, что перечисленные участники имеют право участвовать в прениях, но не обязаны. Участие в прениях сторон в качестве обязанности предусмотрено в законе для прокурора и защитника. Подсудимый может отказаться от выступления с защитительной речью, но непредоставление ему такой возможности расценивается как ограничение права на защиту, что элементарно повлечет отмену приговора вышестоящей инстанцией суда.

Содержательная часть прений ограничена результатами судебного следствия. На основании ч. 4 ст. 292 УПК РФ участники прений сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми. Кроме того, ст. 294 УПК РФ гласит о том, что если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства, то суд вправе возобновить судебное следствие. По окончании возобновленного судебного следствия суд вновь открывает прения сторон и предоставляет подсудимому последнее слово.

Суд не вправе ограничивать продолжительность прений сторон. При этом председательствующий вправе останавливать участвующих в прениях лиц, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому уголовному делу, а также доказательств, признанных недопустимыми. В этом плане суд уже оценивает сущность оценки доказательств сторонами на предмет относимости и допустимости излагаемых позиций о доказательствах в судебных речах.

Участникам судебных прений дано право реплики. В ч. 6 ст. 292 УПК РФ закреплено положение о том, что после произнесения речей всеми участниками прений сторон каждый из них может выступить еще один раз с репликой. Право последней реплики принадлежит подсудимому или его защитнику¹⁹⁵. Почему последним выступает защитник и подсудимый? По нашему мнению, такое положение служит реализацией принципа презумпции

¹⁹⁵ Цит. по: Башкатова Е., Милицин С. Право на реплику в судебных прениях // Сов. юстиция. 1988. № 14. С. 30.

невинности, более того, поскольку «защитник» защищается, обороняет своего подзащитного, соответственно прокурор выступает в роли «нападающего».

Однако функции обвинения и защиты должны быть не столько в достижении своей цели любой ценой, а сколько, как писал М. В. Духовской: «...главная задача обвинения и защиты во время судебных прений заключается не только в том, чтобы добиться оправдания или обвинения, но и в том, чтобы помочь, насколько возможно, безошибочному вердикту суда. Кроме общей задачи, каждый из органов преследует и свою специальную (защитить или обвинить), но эту деятельность они должны согласовать с коренною целью – служение правосудию. В виду этого нельзя считать допустимою в прениях натяжку в фактах, неверное освещение, искажение обстоятельств дела, хотя бы это было полезно в целях обвинения и защиты»¹⁹⁶. В этой связи нужно признать справедливым и мнение тех авторов, которые полагают, что прения сторон предназначены для усиления сторонами своих позиций. Действительно, судебные прения предваряют приговор суда, хотя к моменту открытия прений сторонам и суду абсолютно ясна позиция друг друга, сложившаяся как результат исследования доказательств. Именно поэтому задачами сторон в прениях является построение своей итоговой речи так, чтобы рассеять остатки сомнений или укрепить уверенность судей в обоснованности представляемой позиции¹⁹⁷.

Элемент аргументации в этом вопросе заключается в том, что судебные прения заключаются в первую очередь не на красноречии прокурора и защитника, а на обеспечении полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, на вынесение законного и обоснованного приговора в соответствии с нормами УПК РФ¹⁹⁸. Аргументация важна потому, что анализу в прениях сторон придаются доказательства, которые имеют наиболее убедительное воздействие для суда. Соответственно им придается наибольшая юридическая сила. Судебные прения предназначены для того, чтобы обратить внимание судей со стороны обвинения и защиты на свою трактовку события, обстоя-

¹⁹⁶ Башкатова Е., Милицин С. Указ. соч. С. 317.

¹⁹⁷ Гатауллин З. Ш. Обоснование обвинения в прениях сторон // Рос. юстиция. 2009. № 6. С. 45.

¹⁹⁸ Матвиенко Е. А. Судебные речи. Минск, 1972. С. 9.

тельств преступления и личности виновного. Поэтому судебные речи прокурора и адвоката обеспечивают активизацию мыслительной деятельности судей по анализу и синтезу всех воспринятых в ходе судебного следствия фактов, помощь в выявлении спорных, противоречивых фактов по материалам уголовного дела, правильное определение круга вопросов, которые необходимо будет разрешить в совещательной комнате¹⁹⁹. Судебные прения, посредством аргументации, предназначены для оказания воздействия на активную мыслительную деятельность судей.

Сущность прений заключается в том, что суд выносит приговор по своему внутреннему убеждению, но в силу принципа состязательности сторон, основывает его на аргументации сторонами, на доказательствах и тех доводах, которые приводят стороны в ходе судебного следствия и прений сторон. Прения сторон должны быть результативными, поскольку от них зависит и эффективность приговора суда. Судебные прения выполняют прогностическую роль для приговора суда. В этой связи судебные прения должны быть обусловлены точным применением норм материального и процессуального закона, также и познаниями логики и психологии воздействия на внутреннее убеждение суда²⁰⁰.

Суд при оценке доказательств использует свое внутреннее убеждение, однако и конечный результат деятельности по оценке доказательств представляет собой опять же внутреннее убеждение судьи в правильности выводов, к которым он пришел.

Внутреннее убеждение как результат достигается лишь при наличии определенной совокупности доказательств и выражается в форме вывода, решения о доказанности или недоказанности фактов по результатам судебных прений. Однако субъекты оценки не связаны в определении силы, значения доказательств и предварительной оценкой доказательств, данной ими, а равно оценкой доказательств, данной другими органами на любой стадии процесса. В частности, не могут быть даны обязательные указания о том, какие доказательства считать достоверными, какие выводы по делу должны быть сделаны; не связаны законом в определенном количестве доказательств; в законе отсутствуют какие-либо правила о преимуществах одного вида доказательств

¹⁹⁹ Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975. С. 389.

²⁰⁰ Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / отв. ред. О. П. Темушкин. М., 1987. С. 7.

перед другим или о заранее установленной силе определенного количества доказательств; законом устанавливается невмешательство в оценочную деятельность; законом устанавливается независимость судей, подчинение их только закону.

Совокупность доказательств составляют данные, относящиеся ко всем признакам состава преступления. Игнорирование доказательств, противоречащих обвинению, влечет односторонность оценки. Оценить всю совокупность доказательств – это значит решить вопрос, приводят ли они к достоверному выводу обо всех обстоятельствах, входящих в предмет доказывания. Подход к оценке доказательств на любой стадии включает непредвзятость, отсутствие предустановленности, независимость.

3.3. Специфика оценки доказательств судьей

Теорию формальных доказательств сменила теория «свободной оценки доказательств». Это побуждает суды исследовать все письменные и вещественные доказательства, анализировать показания свидетелей, в приговорах суд обязан приводить обстоятельства, на которых они основаны. Оценка доказательств представляет мыслительную деятельность судьи, которая осуществляется в логических формах при соблюдении научной методологии познания и, как мы полагаем, в свете активной деятельности сторон²⁰¹.

Одним из элементов процесса доказывания по уголовному делу является оценка доказательств.

Судья, оценивая доказательства, предопределяет силу доказательств, под которой современные процессуалисты понимают «значение, действенность», до того как доказательства в суде будут оценены, они не обладают каким-либо строго определенным значением²⁰².

«Оценить доказательства, значит определить, насколько точно установлено каждое из них, в какой взаимосвязи с делом и другими доказательствами оно находится, какой именно факт, имеющий значение для дела, оно устанавливает или опровергает и что означают в совокупности все собранные по делу доказательства»²⁰³.

²⁰¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П. А. Лупинской. М., 2010. С. 132.

²⁰² Рыжаков А. П. Уголовно-процессуальное доказывание и основные следственные действия // Гарант [Электронный ресурс]: справочная правовая система.

²⁰³ Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961. С. 49.

Оценка доказательств – это мыслительная деятельность судьи, которая состоит в том, что, руководствуясь законом и правосознанием, рассматривают по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности и всю совокупность доказательств, определяя их относимость, допустимость, достоверность и достаточность для выводов по делу.

Основным вопросом, решаемым при оценке доказательств, А. И. Трусов считает установление достоверности сведений о фактах, которые содержит доказательство²⁰⁴.

По мнению Л. Т. Ульяновой, основные вопросы, определяющие содержание оценки доказательств, – достоверность и значение доказательств²⁰⁵.

М. С. Строгович утверждает, что «оценка доказательства является итогом его проверки и состоит в признании существования или несуществования того факта, который этим доказательством устанавливается»²⁰⁶.

Все упомянутые авторы, как и большинство других процессуалистов, считают, что оценка доказательств судьей – это умственный процесс, акт мысли по сопоставлению доказательств. Хотя, С. А. Голунский возражал против этого положения, подчеркивая связь оценки доказательств со всей деятельностью следственных и судебных органов²⁰⁷.

По нашему мнению, в свете современной концепции уголовного судопроизводства, оценка доказательств судьей имеет существенные особенности, которые заключаются в такой правовой категории, как внутреннее убеждение.

В уголовном судопроизводстве оценка доказательств производится по внутреннему убеждению судьи, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении доказательств. При этом в законе не указываются формальные условия, которые заранее определяли бы ценность и значение каждого доказательства в отдельности и их совокупности.

²⁰⁴ Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 13.

²⁰⁵ Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008. С. 34.

²⁰⁶ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 164.

²⁰⁷ Голунский С. А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1955. № 7. С. 23.

В российском законодательстве внутреннее убеждение известно издавна (еще со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г.), что было заимствовано из зарубежного законодательства. Период буржуазных революций знаменовал собой переход от системы формальных доказательств к провозглашению принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей.

Внутреннее убеждение судьи исторически было в центре внимания таких крупных дореволюционных ученых-процессуалистов, как например С. И. Викторский, Л. Е. Владимиров, М. В. Духовный, С. В. Познышев, Н. Н. Розин, Д. Г. Гальберг, И. Я. Фойницикий. В научных трудах дореволюционных авторов рассматривались вопросы о том, что же такое внутреннее убеждение, каковы его место и роль в уголовно-процессуальном доказывании. Например, видный ученый-процессуалист Л. Е. Владимиров, характеризуя убеждение как результат свободной оценки доказательств, введенной в России по Судебным уставам 1864 г., писал: «Если я настолько уверен в правильности своего вывода о достоверности фактов, что решаюсь действовать, значит, мое убеждение сильно, значит моя уверенность велика...»²⁰⁸.

Разумеется, в уголовном процессе изначально был установлен принцип свободной оценки доказательств судьями по их внутреннему убеждению, не скованному предписаниями о ценности отдельных доказательств и их совокупности.

Вместе с тем – и в этом один из аспектов качественной новизны отмеченного положения в уголовном процессе – закон требовал обоснования этого убеждения тщательно исследованными доказательствами с приведением и анализом их в приговоре суда. В 1920–1930-х гг. многие советские процессуалисты и криминалисты были приверженцами теории «объективизации» уголовного процесса. По их мнению, нужно было расширить «материальный сектор» уголовного процесса (вещественные доказательства, документы и заключения экспертов) и приступить, по мнению некоторых из них, к разработке обязательных для судей объективных критериев ценности доказательств. «Материальный сектор» уголовного процесса противопоставлялся показаниям живых лиц, значение которых для установления истины

²⁰⁸ Владимиров Л. Е. Учение о судебных доказательствах. Тула, 2000. С. 78.

необоснованно принижалось, а также предпринимались попытки связать внутреннее убеждение судей такими критериями ценности доказательств, которые при современном уровне научных знаний не могут учесть специфику каждого доказательства, каждого уголовного дела и поэтому не могут быть сформулированы в законе.

Теория «объективизации» уголовного процесса, подчеркивая необходимость исследования объективных оснований оценки доказательств, имела известное позитивное содержание. А. Я. Вышинский подверг указанную концепцию критике (хотя в 1920-х гг. разделял те же взгляды). Высказавшись за «свободу действий при оценке доказательств», он связал эту проблему с характером знания, получаемого в результате оценки доказательств, подчеркнув, что «судебный приговор является выражением лишь максимальной вероятности»²⁰⁹.

Если критикуемая им концепция в той или иной степени шла по линии ограничения принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению, то А. Я. Вышинский по существу отождествляет его с субъективистским подходом к оценке доказательств. «Голос, – писал он, – который говорит судье: это верно, ты правильно решил, – это голос его внутреннего убеждения, который определяет в конечном счете ценность и значение всех доказательств и всего процесса в целом»²¹⁰.

Современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ), сосредоточив достижения отечественной правовой мысли, посвятил отдельную статью оценке доказательств (ст. 17 УПК РФ). Тем самым УПК РФ подчеркнул неразрывность внутреннего убеждения и свободы оценки доказательств, стремясь не допустить ни ущемления внутреннего судейского убеждения, ни его чрезмерной свободы. Так, содержание принципа свободной оценки доказательств составляют следующие положения: во-первых, доказательства не имеют заранее установленной силы; во-вторых, судья не связан результатами оценки иных лиц; в-третьих, судья оценивает доказательства по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью.

В соответствии со ст. 17 УПК РФ судьи оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всесто-

²⁰⁹ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1946. С. 112.

²¹⁰ Там же. С. 113.

роннем, полном, объективном рассмотрении всех обстоятельств дела, руководствуясь законом и собственным правосознанием.

Предусмотренный ст. 17 УПК РФ принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению закрепляет адресованное судье, присяжным заседателям, прокурору, следователю и дознавателю требование не только исходить при такой оценке из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений.

Не предоставляя, таким образом, органам предварительного расследования и суду право произвольного решения вопросов об относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, указанное нормативное предписание вместе с тем направлено на исключение какого бы то ни было внешнего воздействия на суд, следователя и других лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с целью понуждения их к принятию того или иного решения. Этим, в частности, обеспечивается действие провозглашенного в ст. 120 Конституции РФ принципа независимости судей при осуществлении правосудия²¹¹.

Доказательства оцениваются по внутреннему убеждению, которое в той или иной мере характеризуют следующие признаки:

а) специальный субъект, уполномоченный оценивать доказательства от имени государственного органа (государства), – должностное лицо, осуществляющее либо контролирующее осуществление (надзирающее за реализацией) уголовного процесса;

б) указанный субъект не вправе руководствоваться оценкой, предлагаемой другим должностным лицом;

в) оценка доказательств осуществляется не произвольно и не интуитивно, а на основе той совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, которыми располагает лицо, осуществляющее рассматриваемый вид мыслительной деятельности;

г) по формальным признакам никакие доказательства (ни исходя из содержащихся в них сведений, ни из разновидности источника) не должны иметь преимущества над другими;

²¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 17, 88, 234 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 323-О.

д) должностное лицо, осуществляющее уголовный процесс (контролирующее, надзирающее за названным видом деятельности), должно стремиться к завершению оценки доказательств однозначными, лишенными сомнений выводами. Неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого²¹².

Б. Т. Безлепкин полагает, что оценка доказательств по внутреннему убеждению означает такой порядок, при котором:

а) тот, в чьем производстве находится уголовное дело, обладает процессуальной самостоятельностью и исключительной компетенцией в этой области; суд не вправе и не обязан руководствоваться оценкой, предлагаемой кем-либо другим, а также перелagать обязанность такой оценки и ответственность за нее на другое лицо;

б) по формальным признакам никакие доказательства не имеют заведомых преимуществ перед другими;

в) оценка доказательств завершается истинными, лишенными сомнений выводами.

Интерес представляет то, что при оценке доказательств недопустимо априорное деление их на лучшие и худшие в зависимости от источника фактических данных и любых других обстоятельств. Нельзя, например, полагаться на заключение авторитетного эксперта как на лучшее из всех доказательств, хотя этот вид фактических данных в отличие от других основывается на достижениях науки. Заключение эксперта не является обязательным для суда, однако несогласие их с заключением должно быть мотивировано²¹³.

В качестве критериев оценки ч. 1 ст. 88 УПК РФ определяет такие свойства доказательств, как относимость, допустимость, достоверность и достаточность. По нашему мнению, ч. 1 ст. 88 УПК РФ регламентирует объективные факторы внутреннего убеждения.

Относимость – определяет наличие связи между полученными сведениями и событием преступления, а также иными обстоятельствами, подлежащими установлению по расследуемому (разрешаемому) уголовному делу.

Допустимость – указывает на соответствие сведений требованиям уголовно-процессуального закона: по субъекту получе-

²¹² Рыжаков А. П. Указ. соч.

²¹³ Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2011. С. 45.

ния; по источнику получения; по способу получения; по процессуальной форме.

Достоверность – характеризует соответствие полученных сведений обстоятельствам совершенного преступления и иным обстоятельствам, подлежащим установлению по делу.

Достаточность – определяет необходимый и достаточный объем сведений для вывода об установлении предмета доказывания. Следует учесть, что в реальной практике доказывания требование достаточности используется применительно не только ко всей совокупности доказательств, собранных по делу, но и к отдельным группам доказательств, и даже к какому-либо одному доказательству – для оценки наличия или отсутствия оснований принятия какого-либо процессуального решения в аспекте судебного контроля²¹⁴.

Следовательно, свобода оценки доказательств является принципом уголовного судопроизводства. Думается, данный принцип можно определить как нормативно закрепленное и проявляющее себя на всех этапах судебного разбирательства по уголовному делу руководящее положение, позволяющее судье оценивать ценностные свойства доказательств и их совокупности по результатам их собственного познания, сформировавшегося на основе своего внутреннего убеждения.

В этой связи представляет интерес, какой смысл вкладывают ученые из области уголовного судопроизводства в понятие внутреннего убеждения.

Так, например, М. С. Строгович, анализируя внутреннее убеждение, подчеркивал то, что под ним следует понимать «основанное на правосознании убеждение судьи относительно обстоятельств разбираемого судом конкретного дела»²¹⁵. Иначе говоря, автор включает в структуру внутреннего убеждения правосознание. В свете современного уголовного судопроизводства, конечно, «правосознание» взаимосвязано с внутренним убеждением, поскольку представляют собой смежные сферы мыслительной деятельности. Тем не менее правосознание влияет на формирование внутреннего убеждения, однако не образует его содержания. Думается, правосознание не может быть ни критери-

²¹⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 217.

²¹⁵ Строгович М. С. Указ. соч. С. 289.

ем, ни методом оценки доказательств профессиональным судьей, хотя и выполняет важную функцию оценки судьей нравственности и моральности своих действий и решений.

Г. В. Литвинова под внутренним убеждением судьи понимает следующее – это твердая уверенность в том, что правильно определен круг необходимых для решения фактов. Решение суда, как известно, должно быть не только законным и обоснованным, но и справедливым. Законность предполагает общеобязательность права, недопустимость произвола, законность – принцип правового регулирования. Справедливость – нравственно-психологическая характеристика судебных решений, его моральная безупречность, наиболее целесообразное применение права, наилучшая реализация его социально положительной сущности²¹⁶.

Ю. В. Чуфаровский полагает, что внутреннее судейское убеждение представляет результат воздействия на сознание судей определенной совокупности доказательств, установленной и проверенной в ходе судебного разбирательства. Оно всегда складывается на основе рационального познания причинно-следственных и иных связей между фактами объективной действительности, ценностного к ним подхода, их соотношения с запретами уголовного права, чувственного переживания полученных по уголовному делу результатов познания, сделанных из них правовых выводов. На формирование судейского убеждения влияют социально-психологические и внесудебные факторы (например, поведение подсудимого в суде, оценка средств массовой информации и т. д.)²¹⁷.

Внутреннее убеждение формируется при отсутствии твердых правовых критериев: закон, в отличие от системы формальных доказательств, не дает четких ориентиров: какие доказательства относимы, а какие – нет; что считать более достоверным, а что менее. Это, однако, не означает, что внутреннее убеждение как психологическая деятельность не подвластна праву. Уже сам факт закрепления в УПК РФ принципа свободной оценки доказательств (ст. 17) опровергает такое утверждение. Законодательное регулирование внутреннего судейского убеждения служит пре-

²¹⁶ Литвинова Г. В. Психологическое консультирование и роль психолога в разрешении уголовных и гражданских дел с участием несовершеннолетних // Вопр. ювен. юстиции. 2010. № 6. С. 12–13.

²¹⁷ Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 460.

пятствием для его вырождения в произвол. Как подчеркнул Конституционный Суд РФ, «статья 17 УПК Российской Федерации, предписывая осуществлять оценку доказательств по внутреннему убеждению, не содержит каких-либо положений, допускающих возможность произвольной оценки доказательств. Напротив, в ней содержится указание судье: при оценке доказательств не только исходить из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений»²¹⁸.

Внутреннее убеждение, таким образом, не следует трактовать как безотчетное и произвольное, поскольку при его формировании и выражении суд должен руководствоваться законом. УПК РФ определяет основу формирования внутреннего судебного убеждения: круг обстоятельств, подлежащих оценке при производстве по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). Закон указывает, какими именно средствами устанавливаются входящие в предмет доказывания сведения (ст. 74 УПК РФ). УПК РФ регламентирует и делает обязательными правила оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ). УПК РФ устанавливает ограничения в формировании внутреннего судебного убеждения (например, презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ)). В УПК РФ закреплены специальные гарантии свободы и независимости внутреннего убеждения субъектов, оценивающих доказательства (независимость судей, наделение следователя процессуальной самостоятельностью, право прокурора отказаться от обвинения и т. д.). Наконец, законодательно установлены обязательные реквизиты процессуальных документов, в которых отражается внутреннее судебское убеждение как результат оценки. Кроме того, УПК РФ обязывает указывать конкретные основания, по которым те или иные доказательства, источник или способ получения и использования их приняты или отвергнуты.

Внутреннее убеждение есть полная уверенность субъекта оценки доказательств относительно достоверности полученных

²¹⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шулятьева Алексея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 183-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система. Документ опубликован не был.

выводов. Однако оно должно основываться не на отвлеченном мнении, а на оценке каждого из доказательств и всей их совокупности в целом. Указание о том, что доказательства оцениваются в совокупности, не означает, что значение имеет лишь общее впечатление, которое произвели исследованные доказательства на судью. Оценить доказательства в совокупности – значит не упустить ни одного из них. В описательно-мотивировочной части приговора суд в силу данного принципа обязан дать оценку всем исследованным им доказательствам и указать, почему он принимает за основу своего решения одни из доказательств и почему отвергает другие²¹⁹.

По мнению Л. Д. Кокорева, обоснованность обвинения тождественна доказанности обвинения, он пишет: «Быть уверенным в обоснованности обвинения – это значит и быть убежденным в виновности обвиняемого, но такое убеждение не может возникнуть у судей в стадии предания суду, так как они на этой стадии не проверяют и не оценивают достоверность доказательств»²²⁰.

Таким образом, предавая обвиняемого суду, судья убеждается не в виновности лица, а в возможности рассмотрения уголовного дела в судебном разбирательстве, при условии, если он установит, что имеющиеся в материалах уголовного дела доказательства достаточны, относимы и допустимы для того, чтобы непосредственно в стадии судебного разбирательства их исследовать и дать им окончательную оценку, включая уже и оценку их достоверности.

Когда судья в стадии назначения судебного заседания оценивает достаточность доказательств, это означает, что он связывает эту достаточность не с возможностью признания обвиняемого виновным, а только лишь с тем, что при судебном разбирательстве дела суду будет что проверять и оценивать. При этом судья вправе по ходатайствам сторон истребовать дополнительные доказательства, тем самым обеспечив достаточность доказательств для рассмотрения дела в судебном разбирательстве. Многие авторы признают, что, несмотря на отсутствие в новом уголовно-процессуальном законе требования к суду проверять достаточность представленных доказательств, задачей суда в этой стадии все же остается, проверка наличия достаточности установленных

²¹⁹ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2009. С. 17.

²²⁰ Кокорев Л. Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, 1973. С. 218.

органами предварительного расследования фактических данных для рассмотрения уголовного дела в судебном разбирательстве²²¹.

Оценка доказательств судьей как мыслительная, логическая деятельность приводит к суждению о допустимости, относимости, достоверности доказательств, значении каждого доказательства и достаточности их совокупности для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. В этом смысле оценка доказательств сопровождает процесс познания сведений об обстоятельствах дела, является неотъемлемым элементом всей познавательной деятельности судьи.

Важной гарантией объективной правильности этого субъективного вывода служит требование закона о том, чтобы внутреннее убеждение основывалось на совокупности исследованных доказательств. Известно, что применительно к важнейшим решениям закон требует, чтобы в них приводились доказательства, обосновывающие выводы по делу (например, п. 5 и 6 ч. 1 ст. 220, п. 3, 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 ст. 307 УПК РФ). При этом недостаточны ссылки на доказательства, в решении должны быть изложены сведения, проверенные и оцененные, т. е. приведены мотивы, по которым доказательства оценены как допустимые или недопустимые, достоверные или недостоверные, достаточные или недостаточные для решения по делу²²².

Оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, суд обязан руководствоваться не только уголовно-процессуальным законом, но и уголовным (материальным). Конечно, уголовно-процессуальный закон устанавливает принципы оценки доказательств, гарантии процессуальной независимости субъектов доказывания, а также и требования к процессуальным документам, в которых подводятся итоги оценки. Уголовный же закон служит важным ориентиром при оценке доказательств с точки зрения их относимости, потому что предмет доказывания по конкретному уголовному делу тесно связан с конструкцией соответствующего состава преступления. При оценке относимости доказательств учи-

²²¹ Рябинина Т. К. Полномочия судьи в стадии назначения судебного заседания в уголовном процессе // Рос. судья. 2010. № 4. С. 36.

²²² О судебном приговоре : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 29 апр. 1996 г. № 1 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 1996. № 7.

тываются и нормы других отраслей права, раскрывающие содержание бланкетных диспозиций норм уголовного закона²²³.

Непростым является вопрос о применении правил преюдиции в уголовном процессе, когда не подлежат доказыванию общеизвестные факты или те, которые уже установлены вступившим в силу приговором суда. Однако возникает вопрос, как быть, если в последующем деле стороны представили иные доказательства, чем имелись в первоначальном деле, и для суда очевидно, что оценка, данная в первом деле, уже не является объективной, или если практика применения той или иной нормы в связи с принятием, например, постановления Конституционного Суда РФ, изменилась и получилась ситуация, когда преюдиция может противоречить позиции Конституционного Суда РФ (если какая-то норма закона признана не соответствующей Конституции), а значит – и норме материального права. Также на практике могут встречаться дела, когда изменилось не применение нормы, а сама норма, регулирующая правоотношения, которые были предметом рассмотрения суда. Действующее законодательство не дает ответа на вопрос о том, как в данном случае следует поступить суду, чтобы, с одной стороны, не нарушить правило о преюдиции, а с другой стороны, чтобы решение было принято в соответствии с нормами права, действующего на момент рассмотрения данного дела.

Мы согласны с теми авторами, которые справедливо полагают, что на практике созрела необходимость ограничить преюдицию судебным усмотрением, однако подобное ограничение не должно умалять значение преюдиции, исключать из законодательства нормы о преюдиции. Решения, в которых содержится переоценка установленных судом фактов, должны носить исключительный характер, быть обусловленными объективной невозможностью сторон представить в начальное дело все имеющиеся доказательства либо изменением законодательства. В таком случае противоречий между первоначальным и последующим решениями не будет в силу того, что в новом деле суд не переоценивает выводы суда и применение им норм права, а исходя из объективно сложившейся ситуации использует установленные обстоя-

²²³ Безлепкина Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2010. С. 17.

тельства, но не их связь с нормой права, которая изменена или которой не существует²²⁴.

Заметим, что следует согласиться с мнением Б. Т. Безлепкина, который полагает, что фактические обстоятельства, установленные судом по ранее рассмотренному уголовному делу и содержащиеся во вступившем в законную силу приговоре или решении суда, при расследовании или судебном рассмотрении нового уголовного дела не подлежат ревизии и они могут и должны приниматься без доказывания, в «готовом» виде. Однако такие обстоятельства могут касаться лишь объективной стороны преступления, а не вопроса о виновности²²⁵.

Вопрос возникает о свободе внутреннего убеждения и правовых презумпциях и фикциях как нетипичных правовых регуляторов, чаще всего используемых в нестандартных ситуациях. Их нетипичность связана с иной внутренней структурой, чем та, что присуща классической норме права. В отличие от правовой нормы, они выполняют в правовом регулировании второстепенную роль. Эта роль может иметь как положительный, так и отрицательный характер. Положительное значение презумпции и фикции состоит в том, что они помогают ликвидировать проблемы в праве и разрешить коллизию, процессуальной экономии. Процессуальная экономия выражается, во-первых, в разумном смягчении процессуальных формальностей, продуманности процессуальных правил, установлении таких норм, без которых действительно никак нельзя обойтись, и, во-вторых, в ускорении (быстроте) процесса. Отрицательное значение этих явлений заключается в том, что они могут ограничивать свободу внутреннего убеждения судьи²²⁶. В этой связи следует законодательно закрепить признаки целесообразных и нецелесообразных презумпций и фикций, которые порою могут помешать рассмотрению уголовного дела в суде.

Рассмотрев объективные факторы внутреннего убеждения судьи при оценке доказательств, целесообразно подчеркнуть то,

²²⁴ Ильина Е. Камень преткновения // Новая адвокатская газета. 2014. № 10. С. 16–17.

²²⁵ Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учеб. пособие. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 341.

²²⁶ Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника : учебник. М., 2014. С. 49.

что на внутреннее судейское убеждение воздействуют и субъективные факторы.

По нашему мнению, важнейшим субъективным фактором внутреннего убеждения судьи является здравый смысл как интеллектуальная основа человеческого фактора в состязательном уголовном процессе. В частности, В. М. Лебедев связывает внутреннее убеждение с таким понятием, как «разумная обоснованность»²²⁷.

В научной литературе здравый смысл именуют мудростью. Думается, мудрость характеризует личность судьи как здравомыслящего человека, который обладает уголовно-процессуальными знаниями, житейским опытом, имеющий правильно применять знания и опыт в своей профессиональной деятельности, вести себя благоразумно, с достоинством и предусмотрительно, способного схватывать общее и существенное по материалам судебного следствия, прений сторон и реплик. Отдельные авторы верно полагают то, что мудрость основывается не только на прошлом опыте, но и на реалистической оценке ситуации и логических приемов с точки зрения возможных будущих последствий²²⁸.

Умение правильно и быстро сориентироваться в порою неопределенной обстановке в ходе судебного разбирательства, восполнить или устранить дефицит либо противоречивость информации путем точного осмысления полученных ответов, адекватно оценить важную и потенциальную информацию по уголовному делу, самостоятельно принять оптимальный приговор – один из важнейших показателей, по которому «человечество уже давно научилось отличать мудрых, умных, обладающих высоким интеллектуальным потенциалом здравого смысла, от глупцов, страдающих его дефицитом»²²⁹.

В основе внутреннего убеждения судьи заложено правосознание (которое в определенной степени можно рассматривать как явление относительно стабильное), однако на формирование внутреннего убеждения имеют влияние и эмоции субъекта оценки. Например, вспомним известного защитника Плевако, который не являлся по своему образованию юристом, он был психологом,

²²⁷ Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 219.

²²⁸ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 109.

²²⁹ Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000. С. 134.

который грамотно оказывал эмоциональное влияние на внутреннее убеждение судей. Действительно, между оценкой доказательств по внутреннему убеждению и эмоциями существует обратная связь: оценка обуславливает возникновение определенных эмоций, ощущений, а под влиянием эмоций и ощущений происходит оценка, обусловленная этими эмоциями²³⁰. Влияние на эмоции происходит посредством придания и акцентуализации определенной силы конкретного доказательства в пользу той или иной стороны процесса.

Авторы полагают, что оценка доказательств на предмет любого критерия осуществляется, с одной стороны, на основании внутреннего убеждения, а с другой – регламентируется законом. Основным в данной сфере должен оставаться принцип свободной оценки по внутренним убеждениям, но при четком закреплении основных, принципиальных моментов на уровне закона²³¹. По нашему мнению, такая задача в настоящее время решена, поскольку четко закреплены критерии недопустимости доказательств, которые впоследствии утраты их юридической силы не могут быть заложены в основу приговора по уголовному делу.

Кроме того, вопрос внутреннего убеждения судьи характеризует независимость судебной власти в целом. Независимость – это исключение любого воздействия на суд со стороны любых лиц и организаций при осуществлении им своей профессиональной деятельности. При рассмотрении вопросов, отнесенных к компетенции суда, он не связан мнением отдельных судей либо иных субъектов. В каждом случае, принимая решение, каждый из судей руководствуется законом, правосознанием, своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела в совокупности.

В числе средств обеспечения независимости суда и свободы внутреннего убеждения судьи выделить следующие:

- наличие особой процедуры осуществления судебной деятельности;
- установление под угрозой ответственности запрета на вмешательство кого бы то ни было в деятельность суда;

²³⁰ Гарасымкив Л. И. Соотношение внутреннего убеждения и закона как оснований оценки доказательств в уголовном процессе // Образование и право. 2013. № 3–4. С. 34–37.

²³¹ Там же.

- установление порядка приостановления и прекращения полномочий судьи;
- неприкосновенность судьи;
- предоставление судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу;
- наличие особой защиты государством не только судьи, но и членов его семьи, а также имущества²³².

С учетом всего ранее изложенного можно сделать вывод о том, что объективные и субъективные факторы внутреннего убеждения судьи при оценке доказательств по уголовному делу позволяют судить о качестве вынесенного им приговора. А как известно на основании ст. 297 УПК РФ приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым.

²³² Григорьева Е. А., Злобина Е. А. Комментарий к Федеральному закону от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (постатейный) // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

Глава 4
ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА
ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ. ПРОБЛЕМАТИКА
НЕДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

4.1. Юридическое значение личных доказательств
в процессе оценки доказательств

Познание происшедшего события в уголовном судопроизводстве происходит опосредованным путем. В этой связи особую значимость приобретают личные доказательства.

Высшей формой отражения объективного мира является мыслительная деятельность человека, включающая восприятие, получение и переработку информации, на основе которых появляется знание, в том числе и о фактах прошлого²³³.

Ценность личных доказательств заключается в том, что именно такие доказательства отражают знание о фактах реальной действительности прошлого, что имело непосредственное отношение к факту преступления. В российской и зарубежной практике личные доказательства обладают порой наибольшей аргументирующей силой и с большей степенью оказывают влияние на внутреннее убеждение судьи.

Личные доказательства являются результатом психического восприятия человеком событий и передачи устно или письменно в языковой или иной специальной форме сведений, имеющих значение для уголовного дела. В этой связи стоит согласиться с авторами, которые полагают, что информация, содержащаяся в личных доказательствах, предварительно воспринимается сознанием человека и перерабатывается им, поэтому личные доказательства содержат элемент субъективности²³⁴. Следовательно, в качестве признака личных доказательств можно выделить субъек-

²³³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под общ. ред. Г. М. Резника. М., 2013. С. 253.

²³⁴ Там же. С. 286.

ективность, поскольку личные доказательства так или иначе исходят от конкретного субъекта.

Однако возникают нередко в судебной практике проблемы оценки личных доказательств, не всегда можно четко разграничить личное доказательство от вещественного. По нашему мнению, все исходящее от конкретного участника уголовного судопроизводства можно отнести к личным доказательствам, за исключением всего того, что УПК РФ относит к вещественным доказательствам. В уголовно-процессуальной науке сложилось мнение, что к личным доказательствам относятся показания участников уголовного судопроизводства, заключение эксперта, заключение специалиста, протоколы следственных и судебных действий, иные документы.

В первую очередь интерес представляет вопрос, какой смысл законодатель вкладывает в понятие «показания». В этом вопросе наблюдается пробел. По нашему мнению, ст. 5 УПК РФ следует дополнить понятием, что такое «показания». В этой связи для нас представилось интересным определение показаний, предложенное А. А. Федоровым, который полагает, что «показания – это сведения, сообщенные экспертом, специалистом на допросе, а обвиняемым, подозреваемым, свидетелем или потерпевшим на допросе или очной ставке, которые проведены в соответствии с требованиями настоящего кодекса»²³⁵. Думается, с подобного рода определением трудно согласиться, поскольку показания в уголовном судопроизводстве дает более широкий круг участников уголовного судопроизводства и не только в процессе таких следственных действий, как допрос и очная ставка. По нашему мнению, нельзя исключать и такое следственное действие, например, как проверка показаний на месте, а также и такого участника, как подсудимого. Кроме того, в тех случаях, когда участник уголовного процесса принимает участие в том или ином следственном действии и дает свои пояснения, которые заносятся в протокол, их тоже можно оценить в качестве показаний и отнести к личным доказательствам.

Мы считаем, что показания – это сведения, сообщенные участниками уголовного судопроизводства как на досудебных ста-

²³⁵ Федоров А. А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

диях, так и при рассмотрении уголовного дела в суде в соответствии с требованиями УПК РФ. Хотелось бы остановиться на вопросе, а будут ли являться показаниями рассуждения, мнения, версии? В принципе, как рассуждения, мнения, так и версии носят неоднозначный характер, порою вероятностный и основаны на личном восприятии лица дающего показания. В частности, отдельные авторы верно полагают: бывает трудно отличить мнение от показания, основанного на восприятии. Мнение человека – это его вера в существование факта. И проблематика заключается в условности и неуверенности представления, впечатления, умозаключения, в непонимании на чем основан вывод. Такие трудности возникают при изложении оценочных фактов. Например, когда свидетель дает показания и отвечает на вопрос судьи, с какой скоростью двигался автомобиль, то обычно эти показания оцениваются как вероятностное мнение свидетеля, что подлежит проверке и сопоставлению с другими доказательствами. Правило о недопущении мнения в качестве доказательства содержит важное исключение в пользу мнений, высказанных в суде экспертами.

Круг обстоятельств, при которых допускается мнение эксперта, значительно шире, чем обстоятельств, при которых допускается мнение потерпевшего или свидетеля²³⁶.

Основное различие между мнениями заключается в компетентности и в наличии специальных знаний. Эксперт высказывает свое мнение не только на психологическом восприятии обстоятельств, на впечатлении, а выражает свое умозаключение, точку зрения, как на впечатлении, так и на основе специальных знаний. По нашему мнению, судебная практика складывается таким образом, что мнения, суждения, умозаключения в суде расцениваются как показания. Даже если они носят вероятностный характер их можно отнести к показаниям, но гарантией их допустимости, достоверности является их оценка судом на основе полной совокупности собранных доказательств по уголовному делу.

В этой же связи необходимо разобраться: чем отличается предположение свидетеля или потерпевшего, их мнение от показаний. Стоит ли судье в целом акцентировать свое внимание на предположении, мнении, например, свидетеля: с одной стороны,

²³⁶ Леонтьева О. Г. Способы доказывания с участием свидетелей, которые обычно не допускаются // Адвокатская практика. 2013. № 6. С. 34–38.

в зале судебного заседания при рассмотрении уголовного дела по существу, нет; однако применительно к предварительному расследованию мнение или предположение свидетеля, потерпевшего, да и подозреваемого, обвиняемого могут оказать немалую помощь органам предварительного расследования при построении версий при расследовании уголовного дела. В суде же по большей части оцениваются те доказательства, которые уже проверены и оценены следователем или дознавателем, которые в суде имеют силу аргумента. Другое дело с показаниями тех свидетелей, которые выступают в суде по ходатайству защитника. В таких случаях впервые высказанное мнение или предположение будет полезной информацией, если в совокупности доказательств будет установлена их правдоподобность. Думается, нельзя категорично отказываться от допустимости мнений, предположений, их можно оценивать составляющей частью показаний.

По результатам опроса, практические работники соблюдают ст. 75 УПК РФ и не закладывают в основу доказывания показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе. Однако законодатель в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ в таком основании признания доказательств недопустимыми предусматривает в качестве источника показания потерпевшего и свидетеля. Значит, по логике получается так, что показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, основанные на догадке, предположении, слухе могут относиться к допустимым доказательствам? По нашему мнению, любая информация, относящаяся к уголовному делу, подлежит проверке.

Сведениям «из вторых рук», конечно, трудно доверять. В такой ситуации велика степень вероятности ошибок при запоминании и воспроизведении информации, относящейся к факту деяния. Эти аргументы не лишены известного смысла, и было бы ошибкой их полностью игнорировать при любом типе судопроизводства. Стоит согласиться с мнением практических работников, что необходимо устранять или смягчать действие отрицательных факторов. К тому же примитивное решение о безоговорочном запрещении подобного рода производных доказательств, безусловно, не выход из положения и является непродуманным, категоричным основанием признания их в качестве недопустимых доказательств.

В англо-американской системе правосудия действует правило, запрещающее использование в суде показаний с чужих слов, но с наличием исключений из него.

Свидетельские показания с чужих слов (*hearsay testimony*) – это то, что говорил кто-то другой. Но, вероятно, с указанием на источник такой информации. Более полное определение гласит: показания с чужих слов – это свидетельство о заявлении, сделанном во внесудебной обстановке, которая предлагается суду, дабы подтвердить истинность того, что оно утверждает. Однако в зарубежных источниках указывается, что проблема с показаниями с чужих слов заключается в их ненадежности, поскольку у стороны, против которой направлены эти показания, нет возможности провести очную ставку с лицом, сделавшим заявление против нее, и подвергнуть его перекрестному допросу.

Правило о недопустимости свидетельских показаний с чужих слов имеет древние корни в английском праве. Распространенным примером «показаний с чужих слов» является случай с автомобильной аварией, где свидетель аварии описывает ее сотруднику полиции, прибывшему на место происшествия, но потом в суматохе исчезает. Как правило, сотрудник полиции не может свидетельствовать в последующем судебном процессе о том, что сказал тот человек. При этом не имеет значения то, что имя человека известно, или то, что сказал сотруднику полиции этот человек, согласуется с другими приемлемыми доказательствами по делу.

Тем не менее, если мы проанализируем американские источники, то увидим в законодательстве США наличие в качестве источника доказательств такое понятие, как «слухи». Так, в качестве доказательств допускаются 50 видов слухов. В России подобного рода явления – недопустимые доказательства, в частности, ст. 75 УПК РФ регламентирует: недопустимыми доказательствами являются показания, основанные на слухе. Интерес представляет и то, что в англо-саксонской системе права существует такое понятие, как «заменители доказательств», которые делят на три категории: положения, судебные уведомления, предположения. В частности, в научной литературе приводятся примеры, когда в суде присяжных в случае установления главного факта по уголовному делу присяжные могут делать логические выводы и оценивать их как доказательства. Следовательно, определенные выводы, умозаключения оцениваются в общей совокупности доказа-

зательств, даже если они носят характер презумпции, предположения. Причем презумпции делятся на два вида: оспоримые (слабые) и неоспоримые. В литературе оговаривается, что данное применение презумпций имеет целью ускорение судебного разбирательства и защиту социальной политики²³⁷.

Будут ли являться объяснения доказательствами по уголовному делу, данные до возбуждения уголовного дела. Этот вопрос до сих пор в уголовно-процессуальной литературе дискуссионный. Статья 89 УПК РФ регламентирует запрет использования результатов оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Такие авторы, как В. П. Божьев, В. М. Лебедев, К. Б. Калиновский, Н. А. Лукичев²³⁸, А. В. Смирнов допускают подобного рода объяснения использовать в качестве доказательств по уголовному делу. Например, А. М. Бандурка, А. В. Горбачев пишут: «...фиксация фактических данных в ходе оперативно-разыскных действий в ряде случаев ориентирована на последующее их использование в уголовном процессе... В случае передачи некоторых из таких документов в распоряжение органа расследования или в суд, они могут быть с полным основанием отнесены к одному из видов источников доказательств – иным документам»²³⁹.

Другая же группа авторов полностью отрицают подобного рода допустимость объяснений. К примеру, Н. Григорьева, И. В. Овсянников²⁴⁰, И. Л. Петрухин полагают, что объяснения в виде процессуальных показаний могут оцениваться в качестве доказательств только после возбуждения уголовного дела. Основным аргументом авторов, отрицающих возможность использовать такие объяснения в уголовном судопроизводстве как иные документы, т. е. как доказательства, выступает то, что они получены за рамками уголовного процесса и способом, не предусмотренным УПК РФ. Так, например, М. С. Шалумов пишет: «Какие бы заявления ни делал или объяснения ни давал гражданин до возбуждения уголовного дела, они не приобретают статуса до-

²³⁷ Judi Hails. Criminal evidence. Seventh editon. USA. Belmont : Walds, 2012.

²³⁸ Лукичев Н. А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 16.

²³⁹ Овсянников И. В. Рассмотрение сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические проблемы : науч.-практ. и учеб. пособие. М., 2010. С. 85.

²⁴⁰ Там же.

пустимого доказательства, поскольку не заменяют показаний, полученных на допросе»²⁴¹. Н. В. Изотова полагает, что значение оперативно-разыскного документирования для использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе заслуживает безусловной поддержки, но приравнивание верно документированных данных оперативно-разыскной деятельности к доказательствам весьма спорно. Автор обосновывает это положение активной деятельности следствия по собиранию доказательств. Оперативные данные проверяются и оцениваются как с позиции взаимообоснованности и взаимосвязи с уже собранными доказательствами. Лишь после данной процедуры имеются основания для придания фактическим данным, собранным в ходе оперативно-разыскной деятельности, процессуального статуса доказательств²⁴². Думается, в таком обосновании нельзя согласиться в полной мере с мнением автора. Если Н. Изотова именует оперативную информацию фактическими данными, значит, они уже имеют силу факта, исследованного, проверенного, оцененного. Соответственно, если оперативные данные имеют силу факта и собраны надлежащим законным способом, значит, они приобретают силу доказательства. Более того, оперативная информация «по горячим следам» порою и бывает самой полной и достоверной. Кроме того, Н. В. Изотова в своем исследовании верно полагает, что в случае появления в результате оперативно-разыскной превенции поводов к возбуждению уголовного дела, а также в случаях использования оперативно-разыскных мероприятий для раскрытия преступлений можно говорить об оперативно-разыскной деятельности как составляющей уголовно-процессуального познания²⁴³.

Мы рассматриваем оперативно-разыскную деятельность как часть уголовно-процессуальной деятельности. Они имеют единство задач, обусловлены ст. 6 УПК РФ, для них предусмотрена единая форма судебного контроля и прокурорского надзора, в разных рамках, но с одной целью – с целью соблюдения ст. 2 Конституции РФ. С учетом строгих границ судебного контроля,

²⁴¹ Шалумов М. С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств // Уголов. процесс. 2005. № 3. С. 32.

²⁴² Изотова Н. В. Использование оперативно-разыскной информации в обеспечении доказывания в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 158.

²⁴³ Там же. С. 159.

прокурорского надзора, отработанного механизма признания доказательств допустимыми, целесообразно придавать оперативно-разыскным объяснениям силу доказательств в качестве иного документа. Подобного рода объяснения служат базой для дальнейшего формирования доказательств. Разумеется, оперативно-разыскная деятельность не подменяет деятельность следователя, тем не менее, объяснения, полученные оперативными сотрудниками до возбуждения уголовного дела, помогают принять решение о возбуждении уголовного дела.

Нам следует остановиться на праве следователя получать объяснение от граждан и должностных лиц, так как в науке уголовного процесса уже давно идет дискуссия о праве следователя в стадии возбуждения уголовного дела получать объяснения от граждан и должностных лиц. Многие ученые и практики обоснованно ставили перед законодателем вопрос о том, чтобы в стадии возбуждения уголовного дела следователь и дознаватель имели право получать объяснения от граждан и должностных лиц, в том числе и от потерпевшего²⁴⁴. Мы поддерживаем подобного рода мнение, поскольку следователь является субъектом собирания доказательств и именно на нем лежит бремя доказывания по уголовному делу, именно следователь является субъектом, который при наличии поводов и оснований возбуждает уголовное дело.

Однако необходимо учитывать мнение тех авторов, которые справедливо полагают, что протокол допроса, содержание которого дословно перепечатано с данного на стадии возбуждения уголовного дела объяснения допрашиваемого, будет недопустимым доказательством. Действительно, следователь (дознаватель и др.) в такой, типичной для некоторых органов дознания и предварительного следствия, ситуации лишь уточняет, правильно ли он изложил обстоятельства происшествия в перепечатанном с объяснения в протоколе допроса. Авторы полагают, что в такой форме имеет место наводящий вопрос. Следовательно, юридическое значение данного протокола допроса будет ничтожным. Нарушение общих правил проведения допроса в указанной ситуа-

²⁴⁴ Березина Л. В., Быков В. М. Объяснения граждан и должностных лиц в стадии возбуждения уголовного дела // Вестн. криминалистики. 2005. № 4(16). С. 76–82; Власова Н. А. Досудебное производство в уголовном процессе : учеб. пособие. М., 2000. С. 74; Масленникова Л. Н. Досудебное производство в уголовном процессе России : лекция. М., 1993. С. 10.

ции, а значит недопустимость полученного в результате производства данного следственного действия доказательства, устанавливается путем сравнения текста объяснения и протокола допроса. Дословное их совпадение указывает на наличие нарушений в порядке получения показаний у допрашиваемого лица, а значит, и на недопустимость последних²⁴⁵. По нашему мнению, практика свидетельствует о неотложности, быстроте взятия объяснений «по горячим следам» до возбуждения уголовного дела. Допрос, взятый на основании ранее полученных объяснений, должен быть более развернутым, подробным, а не формальным переписыванием показаний из одного документа в другой.

Так, использование в качестве доказательств объяснений, полученных до возбуждения уголовного дела, всегда являлось актуальным для правоприменительной практики. Однако мы полагаем, что положение по поводу объяснений закреплено в действующем УПК РФ, но не надлежащим образом. Кодекс процессуальный, а значит, механизм реализации данных положений должен быть регламентирован. Представляется, что эти вопросы обусловлены тем, насколько оптимально законодатель регламентировал в целом процедуру доследственной проверки. В праве существует незыблемое правило – нормы должны быть максимально четкими и конкретными, их смысл должен быть предельно ясен для правоприменителя. Это обеспечит не только единообразное и правильное применение норм закона, но и предотвратит попытки истолковать положения закона в угоду частным интересам²⁴⁶.

Не менее важным представляется вопрос о законодательной регламентации, к какому источнику доказательств, закрепленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, относятся указанные объяснения.

В этой связи заметим, что Определением Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 723-О эта проблема разрешена путем отнесения объяснений, полученных до возбуждения уголовного дела, к иным документам (ст. 84 УПК РФ)²⁴⁷. УПК РФ в п. 6 ч. 2 ст. 74 признает доказательствами иные, помимо в ней названных, документы, которые допускаются в качестве доказа-

²⁴⁵ Рыжаков А. П. Допрос: основания и порядок производства // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.

²⁴⁶ Цховребова И. А. Новые процессуальные средства проверки сообщений о преступлении: что изменилось? // Рос. следователь. 2013. № 21. С. 22–24.

²⁴⁷ Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

тельств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ (ч. 1 ст. 84). Иные документы, в том числе объяснения, которые в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ вправе получать следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания при проверке сообщения о преступлении, используются для установления обстоятельств уголовного дела с соблюдением требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности ст. 75, 86, 87, 88, 234 и 235²⁴⁸.

Такая правовая позиция Конституционного Суда РФ согласуется с высказанными мнениями и доводами ученых процессуалистов, которые имели место ранее.

В настоящее время право получать от граждан и должностных лиц объяснения предоставлено также сотрудникам полиции Федеральным законом «О полиции»²⁴⁹, сотрудникам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, прокурорам.

В силу ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»²⁵⁰ сотрудники, осуществляющие оперативно-разыскные действия, вправе производить опрос лиц. Результаты данного действия также могут оформляться объяснением опрошенного лица. Согласно ч. 1 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре РФ»²⁵¹ работники прокуратуры вправе вызывать и получать у граждан и должностных лиц объяснения по поводу выявленных в ходе надзорных проверок нарушений. В перечисленных и других случаях объяснения как источники сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению по находящимся в производстве работников полиции или прокуратуры материалам, могут содержать информацию о готовящихся или совершенных преступлениях. Соответственно, соглашаемся с В. С. Балакшиным, который верно приходит к выводу, что после возбуждения в уста-

²⁴⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 723-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

²⁴⁹ Рос. газ. 2011. № 189. С. 7.

²⁵⁰ Рос. газ. 1995. № 160. С. 8.

²⁵¹ Рос. газ. 1995. № 229. С. 7.

новленном порядке по таким материалам уголовного дела встает вопрос об использовании объяснений в качестве доказательств.

Действительно, решая данный вопрос, нужно помнить, что закон не случайно разрешил производство таких следственных действий, как осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение экспертизы, до возбуждения уголовного дела. Аналогичный подход применим и к некоторым иным процессуальным действиям, что позволило бы без ущерба для соблюдения прав и законных интересов участников процесса снять большинство перечисленных вопросов, создать органам дознания, следователю, дознавателю, прокурору условия для исполнения возложенных на них обязанностей в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Единственное, что в описанной ситуации необходимо предпринять, вновь воспользовавшись опытом судебно-прокурорской практики, – это предусмотреть дополнительные гарантии, направленные на обеспечение достоверности полученных таким образом фактических данных и их источников. В противном случае если не все, то многие дела придется признавать возбужденными незаконно со всеми вытекающими из этого последствиями²⁵².

Неоднозначное мнение высказывают сотрудники правоохранительных органов и суда Иркутской области по поводу трансформации объяснений, полученных оперативными сотрудниками до возбуждения уголовного дела. В частности, 51 % судей, 42 % адвокатов, 58 % прокуроров не считают объяснения доказательством, поскольку юридическую силу имеет допрос, проведенный в последствии данного ранее объяснений оперативным сотрудником.

Однако в научной уголовно-процессуальной литературе мы можем наблюдать различные взгляды на соотношение оперативно-разыскной и доказательственной деятельности: отрицание любого доказательственного значения оперативно-разыскной информации; использование результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств при условии их процессуальной трансформации, преобразования; формирование на основе результатов оперативно-разыскной деятельности доказательств

²⁵² Балакшин В. С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Рос. юрид. журн. 2012. № 5. С. 124–126.

как результата процессуальной деятельности; прямое преобразование оперативных данных в процессуально-значимые путем «легализации» соответствующей информации на следствии и в суде²⁵³.

Важен вопрос, как быть в той ситуации, когда до возбуждения уголовного дела взяты объяснения, а в последствии по данным объяснениям не был проведен допрос. Поставив себя на место судьи, думается, исследование и оценка такой информации возможна при условии допроса участника, у которого были взяты объяснения до возбуждения уголовного дела, в суде. Кроме того, судья оценивает и объяснения, данные до возбуждения уголовного дела, в качестве иного документа и показания, данные в суде, в совокупности.

Как известно, Пленум Верховного Суда РФ выступает за усиление состязательности и непосредственности судебного разбирательства. Об этом свидетельствует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. № 10 «О внесении в ГД ФС РФ проекта ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ». В пояснительной записке к данному законопроекту указывается, что в нормах уголовно-процессуального закона нет достаточной определенности в вопросе о роли суда в процессе доказывания по уголовному делу. В этой связи предлагается внести в ст. 274 УПК РФ дополнения, которые, развивая принцип состязательности, более четко определяли бы обязанности сторон по представлению в суд доказательств. При этом нельзя не учитывать, что допрос потерпевших и свидетелей в судебном заседании является не только способом получения доказательств по уголовному делу, но и средством проверки их достоверности. В этих целях в ч. 2 ст. 274 УПК РФ предлагается обязанность обеспечения явки в судебное заседание лиц, показания которых представляются в качестве доказательств обвинения или защиты, возложить на стороны.

Интерес представляет и то, что в данном законопроекте в целях усиления непосредственности при получении личных доказательств, Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагает дополнить ст. 281 УПК РФ ч. 2. 1 следующего содержания: «В случаях, перечисленных в п. 2–5 ч. 2 настоящей статьи, показания потерпевшего или свидетеля могут быть оглашены лишь при условии, если обвиняемый (подсудимый) в преды-

²⁵³ Изотова Н. В. Указ. соч. С. 157.

душих стадиях производства по делу имел возможность допросить показывающего против него потерпевшего или свидетеля на очной ставке, задать ему вопросы и высказать свои возражения». Иными словами, Пленум Верховного Суда РФ настаивает на необходимости получения личных доказательств посредством судебных допросов в условиях устного, непосредственного судебного следствия²⁵⁴. Мы поддерживаем данную позицию, такое положение реально позволит улучшить эффективность, полноту и справедливость правосудия.

Применительно к теме исследования заметим, что аргументационный момент заключается в судебном допросе.

Несмотря на прогресс в исследованиях по судебному следствию, к сожалению, в УПК РФ до сих пор не сформулирована структура и механизм судебного допроса, а именно правила проведения отдельных правил судебного допроса регламентированы поверхностно. Как следствие в УПК РФ отсутствует закрепление правил проведения прямого, перекрестного допросов, повторного допроса, передопроса, шахматного допроса и прочих следственных действий по получению и исследованию личных доказательств.

В связи с тем что УПК РФ не разрешил проблему создания состязательной структуры судебного допроса, отсутствует правовой механизм реализации ст. 15 УПК РФ при проведении допросов во время судебного следствия по уголовному делу, фактически оправдывается авторитарный стиль ведения судебного следствия (и судебного допроса) председательствующим. По этому поводу один из идеологов современной судебной реформы профессор И. Л. Петрухин писал: «Судебное следствие четко не расчленено на представление доказательств обвинением и защитой. Этот процесс не разделен на этапы, не предусмотрен перекрестный допрос обвиняемого, потерпевшего, свидетелей и передопрос их вызвавшей стороной, нет правила «обвинение не стоит ответа», согласно которому уголовное дело может быть прекращено судьей за недостаточностью доказательств, представленных обвинением, без предъявления доказательств защитой. Допросы желательно вести по принципу «вопрос – ответ». Необходимо

²⁵⁴ Машовец А., Конева С. Допросы в судебном следствии по уголовному делу // Уголов. право. 2013. № 2. С. 44; Александров А. С., Гришин С. П. Перекрестный допрос в уголовном суде // Рос. юстиция. 2005. № 11. С. 25–30.

вести в УПК нормы, регулирующие в судебном заседании порядок допроса, перекрестного допроса, передопроса»²⁵⁵.

Состязательная модель правосудия исторически формируется издавна, еще со времен афинской демократии. Проведение допроса является показателем реализации состязательности в уголовном процессе. Аргументация сторон будет реальной только в том случае, когда будет реализовано реальное непосредственное исследование личных доказательств в суде. Порою в суде не должным образом используются, исследуются личные доказательства, часто подменяются производными доказательствами, например, обычным оглашением показаний, данных на досудебных стадиях.

Мы в полной мере разделяем позицию тех ученых, которые предлагают законодательно закрепить правила проведения прямого и перекрестного допросов в судебном заседании²⁵⁶. Современные авторы вполне объективны и правы, когда пишут: прямой и перекрестный допросы являются неотъемлемыми элементами справедливого судебного разбирательства. Разделение судебного допроса на отдельные части, которые ведутся противоположающимися сторонами, – это общепризнанный стандарт процедуры представления и исследования личных доказательств, используемый международной уголовной юстицией, закрепленный в решениях Европейского суда, и потому он должен быть предусмотрен в российском уголовно-процессуальном законодательстве²⁵⁷. Действительно, подробная регламентация правил проведения допроса позволит с наибольшей полезностью использовать личные доказательства в суде, построить процесс аргументации так, чтобы личные доказательства возымели в суде наиболее убедительную юридическую силу.

Далее, поскольку в числе источников доказательств ч. 1, 2 ст. 74 УПК РФ закрепляет показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля. Вместе с тем содержательная часть протокола допроса – показания, это только часть доказательства.

²⁵⁵ Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 270–271.

²⁵⁶ Александров А. С., Гришин С. П. Перекрестный допрос в уголовном суде // Рос. юстиция. 2005. № 11. С. 25–30; Ермакова Т. А. О применении перекрестного допроса в судебном следствии // Уголов. процесс. 2009. № 10. С. 28–32; Осодоева Н. В. Перекрестный шахматный допрос в Российском уголовном процессе // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 112–117.

²⁵⁷ Машовец А. О. Международно-правовые стандарты производства допроса по уголовному делу // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. 2013. № 5. С. 3–5.

В этой связи возникает вопрос, как правильно разграничить виды источников доказательств – протоколы допроса и показания допрашиваемых. Фактическая информация об обстоятельствах уголовного дела – это показания. Безусловно, показания относятся к личным доказательствам, протоколы – к письменным. Соответственно, одно и то же доказательство, к примеру, протокол допроса свидетеля, можно отнести к личному письменному доказательству.

Однако процессуальная форма протокола и его содержательная часть в разной степени характеризуют свойства доказательств. Например, содержание протокола (как протокола допроса, так и протокола судебного заседания) в большей степени характеризует относимость и достоверность доказательства. Допустимость протокола допроса анализируется в большей части только посредством протокола в целом, а не только описательной части показаний. Допустимость требует соответствие порядка получения доказательства требованиям УПК РФ. Показания даются во время допроса участника по правилам следственного действия (ст. 173, 189), в котором отражаются все участники следственного действия, условия его производства, закрепленные в ст. 166, 190, 275, 277, 278, 278.1 УПК РФ. Любое несоответствие порядка составления протокола нормативным правилам влечет признание всего доказательства недопустимым, даже если в показаниях содержится достоверная и относимая информация.

Следовательно, может возникнуть вопрос: не будет ли лишним закрепление в ст. 74 УПК РФ в качестве источника доказательств наряду с протоколом – показаний. Например, современные ученые полагают, что действующая регламентация источников доказательств является с точки зрения законодательной техники излишним, а с позиции теории доказательств – неправильным²⁵⁸. Однако может возникнуть сомнение: а во всех ли случаях в протоколе имеет место допрос. Например, в протоколе судебного заседания в особом порядке не во всех случаях фиксируются показания и вообще проводится допрос. В этой связи напрашивается вывод, что все же следует разграничивать протокол и показания, поскольку протоколы в судебной практике имеют место и без показаний участников уголовного судопроизводства. Кроме

²⁵⁸ Агибалова В. О. Процессуальные и иные документы как источник доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 80.

того, протоколы бывают разных видов: в одних фиксируются сведения, собранные при производстве следственных и судебных действий, других – констатируется осуществление определенного действия (например, протокол ознакомления с материалами уголовного дела – ст. 218 УПК РФ).

Интерес представляет мнение В. Я. Дорохова, который писал, что «человек является для всех без исключения источников доказательств носителем информации, в частности, источниками показаний и заключения будут лица, дающие показания и заключения; источниками протоколов следственных и судебных действий и документов выступают лица, составившие протокол – документ; источником вещественных доказательств является следователь, понятые, а также граждане, нашедшие и представившие органам расследования предмет»²⁵⁹. Поэтому все источники доказательств можно отнести к личным доказательствам, поскольку источником выступает лицо, личность, как участник уголовного судопроизводства.

Думается, в основе признания доказательств может быть следующее обоснование. Личность, лицо, участник уголовного судопроизводства – это наиболее распространенный носитель сведений, имеющих отношение к факту совершенного преступления, следовательно, необходимо, прежде всего выявить, кто владеет информацией. В зависимости от определенных обстоятельств участник уголовного процесса приобретает статус свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого²⁶⁰. Органы уголовного преследования и суд осуществляют расследование по уголовному делу не с безличным носителем информации, а с лицом, занимающим определенное процессуальное положение. Законодатель в соответствии с этим предусматривает различный порядок производства следственных и судебных действий вышеуказанных участников уголовного процесса. Например, в отношении несовершеннолетних Г. Гросс отмечал, что допрос несовершеннолетних требует особой осторожности; стремясь

²⁵⁹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 213.

²⁶⁰ Гавриленко А. А. Проблемы изучения личности подсудимого в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 345. С. 104.

выяснить истину, надо всегда принимать во внимание юность допрашиваемого и вести допрос соответствующим образом²⁶¹.

Разное процессуальное положение влечет и разный порядок такого следственного действия, как допрос, действия, направленного на получение показаний. В соответствии с этим, как мы отмечали, существуют показания свидетеля, показания потерпевшего, показания подозреваемого, показания обвиняемого. Однако возникает вопрос, почему законодатель не регламентирует в ст. 74 УПК РФ показания такого участника уголовного судопроизводства, как показания подсудимого. Вероятно, законодатель исходит в данной законодательной классификации источников доказательств из того перечня участников, которые закреплены в разделе II УПК РФ. Подсудимый не является самостоятельным отдельным участником уголовного процесса, в ч. 2 ст. 47 УПК всего лишь закреплено: обвиняемый, в отношении которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. То есть фактически подсудимый обладает всеми правами обвиняемого. Однако, если мы обратимся к процессуальным правилам судебного следствия, то очевидны ст. 247, 275, 276 УПК РФ. И возникает позиция, если в зале судебного заседания судья не ограничивается оглашением показаний подсудимого, данных в ходе предварительного расследования, а допрашивает в ходе судебного следствия, не исключено, что подсудимый даст абсолютно новые показания, неизвестные и не данные в ходе предварительного расследования. Разве эти показания не будут расцениваться в качестве сведений, в последствии которым придадут юридическую силу доказательства. Значит, показания подсудимого как участника уголовного судопроизводства, должны также иметь силу источника доказательств. Более того, по делам частного обвинения, когда подсудимый не был в статусе обвиняемого, разве нельзя показания подсудимого воспринимать в качестве источника доказательств. На наш взгляд, п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ следует дополнить таким источником, как показания подсудимого.

Заметим и то, что в УПК РФ не в полной мере закреплен перечень лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетеля (ст. 56 УПК РФ). Так, в свете Указа Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188, Основ законодательства о нотариате, нотариусу

²⁶¹ Гросс Г. Руководство к расследованию преступлений. М., 1930. С. 13.

запрещено разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением профессиональной деятельности. Следовательно, перечень лиц, указанных в ст. 56 УПК РФ целесообразно дополнить нотариусом²⁶².

Кроме того, судья исследует не только сведения об обстоятельствах совершенного преступления, но и изучает личность участников, дающих показания. Любая информация, которую получают от участников процесса, несет в себе отпечаток его личности: возраст, дееспособность, способность правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить информацию, отношения участников процесса друг с другом, заинтересованность в исходе дела, судья учитывает и наличие свидетельского иммунитета. В этой связи мы полагаем правильным именовать доказательств личными относить к критерию принадлежности к статусу участника уголовного процесса и к даче этим участником показаний, причем показания могут быть закреплены не только в ходе допроса, но и в других следственных, судебных действиях. Правильное понимание источников, видов доказательств позволит наиболее грамотно, планомерно, результативно построить процесс аргументации в суде. Состязательная концепция уголовного процесса несостоятельна без правильного и полного исследования доказательств, личные доказательства выступают неотъемлемым компонентом аргументирующей составной той или иной стороны процесса.

4.2. Вещественные доказательства и их смысловое содержание

Вопрос о доказательствах и доказывании в уголовном процессе издавна привлекал внимание дореволюционных и современных процессуалистов России. На эту тему написаны тысячи фундаментальных работ, учебников, практических пособий, статей.

Крупные и принципиальные изменения в уголовном процессуальном праве касаются и вещественных доказательств.

²⁶² Загорский Г. И. Нормы УПК РФ нуждаются в совершенствовании [Электронный ресурс] // Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства», Санкт-Петербург, 11–12 окт. 2007 г. URL: www.iuoj.net.

Обновление норм о доказательствах неизбежно в условиях усиления функции судебной власти, ее независимости и построения уголовного судопроизводства на основе принципа состязательности. Непосредственное отношение к понимаю, что такое вещественные доказательства имеет общее понятие доказательств по уголовному делу сформулированное в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Ими являются любые сведения, в соответствии с которыми суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно такие сведения представляют собой содержание любого доказательства.

По мнению большинства современных ученых, это определение доказательств является правильным. Мы попытаемся раскрыть некоторые особенности вещественных доказательств, а именно те моменты, которые вызывают трудности при исследовании и оценке вещественных доказательств.

Так, в основе классификации доказательств на личные и вещественные лежит механизм формирования источника сведений о фактах. Личными доказательствами считаются все сведения, исходящие от людей: показания обвиняемых, подозреваемых, свидетелей, потерпевших, заключения и показания экспертов, заключения и показания специалистов, а равно протоколы соответствующих следственных и судебных действий. Общим для такого рода доказательств является психическое восприятие и переработка живым человеком определенных событий и передача сведений о них в языковой форме.

В научной литературе существует немало позиций по поводу определения, что такое вещественные доказательства. Например, В. К. Бобров в качестве вещественного доказательства рассматривает материальные носители доказательственной информации²⁶³. В. А. Михайлов полагает, что вещественные доказательства – это материальные предметы (вещи), которые носят на себе следы преступления и вообще вмещают в себя данные для его выяснения²⁶⁴.

Л. Т. Ульянова под вещественными доказательствами понимает предметы материального мира, сохранившие свойства, способные устанавливать обстоятельства, имеющие значение для

²⁶³ Советский уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 1990. С. 111.

²⁶⁴ Уголовный процесс. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 1997. С. 142.

дела, собранные, проверенные и оцененные в установленном законом порядке²⁶⁵.

Мы придерживаемся аналогичной позиции и полагаем, что вещественные доказательства – это любые объекты материального мира, обладающие признаками или свойствами носителей доказательственной информации, полученные и приобретенные к уголовному делу в установленном законом порядке.

Вещественные доказательства являются очень ранним видом судебных доказательств. Они с древних времен широко использовались в русском процессе. Им придавалось большое значение при рассмотрении судебных дел. Следует отметить, что в ст. 3 договора Руси с Византией говорилось о большом значении явных, видимых следов преступления «да елико яве будет показания явленными, да имеют верное о тацех явлении». Доказывание с помощью вещественных доказательств, как правило, было связано с косвенными уликами, оперирование которыми могло быть успешно только при надлежаще развитой общей теории доказательств. Система же доказательств в древнерусском процессе была неразвита. Возбуждение уголовных дел происходило по инициативе потерпевших. Разбирательство дела носило характер спора, в котором признание обвиняемым или ответчиком требований потерпевшего или истца устраняло необходимость дальнейшего судебного рассмотрения дела и представления доказательств²⁶⁶.

В современном законодательстве к вещественным доказательствам относятся любые предметы, если они обладают определенными качествами (ч. 1 ст. 81 УПК РФ).

Во-первых, предметы, которые служили орудиями преступления. Под ними следует понимать любые материальные объекты, специально изготовленные, приспособленные или найденные на месте, которые были использованы для подготовки или совершения преступления, а также для сокрытия его следов. К орудиям преступления, в частности, необходимо относить, например, нож, которым было совершено убийство; топор, которым взломали замок входной двери при совершении кражи.

Во-вторых, предметы, которые сохранили на себе следы преступления. К ним относятся материальные объекты, на кото-

²⁶⁵ Уголовный процесс : учебник / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1996. С. 127.

²⁶⁶ См.: Эверс Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 151.

рых отобразилось воздействие события уголовного правонарушения. Такими предметами, например, являются одежда с огнестрельными повреждениями, взломанный замок от входной двери.

В-третьих, предметы, на которые были направлены преступные действия. Под ними понимаются конкретные вещи, на которые было непосредственно направлено преступное посягательство, к примеру, похищенные вещи, автомобиль.

В-четвертых, имущество, деньги и иные ценности, полученные в результате преступных действий либо нажитые преступным путем. К ним, в частности, относятся: дорогостоящие предметы, купленные на похищенные деньги; наличные деньги, сырье и изделия из драгоценных металлов и камней; иные ценные вещи, приобретенные от сбыта похищенного имущества или в результате преступной деятельности.

В-пятых, иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. К ним могут быть отнесены предметы, забытые или брошенные преступником на месте происшествия (если только они не относятся к орудиям преступления или предметам преступного посягательства).

Основным признаком отнесения предмета к вещественным доказательствам являются отражение преступного события внешней и внутренней структурой этого предмета и передача доказательственной информации в виде следов, доступных непосредственному наблюдению.

Для того чтобы объект материального мира получил статус вещественного доказательства по уголовному делу, законодательством предусмотрены процессуальные правила его оформления (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Кроме того, чтобы предметы реальной действительности признать вещественным доказательством, нужно учитывать, что они должны отвечать таким свойствам (или признакам), как относимость, допустимость, достоверность и достаточность.

Относимость доказательств определяет их способность устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Таким образом, относимым является любое доказательство, которое способно своим содержанием устанавли-

вать обстоятельства, которые являются важными для производства по уголовному делу.

В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует формализованный перечень требований, при соответствии которому доказательство будет признано относимым. Это вряд ли возможно, поскольку при производстве по каждому уголовному делу нельзя определить исчерпывающий перечень сведений, которые имеют значение для его рассмотрения и разрешения.

Достаточно обширный перечень требований, которые делают доказательства относимыми, выработан уголовно процессуальной наукой.

К относимым принято причислять доказательства, которые могут быть использованы, по крайней мере, для одной из следующих целей: 1) для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания; 2) для обнаружения других доказательств; 3) для установления промежуточных обстоятельств, совокупность которых позволяет, в конечном счете, установить обстоятельство, входящее в предмет доказывания; 4) для дублирующего установления фактов и обстоятельств, уже установленных другими доказательствами в целях проверки и усиления надежности системы доказательств данной версии; 5) для опровержения фактов, относящихся к другим версиям, выдвинутым по уголовному делу; 6) для проверки полноты и достоверности собранных доказательств путем исследования условий их формирования, передачи, хранения²⁶⁷.

Допустимость доказательств выражается в законности способа и порядка их получения, а также процессуального оформления. Допустимые доказательства должны отвечать следующим обязательным условиям.

Во-первых, они должны быть получены в результате деятельности уполномоченных на то должностных лиц и государственных органов (например, следователем по находящемуся в его производстве уголовному делу, дознавателем в порядке выполнения поручения следователя о производстве отдельных следственных действий и т. п.).

Во-вторых, доказательства должны быть получены из предусмотренного законом источника (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Не мо-

²⁶⁷ Уголовный процесс / отв. ред. А. В. Гриненко. М., 2004. С. 108.

гут служить доказательствами по уголовному делу анонимные заявления, слухи, информация, полученная в результате применения оперативно-разыскных мероприятий, без проверки ее следственным путем.

В-третьих, доказательства должны быть получены в установленном законом порядке. Даже если сведения были получены из законного источника, но с отступлением от регламентированной УПК РФ процедуры, допустимость доказательственного материала ставится под сомнение.

В-четвертых, доказательства должны быть зафиксированы способом, предусмотренным уголовно-процессуальным законом. Если это чьи-то показания, то они должны исходить от лица, обладающего статусом соответствующего участника процесса. Если доказательственная информация устанавливается с помощью предметов и документов, то они должны быть надлежащим образом процессуально оформлены (зафиксированы в протоколе следственного действия, при производстве которого были обнаружены) и приобщены к уголовному делу²⁶⁸.

Если доказательство не отвечает хотя бы одному из вышеперечисленных требований, можно признать его недопустимым. Поскольку, согласно ч. 2 ст. 75 УПК РФ, к недопустимым доказательствам относятся доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, такие доказательства, в соответствии с ч. 1 этой же статьи, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, образующих предмет доказывания.

Достоверность доказательств выражается в их соответствии действительным обстоятельствам произошедшего события. Признать доказательство достоверным может любое должностное лицо уголовного судопроизводства, однако от имени государства признать доказательство таковым может лишь суд. Обвинительный приговор не может быть основан на доказательствах, достоверность которых вызывает сомнение. Противоположностью достоверных доказательств являются недостоверные сведения, которые ввели в заблуждение органы и должностных лиц уголовного судопроизводства.

²⁶⁸ Громов Н. А., Зейгалова Л. М. Уголовный процесс. М., 2004. С. 64.

Достаточность доказательств выражается в способности установить при помощи данных доказательств все без исключения обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ), а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Достаточными являются доказательства, которые позволяют вынести по уголовному делу законное, обоснованное и мотивированное решение. Хотя в ч. 1 ст. 88 УПК РФ речь идет о достаточности всей совокупности доказательств для разрешения уголовного дела, критерий достаточности доказательств надлежит применять и в процессе принятия иных решений (о привлечении лица в качестве обвиняемого, о прекращении уголовного дела, о направлении уголовного дела в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом и др.).

Все вещественные доказательства обычно делят на первоначальные и производные. Первоначальные – это первоисточник сведений о подлежащем установлению факте. Производные – это доказательства, содержащие сведения, взятые из другого источника. Тот или иной предмет может приобрести значение вещественного доказательства по уголовному делу, например, вследствие взаимодействия его как следовоспринимающего объекта с лицом, причастным к происшествию, или с орудием преступления.

Специфика производных вещественных доказательств заключается в том, что они передают отдельные свойства первоначального вещественного доказательства, поскольку в ряде случаев получение производного вещественного доказательства может быть сопряжено с разрушением первоначального, невозможностью его повторного осмотра.

Изъятие и приобщение к делу таких предметов иногда оказывается практически невозможным ввиду их громоздкости, хрупкости и т. п. Поэтому и прибегают к их моделированию, к получению производного доказательства. При этом, конечно, не имеется в виду создание какого-то нового вещественного доказательства. Так, изготавливая слепок, следователь лишь переносит в него как в модель следа информацию о признаках и свойствах определенного, уже существующего предмета²⁶⁹.

В этой связи В. Т. Варфоломеева точно определяет, что применительно к вещественным доказательствам есть несколько ви-

²⁶⁹ Варфоломеева Т. В. Производные вещественные доказательства. М., 1980. С. 4

дов моделей: макеты, рисунки, слепки, оттиски, фотоснимки и т. д. В основе формирования таких моделей, как макеты и рисунки, лежит субъективное восприятие признаков моделируемого объекта, что существенно влияет на полноту и точность воспроизведения его признаков. Даже в тех случаях, когда рисунки выполняются путем обводки контуров предмета (через стекло, просвечиванием и т. п.), эта точность весьма относительна. Такого рода модели, как правило, не могут служить идентифицирующими объектами в экспертном исследовании вещественных доказательств. Совершенно иное значение имеют слепки, оттиски и фотоснимки.

Полученные путем контактного моделирования, они являются по своей сущности производными вещественными доказательствами, и именно эти модели используются обычно в идентификационных судебно-экспертных исследованиях. Заметим, что большинство современных авторов данные предметы относят к иным документам. Указанные модели можно разделить на три группы: 1) полученные следователем непосредственно с вещественных доказательств при проведении следственных действий; равно как и сами вещественные доказательства, они служат для установления идентифицируемого объекта; изготовленные с соблюдением процессуальных норм, такие модели могут выступать в качестве производных вещественных доказательств; 2) полученные следователем или судом в качестве образцов для сравнительного исследования; 3) изготовленные экспертом в процессе проведения экспертизы²⁷⁰.

Следует отметить и то, что если вещественное доказательство не может храниться при уголовном деле, в УПК РФ предусматривается их обязательное фотографирование. В процессуальном отношении фотоснимки могут выступать в трех качествах: а) как приложения к протоколам следственных действий; б) как вещественные доказательства – первоначальные и производные; в) как документы. Фотоснимки приложения – это дополнительные к протоколу носители информации и (вместе с протоколом следственного действия) источники доказательств. Можно полагать, что в ряде случаев они служат производными вещественными доказательствами, когда воспроизводят признаки и свойства моделируемого объекта.

²⁷⁰ Варфоломеева Т. В. Указ. соч. С. 8.

Деление вещественных доказательств на первоначальные и производные является классическим и общепризнанным. Тем не менее наука уголовного судопроизводства достаточно активно развивается, и современные авторы предлагают новые классификации вещественных доказательств.

Например, представляется интересной позиция Ю. В. Худяковой, которая предлагает классификацию вещественных доказательств.

По пригодности для решения того или иного уровня экспертных задач: 1) вещественные доказательства, используемые для решения идентификационных задач; 2) вещественные доказательства, используемые для решения неидентификационных задач: а) для решения вопроса классификационного или диагностического характера (о групповой принадлежности); б) для решения вопросов, связанных с ситуационными задачами.

По характеру связей между вещественными доказательствами и событием преступления: 1) вещественное доказательство, которое имеет генетическую связь с событием преступления; 2) вещественное доказательство, которое имеет функциональную связь с событием преступления; 3) вещественное доказательство, которое состоит в объемной связи с событием преступления; 4) вещественное доказательство, которое состоит в субстанциональной связи с событием преступления; 5) вещественное доказательство, которое состоит в связи преобразования с событием преступления. Эта классификация позволяет оценить вещественное доказательство и выводы эксперта при его исследовании.

По способности вещественного доказательства устанавливать обстоятельства, подлежащие обязательному доказыванию, изложенные в ст. 73 УПК РФ: 1) вещественные доказательства, устанавливающие событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) вещественные доказательства, способствующие установлению виновности лица в совершении преступления; 3) вещественные доказательства, способствующие установлению обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого; 4) вещественные доказательства, способствующие установлению характера и размера вреда, причиненного преступлением; 5) вещественные доказательства, способствующие установлению обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния; 6) вещественные доказательства, способствующие установлению смягчающих и отягчающих

обстоятельств; 7) вещественные доказательства, способствующие установлению обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; 8) вещественные доказательства, содействующие выявлению обстоятельств, способствующих совершению преступления.

В связи с этим немаловажным является опыт других стран при рассмотрении данного вопроса. Например, в уголовно-процессуальном законодательстве ФРГ к вещественным доказательствам относят объекты осмотра и документы. В качестве объектов осмотра служат не только материальные предметы, но и физические лица, различные процессы (вещи, предметы, живые лица, трупы). Это обуславливает и специфические формы осмотра. Он может производиться с помощью любого органа чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания). Для понятия документа, наоборот, характерно его узкое толкование только как письменного документа²⁷¹. Иными словами, к вещественным доказательствам относят все, что можно исследовать при помощи наших органов чувств²⁷².

Думается, данные классификационные позиции имеют важное научное и практическое значение, поскольку классификация в теории доказательств, как и в других областях знаний, заключается в том, что она способствует систематизации накопленных знаний, обеспечивает правильное использование понятий и терминов, устраняет двусмысленность и неоднозначность языка науки.

Нередко возникают вопросы по разграничению документов как самостоятельного вида доказательства от документов – вещественных доказательств. В случаях, когда документы имеют следы подделок, подчисток, травления или обладают другими признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, они являются вещественными доказательствами. В этой связи необходимо выполнить процессуальные правила, регламентирующие порядок приобщения к уголовному делу вещественных доказательств и их хранения (ст. 81–82 УПК РФ). В случае утраты доказательства, имеющего статус «киного документа», зачастую возможно получение его дубликата: новой справки, копии акта ревизии или документальной

²⁷¹ Ковалев М. А. Книга о теории доказательств в уголовном процессе ФРГ // Вестн. МГУ. Сер. Право. 1995. № 2. С. 87–88.

²⁷² Худякова Ю. В. Вещественные доказательства в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 6.

проверки. Документ, обладающий признаками вещественного доказательства, незаменим. Поэтому в случае его утраты невозможно получить доказательство, имеющее такое же значение.

Источником доказательств применительно к «иному документу» выступает автор документа. Правовое положение указанного источника доказательства определяется компетенцией автора документа, которая ограничивается пределами выполняемых им функций.

В заключение хотелось бы отметить, что правильное понимание, что такое вещественные доказательства, как их можно делить на виды и чем они отличаются от других видов доказательств, позволит правильно собирать, исследовать, проверять и оценивать доказательства по уголовному делу, а в целом не совершать ошибки в процессе доказывания. Профессиональная честь судьи, следователя, дознавателя, прокурора требует, чтобы любые решения, принимаемые по уголовным делам, строго соответствовали закону, их внутреннему убеждению, фактическим обстоятельствам дела. Они не вправе принимать решения, противоречащие закону. Кроме того, личное восприятие судьей вещественных доказательств выступает серьезным убеждающим фактором, в этой связи мы можем предположить, что именно вещественные доказательства, имеющие силу прямого доказательства, при оценке всех доказательств в своей совокупности, выступают весомым аргументом при вынесении приговора по уголовному делу. В результате опроса судей 95 % опрошенных высказали мнение о том, что именно вещественные доказательства, к примеру орудие преступления, позволяют не только построить версии по ходу предварительного расследования, но и в быстрые сроки расследовать преступление. Кроме того, наличие вещественных доказательств по уголовному делу также позволяет провести соответствующую экспертизу, соответственно, наличие как самого вещественного доказательства, отвечающего всем признакам и свойствам доказательств, а также и проведенная экспертиза в своей связи будут служить доказательствами, обладающими наиболее аргументирующей убеждающей силой.

4.3. Недопустимые доказательства с позиции судебной практики

Принимать решение по вопросу о допустимости доказательств именно в процессе предварительного слушания, а не после его проведения рекомендовали П. А. Лупинская²⁷³, Н. В. Радутная²⁷⁴.

Недопустимыми доказательствами признают те письменные объяснения, протоколы следственных действий, заключения эксперта, специалиста, протоколы допросов, которые получены с одновременным нарушением права на защиту²⁷⁵.

Признание доказательств недопустимыми влечет процессуальные последствия при рассмотрении уголовного дела в суде.

По результатам рассмотрения вопроса о допустимости доказательств судья вправе принять следующие решения: о признании доказательств недопустимыми полностью, о признании доказательств недопустимыми в определенной части, об отклонении ходатайства об исключении доказательства и признании соответствующего доказательства допустимым; об отложении рассмотрения вопроса о допустимости доказательств до стадии судебного разбирательства.

Признание доказательств недопустимыми не означает их изъятие из уголовного дела или тем более их уничтожение. Доказательства, признанные недопустимыми, сохраняются в деле «на тот случай, если возникает сомнение в правильности вывода об их недопустимости», поскольку в таком случае возникает необходимость в проведении соответствующей проверки²⁷⁶. Более того, исторические тенденции уголовного судопроизводства таковы, что не любые нарушения должны влечь указанные в законе последствия (отмену приговора), а лишь существенные, т. е. такие, которые

²⁷³ Лупинская П. А. Проблемы допустимости доказательств при рассмотрении дел судом присяжных // Вестн. Саратов. гос. акад. права. 1996. № 3. С. 39.

²⁷⁴ Радутная Н. В. Порядок разрешения на предварительном следствии ходатайства о рассмотрении дела судом присяжных // Рассмотрение дел судом присяжных : науч.-практ. пособие для судей. Варшава, 1997. С. 99.

²⁷⁵ Григорьева Н. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Рос. юстиция. 1995. № 11. С. 39.

²⁷⁶ Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. М., 1993. Гребенкин П. И. Допустимость доказательств в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2002. С. 86.

повлияли или могли повлиять на достоверность полученного результата и при этом обладают качеством невосполнимости²⁷⁷.

Вынесенное решение судьи о признании доказательства недопустимым не является окончательным и в ходе судебного заседания стороны могут ходатайствовать об исследовании исключенного ранее доказательства.

В судебной практике доказательство может быть признано недопустимым в определенной части. Например, может быть признана недопустимой та часть заключения эксперта, которая касается исследования тех предметов, которые были обнаружены и изъяты с нарушением закона.

Судебная практика пошла по пути, предложенному П. А. Лупинской, до сих пор актуальны идеи «чая и чернила» (ложка чернил портит стакан чая) и «разбитого зеркала» (если зеркало разбилось, посмотрим, что отражается в его кусочке) – судьи предпочитают первую идею. И в этой связи немаловажны слова С. А. Пашина: «... необходимо проследить всю цепочку употребления таких материалов и упоминаний о них в деле и четко указывать, какие абзацы или строки документов в связи с принятым им постановлением не подлежат произнесению при оглашении»²⁷⁸.

Допускаются различные нарушения требований УПК РФ, например: отсутствие подписи одного или двух понятых при производстве следственных действий, производство последних с участием одного понятого, неподписание следователем протокола следственного действия, предъявление для опознания только одной фотографии, проведение опознания при наличии менее трех предметов или разнородных предметов, отсутствие в материалах уголовного дела звукозаписи допроса, производство следственных действий по окончании срока предварительного следствия без продления его в предусмотренном законом порядке, отсутствие указания на дату производства следственных действий в протоколах последних, в протоколе допроса отсутствие указания на время окончания допроса и др. Последствия выявления этих нарушений будут различны: в одних случаях отмена приговора, в других – частное определение.

²⁷⁷ Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 46–50; Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 76–77; Хмыров А. А. Проблемы теории доказывания. Краснодар, 1996. С. 13–14.

²⁷⁸ Пашин С. А. Указ. соч. С. 89.

Вопрос недопустимости доказательств рассматривают с трех позиций. Во-первых, если сведения получены с нарушением предусмотренной законом формы, они независимо от характера процессуальных нарушений не будут иметь значения доказательств, поскольку форма их выявления и обнаружения лишает эти сведения их достоверности. Во-вторых, никакие нарушения не дают основания оставить без оценки по существу то или иное из рассмотренных доказательств, исключить его за недопустимостью. В-третьих, нарушение процессуальной формы собирания доказательств не всегда влечет автоматически исключение этих доказательств из сферы доказывания.

С позиции аргументирующей силы доказательств целесообразно учитывать следующие рекомендации. Необходимо четко разграничивать факты нарушения закона при получении доказательств и при составлении процессуальных документов. О нарушении при сборе и закреплении доказательств можно делать выводы только тогда, когда будет установлено явное несоблюдение норм УПК РФ. Факты нарушения УПК РФ не стоит отождествлять даже с обоснованными сомнениями в законности получения доказательств. Думается, стоит согласиться с авторами, которые полагают, что при наличии сомнений не рекомендуется спешно исключать доказательства из дальнейшего рассмотрения уголовного дела. Напротив, в процессе судебного разбирательства по существу необходимо тщательно исследовать обстоятельства, при которых были собраны материалы, и лишь затем определять юридическую силу доказательств. Следующее, на что нужно обратить внимание: для сторон обвинения и защиты в равной мере действуют требования по допустимости доказательств и их оценке. Смешивать сомнения в доказанности вины, толкуемые в пользу защиты, и факты нарушений закона нельзя²⁷⁹.

УПК РФ закрепляет нормы о свидетельском иммунитете. Статья 56 УПК РФ регламентирует: не подлежат допросу в качестве свидетелей: судья, присяжный заседатель – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу; адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах,

²⁷⁹ Агибалова В. О. Процессуальные и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 63.

ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием; адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи; священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди; член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без их согласия – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий.

Возникает вопрос: а могут ли допрашиваться в качестве свидетелей следователи, судьи, прокуроры?

Недопустимы показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Запрет на показания по слуху относится только к тем сведениям, источник которых не может быть определенно указан свидетелем. Если же свидетель ссылается на конкретное лицо, от которого он услышал относящиеся к делу сведения, его показания допустимы. Данная норма, на взгляд А. В. Смирнова, К. Б. Калиновского, исключает догадки, предположения и слухи лишь из предмета показаний свидетеля как доказательства, но не из предмета его допроса. Сообщаемые свидетелем предположения и слухи, не будут доказательством, тем не менее могут играть роль ценной ориентирующей информации, позволяющее определить направление расследования или судебного следствия. Так, например, из материалов уголовного дела в отношении Ч., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 111 ч. 1 УК РФ, следует, что в ходе ссоры Ч. умышленно, с целью причинения телесных повреждений подсудимый Ч. нанёс удар стеклянной бутылкой по голове потерпевшему Х., упавшего без сознания потерпевшего Х. подсудимый Ч. стал избивать, нанося удары ногами в область живота, а затем кочергой и деревянной скамейкой, нанёс потерпевшему несколько ударов в область грудной клетки. В ходе судебного следствия потерпевший показал, что подсудимый Ч. избивал его, лежащего в бессознательном состоянии, кочергой и скамейкой. Такой вывод потерпевший сделал, обнаружив рядом с собой погнутую кочергу и сломанную скамейку, при этом на спине и по бокам у него имелись характерные повреждения в виде полос. Кроме того, по данному делу свидетель Н. пришёл после этого и тоже видел

изогнутую кочергу и сломанную скамейку, его предположения в суде также сводились к тому, что подсудимый Ч. бил потерпевшего Х. данными предметами. Из показаний свидетеля Н. в суде также следует, что первоначально обвиняемый Ч. ударил потерпевшего Х. бутылкой по голове при этом отметил, что об этом факте ему рассказала сожительница обвиняемого – гражданка А.²⁸⁰

Как известно, процесс формирования свидетельских показаний состоит из трёх стадий: восприятие, запоминание и воспроизведение²⁸¹. Восприятие – это соединение ощущений с мыслительной деятельностью.

Продуктивность восприятия зависит от многих объективных (освещённость, цветовые контрасты, погодные условия, различные механические помехи, рельеф местности и т. д.) и субъективных факторов. Субъективные личностные качества воспринимающего обуславливают уровень понимания им происходящего, отношение к нему (например, темперамент субъекта, его интеллект, жизненный опыт, интересы, потребности, познания и т. п.). Качественные стороны восприятия определяют эмоциональную окраску воспринимаемого (радость, удовлетворение, гнев, возмущение, страх и т. д.).

Последующее переформирование представления о восприятии, которое может привести к добросовестному заблуждению, реализуется, когда событие, имевшее место в прошлом, становится предметом размышления о нём либо темой бесед с окружающими. При этом увиденное как снежный ком начинает «обращать» всё новыми и новыми деталями, не имевшими место в действительности. Возможен и другой вариант, когда по истечении времени некоторые факты и детали исчезают, стираются в памяти²⁸². Например, по уголовному делу в отношении С. (признанного невменяемым), совершившего запрещенное уголовным законом деяние, предусмотренное ст. 30 ч. 3 ст. 105 ч. 1 УК РФ, было установлено, что С., будучи в состоянии опьянения, нанёс спящему на диване в комнате потерпевшему Т. удар топором по голове. Свидетель В. в своих показаниях суду утверждала, что про-

²⁸⁰ Уголовное дело № 1-456-14 // Архив Шелеховского городского суда.

²⁸¹ Соловьёв А. Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии. М., 2002. С. 76.

²⁸² Защита по уголовному делу : пособие для адвокатов / под ред. Е. Ю. Львовой. М., 1998. С. 156.

снувшись от душераздирающих криков, войдя в комнату, она увидела окровавленный топор в руке С. мужа и зятя потерпевшего Т., метавшегося по дивану с раной в голове, из которой, по её выражению, «хлещет» кровь и всё вокруг залито кровью. В своих показаниях свидетель В. утверждала, что муж нанёс несколько ударов топором по голове спящему зятю. Однако, согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, объективно подтверждено нанесение одного удара топором по голове потерпевшего Т. Из этого следует, что свидетель В., находясь под впечатлением от увиденного, сделала вывод, что было нанесено несколько ударов топором по голове потерпевшего²⁸³.

Доказательственный потенциал любого судебного дела образуют не только доказательства в строгом процессуальном смысле, но и обширные области скрытой информации, требующей своей актуализации и аналитической работы с уже собранными источниками. Такое понимание доказательственной информации, наряду со строго процессуальным пониманием доказательств, в наибольшей степени соответствует потребностям практики и задачам судопроизводства²⁸⁴.

Согласно основам законодательства РФ о нотариате, нотариусы среди совершаемых ими действий свидетельствуют верность копий документов и выписок из них; подлинность подписи на документах; верность перевода документов с одного языка на другой. В случае заверения перевода, если нотариус не владеет соответствующими языками, перевод может быть сделан переводчиком, подлинность подписи которого свидетельствует нотариус. При этом, свидетельствуя подлинность подписи, нотариус не удостоверяет фактов, изложенных в документе, а лишь удостоверяет, что подпись сделана определенным лицом. Кроме того, на практике, нотариусы зачастую не оглашают вслух составленные ими документы и не разъясняют гражданам вытекающие из этих документов права или обязанности. Последнее более наглядно рассмотрим на примере.

По приговору Красноярского краевого суда от 12 апреля 2010 г. Ф. и другие осуждены за мошенничество, вымогательство, похищение людей, а С. и Р. – за превышение должностных пол-

²⁸³ Уголовное дело № 1-95-14 // Архив Шелеховского городского суда.

²⁸⁴ Нисов В. А., Зубенко С. В. Правовое и информационное обеспечение доказательственной деятельности в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2009. № 5. С. 29.

номочий. Одновременно по данному делу суд вынес частное определение, которым обратил внимание президента нотариальной палаты Красноярского края на нарушения, допущенные нотариусом и помощником нотариуса при удостоверении доверенностей и совершении других нотариальных действий, связанных с отчуждением жилья потерпевших. Частное определение было вынесено на основании выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан (согласно ч. 4 ст. 29 УПК РФ), поскольку, как следует из материалов дела, потерпевшие суду показали, что тексты документов у нотариусов уже были изготовлены, нотариусы им ничего не разъясняли. Они подписывали документы, не зная их сути. Кроме того, потерпевшие показали, что при подписании документов у нотариуса они были в нетрезвом состоянии. Потерпевший Л. также показал, что он был убежден, что подписывает документ на сдачу своего дома в аренду, а о продаже его узнал спустя длительное время. Также судом установлено, что по данному делу большинство доверенностей для целей отчуждения квартир и иные документы оформлялись нотариусом и его помощником под чужими именами²⁸⁵.

Таким образом, прежде чем приобщать к материалам дела в качестве иных документов документы, заверяемые нотариусом, необходимо подвергать их проверке на предмет подлинности изложенных в них фактических обстоятельств. В противном случае могут быть вполне обоснованными ходатайства о признании подобного рода доказательств недопустимыми.

²⁸⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 53-О11-57 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2012. № 4. С. 76.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В суде первой инстанции доказательства выступают не столько сведениями, информацией или фактами, сколько именно аргументами. Аргументы представляют собой одно или несколько связанных между собой утверждений. Посредством аргументации мы строим логичную систему убеждающих аргументов. С позиции логики доказательства на досудебных стадиях выступают в форме тезисов – сведений, которые еще нужно исследовать и оценить в суде. Такой процесс осуществляется посредством приведения доводов, которые позволяют выдвинутые тезисы расценивать как обоснованные аргументы в пользу виновности или невиновности подсудимого. Из сложившихся аргументов формируется внутреннее убеждение судьи.

Особое значение в науке придают делению доказательств на прямые (одноступенчатые) и косвенные (многоступенчатые). В основу деления положено различие структуры обоснования доказываемого обстоятельства. Прямые доказательства обосновывают ближайший тезис, косвенные – как ближайший, так и последующие. В судебной деятельности выделяют и так называемые нейтральные доказательства. Например, иные документы чаще всего по уголовному делу остаются нейтральными доказательствами. В научной литературе можно встретить и такой вид доказательств, как ущербное доказательство.

В историческом аспекте интерес представляет классификация доказательств, среди которых имели место так называемые полные доказательства. В частности, полным доказательством считались показания не менее двух свидетелей, ценность которых зависела от личного статуса давшего их лица. Доказательства классифицировались на совершенные и несовершенные. В 1864 г. законодательно определялась сила доказательств. Например, признание подсудимого считалось лучшим, совершенным доказательством. Сила доказательств определялась не содержанием и соответствием признакам доказательств, а преимуществом в зависимости от социального статуса источника доказательств. В настоящее время с учетом исторических классификаций, в аспек-

те процесса аргументации, мы выделяем убедительные и неубедительные доказательства для внутреннего убеждения суда.

Заметим, Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. отменялась система формальных доказательств. Более того, Устав провозгласил состязательность и вынесение приговора по внутреннему убеждению судьи. В научных трудах авторы обосновывали в качестве цели уголовного судопроизводства – достижение истины по делу.

Применительно к теме научного исследования подчеркнем, основы аргументирующей силы доказательств уходят в философию. Аргументация рассматривается в качестве полярного явления, когда имеют место две противоположные точки зрения. В этой связи философы в основу аргументации закладывают принципиальные положения аналогии и полярности. Однако процессу доказывания наиболее близка гносеология, теория познания. Мы полагаем, что познание лежит в основе процесса доказывания, а аргументация выступает такой мыслительной деятельностью, которая направлена на субъектные отношения, когда есть оппонент, а не только объект познания. Аргументация реализуется с коммуникативной позиции, более того, в основе аргументации заложено противоборство двух сторон: обвинения и защиты, порою в условиях правового конфликта.

Аргументацию изучают и в аспекте аналогии, которая является в какой-то мере обратной операцией к полярности. С позиции презентизма аргументация реализуется в свете трансформации негативного в позитивное.

В основе аргументации заложена идея критического мышления. Смысл заключается в том, что критика открывает путь к развитию мысли. Критика позволяет придать сомнению, казалось бы, очевидные факты, посредством анализа доводов за и против предлагаемых позиций по уголовному делу и подвергать эти взгляды, мнения, выводы всесторонней проверке. Например, при признании доказательств недопустимыми. Критический аргументированный процесс получил название критической дискуссии. Критическую дискуссию определяют как обмен речевыми актами между собеседниками.

Следовательно, целесообразно аргументацию рассматривать в качестве коммуникации, в процессе которой некоторое лицо созна-

тельно производит изменения в системе убеждений другого лица путем приведения достаточных для этого рациональных оснований.

Для построения аргументации мы полагаем необходимым придерживаться основ, которые будут служить в качестве принципов аргументации. Соответственно, аргументация с точки зрения состязательности будет выступать в качестве логического рассуждения, когда одно суждение является предпосылкой другого суждения.

По нашему мнению, целью процесса аргументации должно выступать достижение истины по уголовному делу. Мы полагаем, что уровни мышления разные, и значит, доказательства будут иметь разную юридическую силу. Данный вопрос напрямую зависит от мысленного поля каждого конкретного участника уголовного процесса, те или иные доказательства имеют разной степени убедительную силу в принятии того или иного решения по уголовному делу.

Процесс аргументации можно сопоставить с этапами судебного разбирательства в общем порядке в суде первой инстанции и выделить стадии конфронтации, открытия спора, непосредственно аргументации, критики и заключительную стадию.

Аргументация должна основываться не только на законах логики и философских воззрениях, принципах применения, но и соответствовать международным стандартам состязательности.

Наиболее ярко реализуется аргументация в судебном следствии и прениях сторон, в которых стороны обвинения и защиты на основе анализа доказательств выдвигают свои аргументы в обоснование своей позиции о доказанности или недоказанности предъявленного подсудимому обвинения. Данные этапы судебного разбирательства имеют характерные черты спора противоборствующих сторон обвинения и защиты. Однако в подобного рода противоборстве стороны имеют разную весовую категорию, в частности сторона защиты является не столь равным субъектом при собирании доказательств по отношению к стороне обвинения. Например, защитник не имеет властно-распорядительных полномочий и зависим от органов уголовного преследования.

С другой стороны, в суде первым всегда выступает государственный обвинитель, который из тактических соображений должен продумать все возможные варианты аргументации со

стороны защиты. Тем не менее динамика защиты зависит от активности обвинения и от виновности подсудимого.

Для наиболее организованной защитительной позиции мы предлагаем установить процессуальную форму для опроса лица адвокатом, которая в свою очередь также, как и другие доказательства должна соответствовать требованиям допустимости.

Предлагаем законодательно закрепить процессуальный документ-согласование, в котором будет установлена достоверность обоюдности позиции подсудимого и защитника, а также и всех тех защитников, если их несколько, которые совместно защищают одного подсудимого. В наличии такого согласования судье целесообразно убедиться в начале судебного разбирательства.

Возникает немало вопросов о пределах, в которых осуществляется исследование доказательств по уголовным делам в суде первой инстанции. Зачастую имеет место формальный подход, когда суд сводит исследование доказательств к повторению предварительного расследования.

По нашему мнению, как состязательность, так и аргументация отсутствуют в особом порядке судебного разбирательства, поскольку исследование доказательств производится не в полной мере. Именно в процессе судебного следствия при исследовании доказательств проверяются и оцениваются юридические свойства доказательств – их относимость, допустимость, достоверность и достаточность.

В прениях сторон активность сторон проявляется не только в том, что активно работает обвинитель и защитник, а также и подсудимый, потерпевший или его представитель, гражданские истцы и ответчики. В прениях сторон аргументация имеет свое значение, поскольку анализу придаются доказательства, которые имеют наиболее убедительное воздействие для суда, им свойственна наибольшая юридическая сила, так как участники прений не имеют права ссылаться на те доказательства, которые не были заявлены для исследования или признаны недопустимыми.

В системе доказательств следует в УПК РФ регламентировать признаки рациональных и нецелесообразных презумпций и фикций, которые будут иметь или не иметь значение для исхода рассмотрения уголовного дела.

В суде первой инстанции аргументация сторон будет реальной только в том случае, когда будет реализовано непосредст-

венное исследование личных доказательств в суде. Нередки случаи, когда в судебной практике не должным образом исследуются личные доказательства, подменяются производными доказательствами.

Кроме того, в системе источников доказательств необходимо разграничивать показания и протоколы, поскольку протоколы в судебной практике имеют место и без показаний участников уголовного судопроизводства.

Деление вещественных доказательств на виды имеет важное практическое значение, обеспечивает правильное использование понятий и терминов, устраняет двусмысленность и неоднозначность. Необходимо отличать «иной документ» от «документа» – вещественного доказательства. Так, при утрате «иногo документа» возможно получение его дубликата: новой справки, копии акта ревизии или документальной проверки. Документ, обладающий признаками вещественного доказательства, незаменим. Поэтому в случае его утраты невозможно получить доказательство, имеющее такое же значение.

УПК РФ закрепляет положения о признании доказательств недопустимыми. Следовательно, можно полагать, что в самом тексте УПК РФ предусмотрены две группы доказательств: допустимые и недопустимые. Данная классификация построена по принципу оценки доказательств. То есть, если доказательства, полученные в соответствии с законом, обладают свойством допустимости, то у полученных вне или с нарушениями положений закона доказательств данного свойства, соответственно, нет. Об этом однозначно написано в УПК РФ: доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Также уточняется, что недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, и использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ (ч. 1 ст. 75 УПК РФ).

Однако далеко не каждое доказательство, обладающее всеми установленными законом юридическими свойствами, способно иметь юридическую силу и использоваться в качестве процессуального средства доказывания. В практической деятельности судей порою бывают такие ситуации, что доказательство, имеющее силу прямого доказательства, не всегда имеет убеждающее воздействие. Поэтому мы можем полагать, что помимо таких

свойств или признаков доказательств, как относимость, допустимость, достаточность, достоверность, можно и нужно при оценке доказательств в их совокупности выделять и такое свойство, как аргументированность.

Анализ судебной практики и Постановлений Конституционного Суда РФ позволяют сделать вывод о том, что судьи тем или иным доказательствам придают особенную значимость, чем и предопределяется их юридическая сила. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П закреплено: отказ государственного обвинителя от обвинения либо изменение им обвинения в сторону смягчения, так и принятие судом соответствующего решения могут иметь место лишь по завершении исследования *значимых* для такого рода решений *материалов дела* (курсив мой. – Е. Б.). Мы полагаем, что значимость материалов уголовного дела, которые выступают в качестве доказательств, и предопределяет силу аргумента в том или ином процессуальном вопросе. Кроме того, в позициях Конституционного Суда РФ очевиден и такой основополагающий термин философской теории аргументации, как «довод», в частности, в целях обеспечения прав и законных интересов участников процесса им должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые они считают необходимыми для ее обоснования²⁸⁶.

²⁸⁶ Рос. газ. 2003. 23 дек. С. 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосовани-ем 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.03.2016) // Собр. законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

3. О полиции : федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015; с изм.) // Рос. газ. – 2011. – № 189. – С. 7.

4. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 05.07.1995 № 144-ФЗ (с изм. и доп.) // Рос. газ. – 1995. – № 160. – С. 8.

5. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (в ред. федер. закона от 17.11.1995 № 168-ФЗ; с изм.) // Рос. газ. – 1995. – № 229. – С. 7.

6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 июня 2006 г. № 41-О06-32сп.

7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 янв. 2004 г. № 4-О03-188сп.

8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 мая 2011 г. № 4-002-142сп.

9. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 10 окт. 2003 г. № 5 // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 2003. – № 12. – С. 6.

10. О судебном приговоре : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 29.04.1996 № 1 // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 1996. – № 7.

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 28.05.2013 № 723-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 17, 88, 234 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 12.07.2005 № 323-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шулятьева Алексея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 12.07.2005 № 323-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 27.05.2004 № 183-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система. Документ опубликован не был.

14. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 № 465 // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 723-О // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

16. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.11.2011 № 53-О11-57 // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 2012. – № 4. – С. 76.

17. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституц. Суда РФ от 8 дек. 2003 г. № 18-П // Рос. газ. – 2003. – № 3371. – С. 4.

18. По делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР : постановление Конституц. Суда РФ от 15.01.1999 г. // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 4. – Ст. 602.

19. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституц. Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П // Рос. газ. – 2005. – 1 апр. – (№ 66). – С. 9.

20. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. Л. Гитиса и С. В. Абрамова : постановление Конституц. Суда РФ от 28.01.1997 № 2-П // Рос. газ. – 1997. – 18 февр. – С. 9.

Специальная литература

21. Агибалова, В. О. Процессуальные и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / В. О. Агибалова. – Краснодар, 2003. – 226 с.

22. Адамайтис, М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности / М. Адамайтис // Рос. юстиция. – 2003. – № 11. – С. 32–36.

23. Адвокат: навыки профессионального мастерства / под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. – М. : ВолтерсКлувер, 2006. – 592 с.

24. Александров, А. С. Перекрестный допрос в уголовном суде / А. С. Александров, С. П. Гришин // Рос. юстиция. – 2005. – № 11. – С. 25–30.

25. Алексеев, П. В. Теория познания и диалектика / А. В. Алексеев, П. В. Панин. – М. : Высш. шк., 1991. – 384 с.
26. Алексеев, С. С. Проблемы теории права / С. С. Алексеев. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – Т. 1. – 396 с.
27. Антонова, А. С. Проблемы, способствующие профессиональной деформации работников прокуратуры // Проблемы совершенствования прокурорского надзора : сб. ст. / под общ. ред. В. Н. Андриянова. – Иркутск, 2006. – С. 21–24.
28. Асмус, В. Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении / В. Ф. Асмус. – М. : Госполитиздат, 1954. – 88 с.
29. Атаев, К. А. Собрание доказательств защитником в рамках состязательного уголовного процесса / К. А. Атаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2 ч. Ч. 1. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 5 (31). – С. 16–18.
30. Балакшин, В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания : дис. ... д-ра юрид. наук / В. С. Балакшин. – Екатеринбург, 2005. – 533 с.
31. Балакшин, В. С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве / В. С. Балакшин // Рос. юрид. журн. – 2012. – № 5. – С. 124–126.
32. Басков, В. И. Прокурорский надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел в судах / В. И. Басков. – М. : Зерцало, 1982. – 512 с.
33. Башкатова, Е. Право на реплику в судебных прениях / Е. Башкатова, С. Милицин // Сов. юстиция. – 1988. – № 14. – С. 30–35.
34. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Б. Т. Безлепкин. – М. : КноРус, 2010. – 688 с.
35. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учеб. пособие / Б. Т. Безлепкин. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2011. – 328 с.
36. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – М. : Норма, 2007. – 528 с.
37. Белкин, Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств / Р. С. Белкин. – М. : Наука, 1966. – 295 с.
38. Березина, Л. В. Объяснения граждан и должностных лиц в стадии возбуждения уголовного дела / Л. В. Березина, В. М. Быков // Вестн. криминалистики. – 2005. – № 4(16). – С. 76–82.
39. Битокова, М. Х. Право собрания доказательств защитником и его осуществление в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Х. Битокова. – М., 2008. – 24 с.
40. Болотова, У. В. Критическое мышление в жизни современного общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук / У. В. Болотова. – Пятигорск, 2007. – 25 с.
41. Большой юридический словарь / авт.-сост. В. Н. [и др.] ; под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М. : Инфра-М, 2003. – 704 с.

42. Бранский, В. П. Диалектика познания : монография / под ред. А. С. Кармина. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 304 с.
43. Брутян, Г. А. Аргументация / Г. А. Брутян. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1984. – 105 с.
44. Брюшинкин, В. Н. Аргументорика: исходная абстракция и методология. Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград : КГУ, 2008. – 172 с.
45. Брюшинкин, В. Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация : сб. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. – Калининград : Изд-во КГУ, 2003. – 168 с.
46. Будылин, Д. Ю. Онтологические основы аргументации : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. Ю. Будылин. – СПб., 2009. – 24 с.
47. Варфоломеева, Т. В. Производные вещественные доказательства / Т. В. Варфоломеева. – М. : Юрид. лит., 1980. – 48 с.
48. Васяев, А. А. Об актуальности изучения процесса исследования доказательств / А. А. Васяев // Современное право. – 2012. – № 11. – С. 91–93.
49. Викторский, С. М. Русский уголовный процесс / С. М. Викторский. – М. : Изд-во А. А. Карцева, 1912. – 438 с.
50. Вилкова, Т. Ю. Основные начала рассмотрения мировыми судьями уголовных дел в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. / Т. Ю. Вилкова // Актуальные проблемы рос. права. – 2014. – № 4. – С. 546.
51. Владимиров, Л. Е. Учение о судебных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 646 с.
52. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная / Л. Е. Владимиров. – 3-е изд., изм. – СПб. : Законоведение, 1910. – 440 с.
53. Владыкина, Т. А. Ограничение права прокурора на представление доказательств в суде с участием присяжных заседателей / Т. А. Владыкина // Законность. – 2013. – № 9. – С. 28–32.
54. Власова, Н. А. Досудебное производство в уголовном процессе : учеб. пособие / Н. А. Власова. – М. : ЮРМИС, 2000. – 144 с.
55. Вольф, М. Н. Основания аргументации в раннегреческой философии: полярность как тип аргументации / М. Н. Вольф // Вестн. НГУ. Сер. Философия. – 2010. – Т. 8, вып. 4. – С. 110–115.
56. Воскресенский, В. В. Поддержание государственного обвинения по делам о тяжких преступлениях против жизни и здоровья / В. В. Воскресенский, Т. А. Богомолова, А. В. Похмелкин. – М. : Ладомир, 1994. – 291 с.
57. Вышинский, А. Я. На новые рельсы / А. Я. Вышинский // Соц. законность. – 1938. – № 6. – С. 53–61.
58. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А. Я. Вышинский. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 248 с.
59. Гавриленко, А. А. Проблемы изучения личности подсудимого в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей / А. А. Гавриленко // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – № 345. – С. 104–107.

60. Гайденко, П. П. История греческой философии в ее связи с наукой : учеб. пособие / П. П. Гайденко. – М. : Пер Се, 2000. – 319 с.
61. Гарасымкив, Л. И. Соотношение внутреннего убеждения и закона как оснований оценки доказательств в уголовном процессе / Л. И. Гарасымкив // Образование и право. – 2013. – № 3–4. – С. 34–37.
62. Гатауллин, З. Ш. Обоснование обвинения в прениях сторон / З. Ш. Гатауллин // Рос. юстиция. – 2009. – № 6. – С. 45–48.
63. Герасимова, И. А. Аргументация презентизма / И. А. Герасимова // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. 6, № 2. – С. 190–197.
64. Голунский, С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик / С. А. Голунский // Вопр. судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве. – М., 1959. – С. 145–148
65. Голунский, С. А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе / С. А. Голунский // Сов. государство и право. – 1955. – № 7. – С. 22–25.
66. Горя, Н. Принцип состязательности и функции защиты в уголовном процессе / Н. Горя // Сов. юстиция. – 1990. – № 7. – С. 22–23.
67. Гребенкин, П. И. Допустимость доказательств в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / П. И. Гребенкин. – Пятигорск, 2002. – 146 с.
68. Григорьева, Е. А. Комментарий к Федеральному закону от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (постатейный) / Е. А. Григорьева, Е. А. Злобина // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
69. Григорьева, Н. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств / Н. Григорьева // Рос. юстиция. – 1995. – № 11. – С. 39–43.
70. Громов, Н. А. Уголовный процесс / Н. А. Громов, Л. М. Зейгалова. – М. : Приор-издат, 2004. – 240 с.
71. Гросс, Г. Руководство к расследованию преступлений / Г. Гросс. – М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1930. – 139 с.
72. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 289 с.
73. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных стран : учеб. пособие / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головкин, Б. А. Филимонов ; под ред. К. Ф. Гуценко. – М. : Зерцало, 2001. – 480 с.
74. Деришев, Ю. В. Концепции уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России / Ю. В. Деришев. – Омск : Изд. Ом. МВД России, 2004. – 340 с.
75. Джунайдиев, А. Г. Полномочия адвоката – защитника по привлечению специалиста в уголовном процессе / А. Г. Джунайдиев // Адвокатура, нотариат и судебная власть. – 2009. – № 4. – С. 51–55.
76. Диалектика познания / под ред. А. С. Кармина. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 298 с.
77. Дулов, А. В. Судебная психология / А. В. Дулов. – Минск : Вышэйш. шк., 1975. – 464 с.

78. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – М. : Тип. А. П. Поплавского, 1910. – 448 с.

79. Елинский, М. В. Критическое и релятивистское мышление в онтологии: сравнительное исследование : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. В. Елинский. – СПб., 2008. – 24 с.

80. Ендольцева, А. В. Стадии уголовного судопроизводства (уголовного процесса) : учеб. пособие / А. В. Ендольцева. – М. : МосУ МВД России, Щит-М, 2009. – 64 с.

81. Ермакова, Т. А. О применении перекрестного допроса в судебном следствии / Т. А. Ермакова // Уголов. процесс. – 2009. – № 10. – С. 28–32.

82. Загорский, Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам : учеб.-практ. пособие / Г. И. Загорский. – М. : Проспект, 2011. – 312 с.

83. Загорский, Г. И. Нормы УПК РФ нуждаются в совершенствовании [Электронный ресурс] / Г. И. Загорский // Стратегии уголовного судопроизводства : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого, Санкт-Петербург, 11–12 окт. 2007 г. – URL: www.iuoj.net.

84. Засорина, Е. А. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление / Е. А. Засорина // Защитник как субъект доказывания в рос. уголовном процессе. – 2012. – № 6. – С. 50–56.

85. Зашляпин, Л. А. Основы теории эффективной адвокатской деятельности: прелиминарный аспект. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 586 с.

86. Защита по уголовному делу : пособие для адвокатов / под ред. Е. Ю. Львовой. – М. : Юристъ, 1998. – 216 с.

87. Зубович, М. М. Правомерны ли «юридические качели» в механизме процессуального взаимодействия? (приглашение к дискуссии) // Рос. юстиция. – 2008. – № 9. – С. 17–19.

88. Иванова, Ю. В. Характеристика права адвоката-защитника собирать доказательства в уголовном процессе / Ю. В. Иванова // Регион: системы, экономика, управление. – 2014. – С. 186–188.

89. Ивин, А. А. Теория аргументации : учеб. пособие / А. А. Ивин. – М. : Оникс, 2000. – 336 с.

90. Изотова, Н. В. Использование оперативно-разыскной информации в обеспечении доказывания в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Изотова. – Воронеж, 2003. – 245 с.

91. Ильина, Е. Камень преткновения / Е. Ильина // Нов. адвокат. газ. – 2014. – № 10. – С. 16–17.

92. Ильюхов, А. А. Деятельность защитника в уголовном процессе по делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей / А. А. Ильюхов // Публич. и част. право. – 2012. – № 1. – С. 119–128.

93. Иммануил Кант. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. – М. : Мысль, 2007. – 591 с.

94. Кипнис, Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н. М. Кипнис. – М. : Юрист, 1995. – 128 с.

95. Ключевский, В. С. О русской истории / В. С. Ключевский. – М. : Просвещение, 1993. – 774 с.

96. Ковалев, М. А. Книга о теории доказательств в уголовном процессе ФРГ / М. А. Ковалев // Вестн. МГУ. Сер. Право. – 1995. – № 2. – С. 87–88.

97. Козьявин, А. А. Категория оценки доказательств по внутреннему убеждению и ее место в научном наследии А. Ф. Кони / А. А. Козьявин // Адвок. практика. – 2014. – № 1. – С. 24–28.

98. Койсин, А. А. Роль адвоката при выступлении в судебных прениях / А. А. Койсин // Бюл. Упр. Суд. департамента при Верхов. Суде РФ в Иркут. обл. Иркутск. – 2001. – Вып. 9. – С. 88–91.

99. Кокорев, Л. Д. Подсудимый в советском уголовном процессе / Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. – 271 с.

100. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Экзамен XXI, 2002. – 976 с.

101. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. В. Т. Томина, М. П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2006. – 1124 с.

102. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. В. Т. Томина, М. П. Полякова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2009. – 1371 с.

103. Кони, А. Ф. Судебная реформа и суд присяжных / А. Ф. Кони // Избр. тр. и речи. – Тула : Автограф, 2000. – 640 с.

104. Коржуев, А. Как формировать критическое мышление? / А. Коржуев, В. Попков, Е. Рязанова // Высш. образование в России. – 2001. – № 5. – С. 50–57.

105. Корнев, Г. П. Методологические проблемы уголовно-процессуального познания / Г. П. Корнев. – Нижний Новгород : Изд-во Новгор. ВШ МВД РФ, 1995. – 194 с.

106. Коротких, М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России / М. Г. Коротких. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 185 с.

107. Краснов, Ю. К. Юридическая техника : учебник / Ю. К. Краснов, В. В. Надвикова, В. И. Шкатулла. – М. : Юстицинформ, 2014. – 536 с.

108. Кузина, Е. Б. Лекции по теории аргументации : учеб. пособие / Е. Б. Кузина. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – 211 с.

109. Лазарева, В. А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе / В. А. Лазарева // Уголов. право. – 2007. – № 3. – С. 98–102.

110. Ларин, А. М. О принципах уголовного процесса и гарантиях личности в проекте УПК-1997 / А. М. Ларин // Рос. юстиция. – 1997. – № 9. – С. 9–11.

111. Левченко, О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование : монография / О. В. Левченко. – Краснодар : Изд-во АГТУ, 2003. – 364 с.

112. Леонтьева, О. Г. Способы доказывания с участием свидетелей, которые обычно не допускаются / О. Г. Леонтьева // Адвок. практика. – 2013. – № 6. – С. 34–38.
113. Литвинова, Г. В. Психологическое консультирование и роль психолога в разрешении уголовных и гражданских дел с участием несовершеннолетних / Г. В. Литвинова // Вопр. ювенал. юстиции. – М., 2010. – № 6. – С. 12–14.
114. Ломовский, В. Д. О судебной речи / В. Д. Ломовский. – Калининград : КГУ, 1998. – 61 с.
115. Лубшев, Ю. Ф. Адвокат в уголовном деле : учеб.-практ. пособие / Ю. Ф. Лубшев, под ред. И. Б. Мартковича. – М. : Юрист, 1997. – 407 с.
116. Лукичев, Н. А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Лукичев. – Саратов, 2003. – 27 с.
117. Лупинская, П. А. Проблемы допустимости доказательств при рассмотрении дел судом присяжных / П. А. Лупинская // Вестн. Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 1996. – С. 39–43.
118. Макеева, Е. А. Правовая аргументация как объект гносеологического анализа : автореф. ... канд. филос. наук / Е. А. Макеева. – М., 2003. – 23 с.
119. Масленникова, Л. Н. Досудебное производство в уголовном процессе России : лекция / Л. Н. Масленникова. – М. : Акад. МВД России, 1993. – 50 с.
120. Матвиенко, Е. А. Судебные речи / Е. А. Матвиенко. – Минск : Вышэйш. шк., 1972. – 256 с.
121. Машовец, А. Допросы в судебном следствии по уголовному делу / А. Машовец, С. Конева // Уголов. право. – 2013. – № 2. – С. 44.
122. Машовец, А. О. Международно-правовые стандарты производства допроса по уголовному делу / А. О. Машовец // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. – 2013. – № 5. – С. 3–5.
123. Мельник, В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе / В. В. Мельник. – М. : Дело, 2000. – 289 с.
124. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / пер. с фр.; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб. : Наука, 1999. – 602 с.
125. Михалкин, Н. В. Логика и аргументация в судебной практике : учебник / Н. В. Михалкин. – СПб. : Питер, 2004. – 334 с.
126. Моршакова, Т. Г. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / Т. Г. Моршакова, И. Л. Петрухин ; отв. ред. О. П. Темушкин. – М. : Наука, 1987. – 239 с.
127. Настольная книга прокурора / под ред. С. И. Герасимова. – М. : Щит-М, 2003. – 840 с.
128. Невская, М. А. Адвокатура и нотариат : конспект лекций / М. А. Невская, М. А. Шалагина. – М. : Эксмо, 2007. – 160 с.
129. Ниесов, В. А. Правовое и информационное обеспечение доказательственной деятельности в уголовном процессе / В. А. Ниесов, С. В. Зубенко // Рос. юстиция. – 2009. – № 5. – С. 29.

130. Никандров, В. И. Избранные статьи и лекции по уголовному процессу / В. И. Никандров. – Киров : Юрист, 1998.
131. Никитаев, В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление / В. В. Никитаев // Состязательное правосудие : тр. науч.-практ. лабораторий. – М., 1996. – С. 69–73.
132. Новиков, С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Новиков. – СПб., 2003. – 231 с.
133. Овсянников, И. В. Рассмотрение сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические проблемы : науч.-практ. и учеб. пособие / И. В. Овсянников. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 208 с.
134. Оганесян, С. Г. Аргументация, ее предметная область и возможности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С. Г. Оганесян. – Ереван, 1997. – 39 с.
135. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. язык, 1990. – 917 с.
136. Окруадзе, Г. М. К проблеме реализации прав адвоката-защитника на собрание доказательств в уголовном процессе / Г. М. Окруадзе // Мол. ученый. – 2015. – № 3. – С. 663–666.
137. Орлов, В. В. Аргументация в философии. Особенности и проблемы / В. В. Орлов // Вестн. Перм. ун-та. – 2007. – № 11. – С. 1–7.
138. Орлов, Ю. К. Внутреннее убеждение при оценке доказательств (правовые аспекты) / В. В. Орлов // Вопр. борьбы с преступностью. – 1981. – Вып. 35. – С. 50–55.
139. Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М. : Проспект, 2001. – 144 с.
140. Осодоева, Н. В. Перекрестный шахматный допрос в Российском уголовном процессе / Н. В. Осодоева // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 112–117.
141. Пашкевич, П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве / П. Ф. Пашкевич. – М. : Госюриздат, 1961. – 171 с.
142. Перельман, Х. Язык и моделирование социального взаимодействия / Х. Перельман, Л. Олбрехт-Тытека // Новая риторика: трактат по аргументации. – 1987. – С. 203–207.
143. Петрухин, И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И. Л. Петрухин. – М., 2004. – Ч. 1. – 212 с.
144. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – М. : Прогресс, 1998. – 343 с.
145. Портнов, В. П. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.) / В. П. Портнов, М. М. Славин. – М. : Наука, 1990. – 40 с.
146. Почечуева, О. С. Некоторые вопросы, возникающие при реализации профессиональных функций адвоката-защитника и представителя в уголовном процессе / О. С. Почечуева // Пробелы в рос. законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 340–343.
147. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2013. – 496 с.

148. Прохоров, А. М. Советский энциклопедический словарь / А. М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., 1993. – 1632 с.
149. Пушкарь, А. Г. Критическое мышление, логика, аргументация : сб. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2005. – Вып. 3. – С. 113–116.
150. Радутная, Н. В. Порядок разрешения на предварительном следствии ходатайства о рассмотрении дела судом присяжных / Н. В. Радутная // Рассмотрение дел судом присяжных : науч.-практ. пособие для судей. – Варшава, 1997. – С. 99–101.
151. Рассмотрение дел судом присяжных. Научно-практическое пособие для судей / отв. ред. В. М. Лебедев. – М. : Юрид. лит, 1998. – 288 с.
152. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство / Н. Н. Розин. – СПб. : Изд-во юрид. склада «Право», 1914. – 548 с.
153. Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Наука, 1985. – Т. 3. – 146 с.
154. Рыжаков, А. П. Допрос: основания и порядок производства / А. П. Рыжаков // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
155. Рябинина, Т. К. Полномочия судьи в стадии назначения судебного заседания в уголовном процессе / Т. К. Рябинина // Рос. судья. – 2010. – № 4. – С. 36–42.
156. Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса / В. Случевский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 683 с.
157. Смирнов, А. В. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – СПб. : Проспект, 2009. – 311 с.
158. Смирнов, В. П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства / В. П. Смирнов // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 59–60.
159. Советский уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. – М. : Юрид. лит, 1990. – 432 с.
160. Соловьёв, А. Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии / А. Б. Соловьёв. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 192 с.
161. Спасович, В. Д. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. – Тула : Автограф, 2000. – 496 с.
162. Спасович, В. Д. О теории судебных доказательств. В связи с судоустройством и судопроизводством / В. Д. Спасович. – М. : ЛексЭст, 2001. – 113 с.
163. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – М. : Политиздат, 1972. – 303 с.
164. Спиркин, А. Г. Философия : учебник / А. Г. Спиркин. – М. : Гардарики, 1998. – 862 с.
165. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – Т. 1. – 468 с.

166. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки уголовного процесса / М.С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – Т. 1. – 468 с.
167. Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. – М. : Проспект, 2003. – 720 с.
168. Сычева, О. А. Тактика судебного следствия : монография / О. А. Сычева. – Ульяновск : Вектор-С, 2012. – 240 с.
169. Тальберг, Д. Г. Русское уголовное судопроизводство / Д. Г. Тальберг. – Киев : Т-во печ. дела и торг. И. Н. Кушнерев и К^о в Москве, Киев. отд-ние, 1889. – Т. 2. – 328 с.
170. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – М. : Юрид. лит., 1973. – 730 с.
171. Терновский, Н. А. Юридические основания достоверности доказательств / Н. А. Терновский ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2011. – 224 с.
172. Трунов, И. Суд не должен добывать доказательства / И. Трунов // Рос. юстиция. – 2001. – № 9. – С. 52–56.
173. Трусов, А. И. Основы теории судебных доказательств / А. И. Трусов. – М. : Госюриздат, 1960. – 176 с.
174. Уголовное дело № 1-456-14 // Архив Шелех. гор. суда.
175. Уголовное дело № 1-95-14 // Архив Шелех. гор. суда.
176. Уголовное судопроизводство: теория и практика / А. С. Александров [и др.] ; под ред. Н. А. Колоколова. – М. : Юрайт, 2015. – 1038 с.
177. Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг. : сб. науч. ст. / под ред. И. Б. Михайловской. – М. : Проспект, 2013. – С. 56–62.
178. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. – М. : Юность, 2003. – 754 с.
179. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. П. А. Лупинской. – М. : Норма, 2009. – 1072 с.
180. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под общ. ред. Г. М. Резника. – М. : Юрайт, 2013. – 859 с.
181. Уголовный процесс / отв. ред. А. В. Гриненко. – М. : Норма, 2004. – 496 с.
182. Уголовный процесс : учебник / под ред. К. Ф. Гуценко. – М. : Зерцало, 1996. – 736 с.
183. Уголовный процесс : учебник / под ред. К. Ф. Гуценко. – М. : Зерцало, 2000. – 736 с.
184. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Божьева. – М. : Спарк, 1997. – 193 с.
185. Ульянова, Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России / Л. Т. Ульянова. – М. : Городец, 2008. – 176 с.
186. Федоров, А. А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Федоров. – М., 2006. – 16 с.

187. Фельдштейн, Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству / Г. С. Фельдштейн. – М. : Типо-литография В. Рихтер, 1915. – 432 с.
188. Философия : энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2006. – 1072 с.
189. Фомин, М. А. Защитник в судебных прениях: речи адвоката / М. А. Фомин. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 432 с.
190. Фоницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. – СПб. : Альфа, 1996. – Т. 2. – 607 с.
191. Хмыров, А. А. Проблемы теории доказывания / А. А. Хмыров. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1996. – 180 с.
192. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X в. – 1917 г.) / сост. В. А. Томсинов. – М. : Зерцало, 2000. – 381 с.
193. Худякова, Ю. В. Вещественные доказательства в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Худякова. – Челябинск, 2006. – 23 с.
194. Цховребова, И. А. Новые процессуальные средства проверки сообщений о преступлении: что изменилось? / И. А. Цховребова // Рос. следователь. – 2013. – № 21. – С. 22–24.
195. Чайка, Ю. Я. Сильное российское государство должно иметь сильную прокуратуру : интервью // Прокурор. – 2012. – № 1. – С. 3–4.
196. Чеджемов, Г. Б. Судебное следствие / отв. ред. В. В. Шубин. – М. : Юрид. лит., 1979. – 96 с.
197. Чельцов, М. А. Задачи советской защиты и процессуальное положение адвоката / М. А. Чельцов // Адвокат в сов. уголов. процессе. – 1954. – С. 52–60.
198. Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Ю. В. Чуфаровский. – М. : Проспект, 2006. – 480 с.
199. Шалумов, М. С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств / М. С. Шалумов // Уголов. процесс. – 2005. – № 3. – С. 32–37.
200. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам; проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – Тольятти : Волж. ун-т им. В. Н. Татищева, 1997. – 92 с.
201. Шейфер, С. А. Понятие доказательства как предмет научной дискуссии / С. А. Шейфер // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. – 2008. – № 1 (14). – С. 13–23.
202. Эверс, Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Ф. Г. Эверс. – СПб. : Тип. Штаба отд. корп. вн. стражи, 1835. – 444 с.
203. Юдин, Э. Г. Системный подход к принципу деятельности. Методологические проблемы современной науки / Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – 167 с.
204. Judi, Hails. Criminal evidence. Seventh editon / Judi Hails. USA. – Belmont : Walds, 2012. – 246 p.

Научное издание

Брянская Елена Васильевна

**АРГУМЕНТИРУЮЩАЯ СИЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ**

ISBN 978-5-9624-1310-5

*Редактор Э. А. Невзорова
Дизайн обложки П. О. Ершов*

Темплан 2015. Поз. 128
Подписано в печать 22.12.2015. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 10,5. Усл. печ. л. 12,1. Тираж 300 экз. Заказ 311

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36**